

РЕЧЕ

1986

24

Вече

Независимый русский альманах

24

Шестой год издания

Главный редактор О. А. Красовский

Обложка работы художника Адама Русака

Издатель:

Российское Национальное Объединение в ФРГ

© Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V., 1986

München

**Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
необязательно выражают мнение редакции.**

Сердечно поздравляю
с праздником

РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

читателей и доброжелателей
альманаха «Вече»
желаю им всего доброго
в наступающем 1987 году
и приношу глубокую благодарность
жертвователям, оказывающим
русскому альманаху
материальную поддержку.

О. Красовский

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

В. Новиков – Русский Государственный Орел	7
---	---

Трибуна «Вече»

О. Бирюков – Загубленная юность	55
В. Вулич – Без грима	69

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Е. Валин – Прадеды и правнуки	95
В. В. – О русскости	109

БЫЛОЕ

Л. Рубанов – Клуб „Медный Всадник“	121
------------------------------------	-----

К 1000-ЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

А. Карташев – Св. Великий Князь Владимир отец русской культуры	133
---	-----

ВОСПОМИНАНИЯ

В. Вулич – Бирюльки	145
---------------------	-----

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Г. Варягин – Итоги гумилевского года	167
--------------------------------------	-----

НАМ ПИШУТ

191

В. Н о в и к о в

РУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРЕЛ*

Мистерия 445-летней исторической эволюции

I

„Никогда химики не достигнут
высот алхимиков и никогда
астрономы не узнают счастья
астрологов...“

Таким мудрым и глубоким афоризмом, безразлично – своим или чужим, венчает Римский-Корсаков одно из своих идеологических писем о „Могучей Кучке“ к А. Бородину. Этот афоризм можно поставить в эпиграф настоящего очерка о Русском Государственном Орле, как символе отдельных царствований.

Есть две истории в мире. Одна с кропотливой точностью собирает все мельчайшие детали событий, числа, даты, количества и т. д., сводит их в одну последовательную систему причин и следствий, очищает их от субъективных наслоений современников и выводит таким путем некую картину, исторического действия. Эта картина, к сожалению, никогда не бывает и не может быть абсолютно объективна, ибо, освобождаясь от субъективизма

* Печатается с любезного разрешения Зарубежного Союза Русских Военных Инвалидов, Париж.

современников, она неизбежно попадает под субъективизм описывающих ее исследователей, толкование которых не может освободиться от мировоззрения, если не личного, то, по крайней мере, эпохального. Отсюда вопрос о так называемых „исторических перспективах“ может быть подвергнут сомнению. И то, что в глазах последующих историков может представляться как ошибки, совсем не было ошибками для мировоззрения тех, кто эти деяния творил. История только материального исследования фактов не может потому считаться историей безукоризненно полной и требует для себя поправок и дополнений в области психологического анализа тех фактов, кои вызывали причины и следствия исторических действий. Если эту область признать вторым потоком в историческом исследовании, то необходимо признать еще и наличие потока третьего, мало заметного, но не менее действенного. В этом потоке история развивается вне рамок обычной формальной логики, а уходит в области, для которых перестают действовать естественные законы. Эта история лежит в области исследования философов, поэтов, художников, которые в некоем эмоциональном, подсознательном плане собирают не бухгалтерские числа в „Гроссбух“, но те невидимые миру духовные числа, сила и влияние которых на жизнь – фактически и создают историю в видимом и осязаемом плане.

Эти „алхимики и астрологи“ имеют власть жить вне времени и с одинаковой четкостью видеть не только тайны прошедшего, но и тайны будущего. Всякое искусство, если оно озарено подлинным талантом его созидающего – вневременно. Опираясь корнями своими в глубины прошедшего, оно в той же мере содержит в себе предвидения будущего. Такие примеры в огромном количестве мы можем найти во всех областях творчества человеческого духа: Фидий и Пракситель; Леонардо да Винчи и Микель Анжело; Гете и Достоевский, Бетховен и Лист; Ницше и Константин Леонтьев... и т. д., и т. д. Все они, опираясь на вечные, непреходящие и неизменяющиеся законы, впечатленные Творцом в мир, создали

ценности, в которых столь же сильно отражено им современное, как и предчувствие будущего.

Но если мы коснулись в своем примере имен столь блистательных творцов мировых ценностей, то это не значит, что только таковым принадлежит этот дар предвидения. В русской истории есть одна область, где совсем неизвестные мастера, повинаясь каким-то сверхсознательным влияниям, творили историческую символику, оказавшуюся почти без исключения поразительно пророческой. Эта символика – есть русская государственная геральдика, то-есть олицетворяющий русскую государственность – Русский Двуглавый Государственный Орел.

Геральдика, развившаяся на Западе во времена рыцарства, вылилась в очень строгие и закономерные формы. Стилизация и символика геральдических образов кристаллизовалась в чрезвычайно устойчивые и неизменяемые ордера, где каждый завиток, каждый штрих, каждая точка имели самодовлеющий смысл и значение. Перенесенная на русскую почву для обслуживания именитых русских родов, западная геральдика очень мало руссифицировалась и, во всяком случае, сохранила свою щепетильную строгость к неизменяемости, раз принятого, образа. Тем более может показаться поразительным, что Русский Государственный Орел не только никогда не был точно регламентирован основными государственными законами, но наоборот, следуя за какой-то неведомо кем и неведомо когда установленной традицией, весьма часто и решительно изменял свой облик.

Логически было бы понятно и геральдически было бы оправдано три вида Русского Орла:

1. Орел Царства Московского.
2. Орел Всея Великия, и Малыя, и Белья Руси.
3. Орел Российской Империи.

С некоторой вынужденной уступчивостью геральдика могла бы пойти на компромисс в видоизменениях Орла в пределах одного и того же царствования, если это царствование было обозначено событиями, решительно отражавшимися на истории государства – например: переход

от Царства к Империи; присоединение Польши, Кавказа, Туркестана, Финляндии; Освобождение крестьян и т. д... Но удивительно, что эти большие события не затронули Русского Орла. Наоборот, события характера психологического, почти неуловимого для современников, находили неизменный отклик в геральдической форме. И если можно еще объяснить видоизменения, происходившие, как отражение уже совершившегося, то чем и какой логикой можно объяснить те изменения, которые происходили в начале царствования, когда совершенно никому не могло быть известным, какие события грядут в ближайшем будущем и какими путями понесет Россия своего Государственного Орла. А именно эти видоизменения мы и находим на протяжении всей истории; и именно эти видоизменения вещают собой поразительные пророчества.

Какие-то безвестные художники, повинувшись своей интуиции, награждали Орла символами, которые удивительным образом оказывались провидческими и оправдывались последующими событиями. Возникает недоуменный вопрос: была ли это просто фантазия художников или это было какое-то фатальное провидчество? И если это было провидчество, то чем объяснить такую закономерную, регулярную, периодическую повторяемость озаренности тех кто это творил? На это материалистическая история вряд ли сумеет дать ответ. Ответ могут дать только те, кто свое миропонимание соприкасают с надматериальным планом, т. е. художники, поэты, мыслители... Чем объяснить тот необыкновенный факт, что бесконечный ряд совсем безвестных, не блещущих никакими показными талантами древних маляров, потом изографов, потом живописцев, граверов, наконец, графиков, которые работали сперва на „Царском Подворье“, потом в „Приказных избах“, на „Печатном Дворе“, на „Монетном Дворе“, наконец, в наше уже время в „Экспедиции заготовления Государственных Бумаг“ – оказались пророками Судеб Российского Государства, глаголя свои пророчества геральдическими символами? Кто они, все эти Ивашки

Долгие, Афоньки Черновы, Модесты Клейменные и т. д., имена которых случайно сохранили нам старые приказные записи? Потом ряд таких же безвестных Ширкиных, Окшиных, Зарядных и, наконец, уже графиков последнего времени – Костенко, Чехонина (автора советского герба), Нарбута, Солодовина, которые то тонкой хорьковой кистью, то позже резцом гравера украшали царские грамоты, резали штампы для российских монет, сочиняли рисунки для прапоров, стягов, знамен, наконец, давали каждому царствованию нового Государственного Орла, коему суждено было на крыльях своих нести исторические судьбы России. Вряд ли под обзор этого явления можно подвести сейчас какую бы то ни было рационально-объяснительную базу. Ни философия, ни, тем менее, эмоции не имеют таких твердых дисциплин, которые могли бы быть непреложными и неоспоримыми. Но научное исследование движется всегда одним и тем же путем: кто-то, опираясь на ряд повторяющихся фактических явлений, делает первую попытку свести их в закономерную систему, и выдвигает так называемую *гипотезу*. Другие начинают исследовать и проверять эту гипотезу и, если она подтверждается, то переходит в *теорию*. Дальнейшая разработка теории уже выводит непреложные *законы*.

Настоящая попытка толкования эволюции Русского Государственного Орла не претендует более, как на гипотетическое значение.

*

Одну странную вещь приходится наблюдать нам в древней Руси: несмотря на весьма кичливое боярство, установившее законы „местничества“ и весьма щепетильно дорожившее своей родовой преемственностью; несмотря на тончайшие отличия чести в писании „отчества“ на „ов“ или на „вич“ („сын Иванов“ или „Иванович“ и т. д.) – русский язык не выработал дворянской частицы фамилии, подобно романской „де“ или „ди“, германской

„фон“ или „цу“, или, наконец, даже тюркской „бей“ или „бай“. И еще, – в то время, как Запад в эпоху рыцарства и феодализма создал огромную и сложную геральдику родовых гербов, русский быт не выработал и этого. И если, тем не менее, русское дворянство имеет свои гербы, то они более позднего и явно подражательного происхождения, занесенные с Запада. Несмотря на огромную способность русской души к ассимилированию всего входящего, гербы русского дворянства остались даже никак не затронуты руссификацией. Декоративность русской народной орнаментики не коснулась их и развитие символических атрибутов шло в том русле, которое раз и навсегда оказалось установленным Западом. Этому есть свое объяснение. Известно, что органическому развитию геральдики в древней Руси препятствовало православное мировоззрение, которое не допускало возможности символически изображать человеческий православный род (образ и подобие Божие) – личиной стилизованного зверя. Подтверждением этого служит то обстоятельство, что, в то время, как на родовых геральдических знаках Западной Европы мы в огромном количестве встречаем стилизованного зверя – льва, единорога, грифона, орла, буйвола, горгону и т. п. – на всех русских великокняжеских и царских стягах, прапорах, знаменах, воинских хоругвях и проч. была неизменно только икона: Нерукотворного Спаса у Дмитрия Донского; Богородицы у Александра Невского, наконец, изображения разных других святых, чаще всего покровителей данных князей, княжеств или просто городов.

Таким гербом в Московском Княжестве была икона-эмблема Воина Небесного, Св. Георгия Победоносца, поражающего копьём апокалипсического змия.

В этом одном уже знаменательный символ. На престоле Московского Княжества, начавшего существовать со второй половины XIII века не было великих князей с именем Георгий. Если даже принять во внимание, что основателем Москвы был князь Юрий Долгорукий, то и тогда нельзя будет сделать прочного слияния, так как в

ХІІ веке имя Юрий еще не отождествлялось с именем Георгий, что произошло только в середине XV века. В иных славянских языках эти имена существуют отдельно и до сих пор. Поэтому Георгий Победоносец в гербе Москвы является выразителем не личного патроната, но носителем некой государственной идеи, смысл которой гласил: вечной борьбой с антихристовым злом – утверждать богоносную правду Христа.

Обращаясь к анализу русской народной души, или, вернее, народной стихии, данному нашими философами, поэтами и мыслителями; обращаясь к жестокой проблеме хаотического или, вернее, анархического начала, охарактеризованного Достоевским, как „две бездны“, – мы не можем пройти мимо того первичного символа, который отличает Русского Двуглавого Орла от Орлов (в том числе и двуглавых) других стран, а именно символа Георгия, поражающего Змия, помещенного на груди Орла. Западноевропейские изображения этой же идеи имеют различные формы: Архистратиг Михаил изображается в уже законченном акте победы. Такие же изображения Георгия чрезвычайно широко распространены в католической пластике: Дракон уже побежден и Св. Георгий, как торжествующий победоносец, попирает его труп ногами. Этот древний христианский символ арийские народы знают еще и до христианства и германский Зигфрид в готической орнаментике есть только предтеча церковного символа Св. Георгия.

В русском изображении нет законченного акта. Несмотря на название „Победоносец“, сама победа в своей окончательной форме не изображена. Георгий только борется со Змием. Он только разит его копьем. Но убит ли Змий, или только ранен... и, может быть, возымеет еще силы оправиться и нанести поражение своему противнику, – об этом изображение не говорит.

Так, с самого начала своего мистического полета над судьбами Российского Государства, Русский Двуглавый Орел нес на груди своей тезу и антитезу, добро и зло,

Христа и Антихриста, Всадника Небесного и Змия апокалипсического. Две бездны!

445 лет побеждал Георгий гидру, пронзал ее копьем, но... не умертвил. Бездна греха, анархии и богоборчества, извиваясь под копьем Воина Христова, все же жила на самой груди, под самым сердцем Орловым.

В трагический мартовский день 1917 года антихристова гидра московского герба ужалила, наконец, Орла в сердце. Император Николай II отрекся от престола. С тех пор, обессиленный, опозоренный, разбитый и истощенный, брошенный на задворки истории, лежит распластавшись Русский Орел. Да лежит ли еще, хотя бы в таком виде? Темно историческое грядущее и вряд ли можно найти сейчас какие-либо твердые обоснования для построения серьезных догадок. Слишком много разнородных факторов творят историческое действие. Слишком много различных и уловимых, и неуловимых сил действуют на исторической сцене...

Проследим же четырехсот-сорока-пятилетний полет Русского Двуглавого Орла со всеми теми изменениями, которые претерпел он за свою жизнь и со всеми теми мистическими пророчествами, которые являл он своей изменяющейся формой, начертывая этим письмена, которые только теперь, впервые, так запоздало мы пытаемся прочесть.

*

Прежде чем перейти, однако, к рассмотрению Орлов всех царствований, начиная с Иоанна III и кончая Императором Николаем II или даже еще и последним Орлом Временного Правительства, необходимо сделать существенную оговорку. Русский Государственный Орел за все время своего существования, вплоть до царствования Императора Александра III никогда не был точно установлен законом. В силу этого его форма, детали, атрибуты и характер менялись с безграничной произвольностью. Штампы, по которым выбивалась русская монета,

резались не только русскими, но зачастую и иностранными граверами. И те, и другие, в большинстве случаев, были совершенно безграмотны, по меньшей мере в русской истории. Износившийся штамп заменялся новым, на-ново вырезанным, отчего в пределах одного и того же царствования можно встретить великое разнообразие форм, часто совершенно противоположных одна другой.

Придавать значение и пытаться найти смысл в этом многообразии – задача, конечно, бесполезная. Но в потоке этой многоликости можно выделить одну твердую линию. Это те Орлы, которые появлялись в *начале* каждого царствования, т. е. коронационные. Именно они и составляют предмет настоящего исследования и именно в них раскрывается то провидчество, о котором сказано в начале этого исследования.

II

Великий Князь Московский Иоанн III женился на Византийской царевне Софье Палеолог и этим актом приобретает последний и неоспоримый авторитет среди не только существующих еще удельных князей Руси, но и в заграничных сношениях с иностранными державами. Для вящего упрочения этого авторитета Иоанн III воспринимает родовой герб Византийских государей – Двуглавый Орел.

Двуглавый Орел Византии имел у себя на родине смысл двуглавой Римско-Византийской империи, охватывающей Восток и Запад (1).

Его лапы – Западная (Римская) держала меч и Восточная (Византийская) – крест. Никаких других эмблем Византийский Орел не имел.

Император Максимилиан II, отправляя свою племянницу Софью на Московский великокняжеский престол, не дал ей однако своего Императорского Орла, и на стяге, который везли во главе свадебного поезда цесаревны,

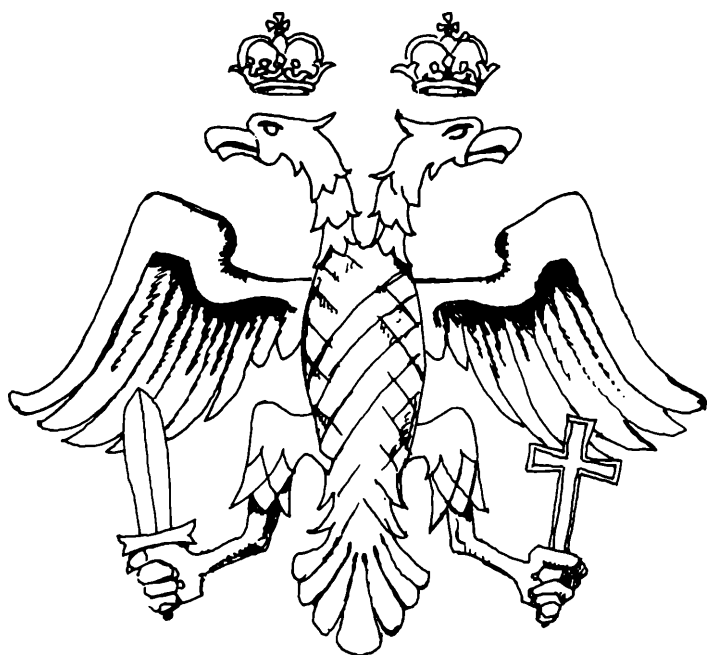

Рис. 1

был изображен Орел несколько иной формы, знаменующий только родовой герб царствующей династии, но отнюдь не эмблему Империи.

Этот Орел имел над главами не Императорский, но только цесарский венец и в лапах своих не держал ничего (2). Вытканый черным шелком на золотом поле, он представлял из себя только черный силуэт, лишенный пластики и внутреннего рисунка, и является, таким образом, только плоской, орнаментальной эмблемой.

Тем не менее, для Московского Великого Князя эмблема эта уже представляла собой великую честь, и заманчивая перспектива стать в равное положение со всеми иными европейскими государями, побуждала его принять этот герб не только как династический герб

Рис. 2

своей супруги, но и как геральдический символ своего Государства.

Иоанн III, совершая для современников акт величайшего значения – породнения Византийской Императорской Династии с Династией Рюрика, был вполне удовлетворен этой формой и отнюдь не мог еще мечтать о таком величии своего Московского княжества, которое пришло потом, и которое позволило Московским царям считать себя преемниками Византии, когда пышная Константинова Империя рухнула под ударами Османов и Москва почувствовала себя „Третьим Римом“.

Орел Иоанна III в лапах своих не держал ничего. В таком виде, еще только готовясь к будущим заданиям, прилетел на русскую землю этот Орел, которому с этого момента предстояло символизировать собой огромнейшую страну, тоже охватывающую Восток и Запад и населенную народом, который „с мечом в руках и с крестом в сердце“ творил свою историческую судьбу.

Превратившись из Великого Князя в Царя Московского и взяв для своего нового общерусского Государства новый герб – Двуглавого Орла, Иоанн III вновь возлагает на обе главы Цесарские венцы (3).

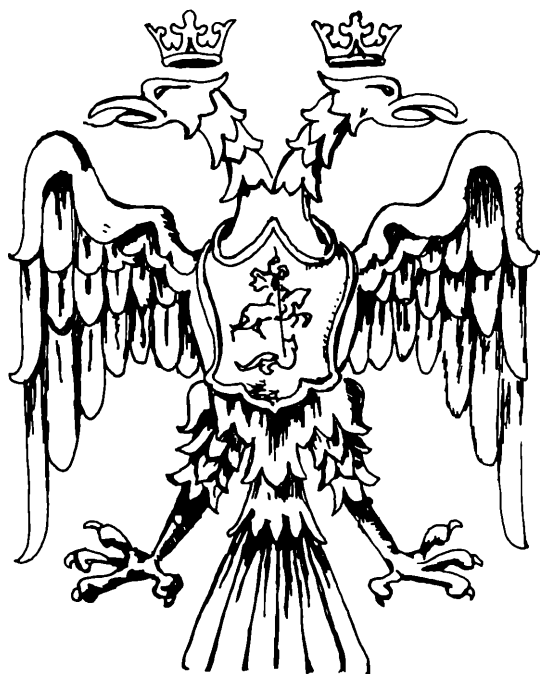

Рис. 3.

Одновременно грудь Орла покрывается щитом Московским с изображенной на нем иконой Св. Георгия Победоносца. Казалось бы все... Но Иоанн III очень еще робок и очень щепетилен. Он еще боится упреков своего имени-того византийского родства в том, что безоговорочно присваивает себе блистательную эмблему могучей империи, в то время как сам еще остается вассалом и данником татарских ханов. И повинувшись этому печальному соображению, расставленные крылья византийского Орла сжимаются и опускаются вертикально вниз. В то же время, в них появляется перистость.

Орел, как бы, из графического символа, каким он был в Византии, начинает наливаясь плотью, оживает, готовится к полету; из византийского черного силуэта прев-

ращается в живой организм. В таком виде старый римско-византийский Орел впервые становится уже *Русским Орлом*, которому в этом своем третьем рождении суждено было нести на своих крылах судьбы России с 1472 года – 445 лет!

Однако, восемь лет спустя, т. е. в 1480 году происходит событие величайшего исторического значения – свержение татарского ига! Престиж Царя Московского поднимается на небывалую высоту. Царь становится „САМО-ДЕРЖЦЕМ“, т. е. в тогдашнем понятии этого эпитета – независимым и самостоятельным. И с этого момента появляется первое закономерное, вполне исторически реальное и геральдически оправданное, глубоко знаменательное видоизменение Орла (4). Орел вдруг взлетает!

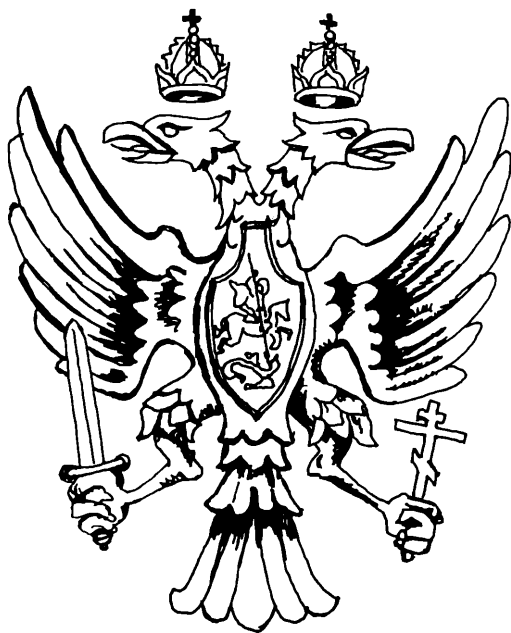

Рис. 4.

Его крылья разворачиваются в шири полета. Клювы его голов становятся грозными, орлиными и угрожающе раскрываются. Он перестает быть уже только геральдическим символом статического бытия государства, но воспринимает в себя символику государственного динамизма, т.е. постановки и разрешения исторических государственных задач.

Каковы же были в ближайшем эти задачи? Татарское иго свергнуто. Московскому князю не нужно больше ездить на поклон в Орду. Но татары еще сильны. Царство Казанское и Астраханское, а также различные и многочисленные орды на юге и юго-востоке московских пределов еще требуют долгой и настойчивой борьбы, закончить которую удастся только внуку его – Иоанну Грозному. И готовясь к этим историческим задачам, Русский Орел вновь берет в свои лапы крест, как символ православия, и меч, как символ борьбы. Это не подражание римско-византийскому Орлу. Это свои собственные, продиктованные исторической необходимостью, динамические атрибуты. Это видно по мечу, который свою широкую и короткую римскую форму сменил на более узкую и удлиненную русскую и по кресту, который из четырехконечного Владимирова – византийского, перешел к восьмиконечному – русскому. Под этим знаком проходит царствование Иоанна III.

*

Рухнувшая под ударами Отоманов Византийская Империя делает русского Орла окончательным преемником византийского идеологического наследия и сын Иоанна Василий III уже не считает нужным подражательно удерживать венцы на обоих главах, понимая под этим как бы раздвоение власти и возлагает на обе главы одну общую, самодержавную Шапку Мономаха (5).

*

Рис. 5.

Это знаменательное видоизменение не остается однако единственным. Очень динамично и очень плодотворно было это царствование. К Москве был присоединен Псков, подобно Новгороду управлявшийся своим Вечем, а счастливая война с Литвой возвращает захваченный Витовтом Смоленск.

На это Орел, взлетевший уже так высоко и так гордо, отвечает малозаметной, но весьма аргументированной деталью: Меч, находящийся до того в композиционных пределах самого Орла, выносится за эти пределы и существенно удлиняется, знаменуя и расширение, и поступательный ход исторических задач.

По смерти Василия III, за малолетством его наследника Иоанна IV, получившего впоследствии название Грозного, наступает десятилетнее номинальное регентство его

матери – Елены Глинской, а фактически десятилетнее самовластие бояр.

Здесь впервые Русский Орел испытывает существенное, почти даже комическое, видоизменение. Вошли в поговорку боярская спесь и боярское чванство. В „трех шубах“ „прели“ бояре в жарко натопленных теремах на заседаниях Боярской Думы. Боярские окладистые бороды и боярские колыхающиеся огромные животы, являлись гордостью и признаком могущества, силы и благородства.

Кто осмелился сыграть с Русским Орлом такую злую шутку (6), сделав его карикатурой на боярское дородство?

Рис. 6.

В боярское правление о делах государства думают мало. Правители заняты склокой между собой. И не государственная динамика, не исторические задачи поручается символизировать Орлу, но, наоборот, – статическую неподвижность, стабилизацию, инертность и ожирение. И вот, выпадает из боевой лапы Орловой динамический меч и спесиво берет эта лапа стабилизированную державу. Клювы закрыты. Широкая грудь переходит в жирный, отвисший живот, из под которого расплывается укороченный хвост. Этот Орел не полетит. Этому Орлу грузно сидеть только за высокими кремлевскими стенами, построенными активными предшественниками и золотить только маковки и вышки помпезных храмов и башен.

*

Но вот Иоанну исполняется 16 лет. Он коронуется на царство. И среди общего государственного консервативного застоя и тишины, вдруг, неведомо по чьему приказу, неведомо по чьей выдумке на коронационных хоругвях и стягах, на царском Шатре в Архангельском Соборе, на белых кафтанах рынд появляется новый, невиданный еще на Руси Орел (7).

Его крылья вдруг расправляются, знаменуя некий начинающийся полет. Клювы, сонно закрытые при боярах, властно и грозно раскрываются. Мономаховы шапки на главах, как только Великокняжеские, перестают отвечать достоинству царя Московского. Они получают сверху надстройку, более, как тогда повидимому казалось, знаменующую уже не Царскую Шапку, но Царскую *Корону*. Жир с Орла спадает и в боевую лапу снова возвращается меч. Он удлиняется еще более. Конечно! Ведь он так еще будет нужен! Впереди и конечная борьба с татарами, и войны с Литвой, Польшей и Швецией, наконец, внутренняя жестокая борьба с боярством...

Но откуда узнали обо всем этом будущем те, какие-то безвестные изографы, которые в приказной избе фантази-

Рис. 7.

ровали нового Орла к коронационным торжествам нового, молодого Государя? Было ли это необычайным спиритуальным предвидением, или они понимали ход государственных задач глубже и лучше чем те, кто стоял у руля этого государства? Было ли это фиксацией видения того, что неизбежно будет, или было в этом желание побудить Орла свершить то, что для Руси нужно и необходимо? Во всяком случае в Орле Иоанна IV мы присутствуем при первом мистическом чуде, явленным геральдической символикой. Это чудо открывает ряд последовательных чудес во всей последующей жизни Русского Государственного Орла и заставляет остановиться перед фактом, объяснимым только в спиритуальном плане.

Освободившаяся из лапы держава уже не может исчезнуть из символических атрибутов Орла, и ставит художников в трудное положение нахождения ей места. Перенесение ее наверх, между глав, на первый взгляд может показаться нелепицей. Но вот, из места сращения шей вырастает высокий, восьмиконечный православный крест. Он уже не атрибут геральдических символов. Он органически связан с телом Орловым и именно он является как бы опорой парящей над ним державы. И сама держава мистически покоится на ТРЕХ крестах – два от царских корон и третий средний из тела. Что это – композиционная случайность? Вынужденное приведение к гармонической целостности нагроможденных деталей? Кто из этих приказных живописцев мог знать, что уже очень скоро старец Филофей выдвинет идею „Третьего Рима“ и Москва возмет на себя вселенскую миссию быть последней носительницей и хранительницей православной веры Христовой, органически, из самого тела своего, воздвигающей восьмиконечный православный крест.

Вернемся еще раз к изумлению перед чудом, ибо оно явилось не тогда, когда произошли уже события огромной государственной важности – покорение Казанского и Астраханского царств, присоединение Сибири, установление Судебника, рождение идеи Третьего Рима и Богопомазанности Царя, борьба с боярством и установление не только внешнего, но внутреннего самодержавия, покорение Новгорода, открытие иноземных связей морским путем через Белое море и т. д., и т. д., – но именно тогда, когда шестнадцатилетний юноша, находящийся под весьма добрыми и кроткими влияниями своих воспитателей Сильвестра и Адашева, только еще вступал на престол, чтобы, неведомо для самого себя, дать Русскому Орлу новый государственный полет.

Кто совершил это чудо? Может быть специальные исследования в древних архивах, если только таковые сохранились, могли бы установить имя какого-нибудь живописца из приказной избы на царском подворье. Но что нам объяснит имя какого-нибудь Ивашки Голого или

Афоньки Босого? Да и не Ивашка, и не Афонька были пророками! Пророчествовала какая-то подсознательная интуиция в русском народе, какой-то дар предвидения и предчувствия, который стихийно продолжался и далее во всех царствованиях, во всех видоизменениях Русского Орла. На это никакая материалистическая история, никакая диалектика и никакая практическая логика ответа не найдет. Ответ можно искать только у тех „алхимиков и астрологов“, о которых было упомянуто в эпиграфе этого очерка. Есть вещи, которые поэты могут проанализировать точнее, чем математики.

*

Но в царствование Грозного Царя Иоанна был еще один знаменательный период. Истошив свое первичное

Рис. 8.

долготерпение в тщетных попытках обуздать боярскую склоку и бесконечные интриги, Иоанн отрекается от Царства, как **недостойного его** и уходит в Троице-Сергиевский монастырь. Наступает период государственного смятения. Тучи собираются над страной. Временно Русью правит все та же „Семибоярщина“. Царь погружается в мрачную мистику и не хочет больше слышать о своем царстве.

Снова, каким-то чудесным велением, видоизменяется Русский Орел. Правят бояре – значит должна вернуться старая форма тяжелого, статического, ожиревшего Орла (8). Не пристало этому Орлу носить на себе державные атрибуты. И живописцы из приказной избы лишают его всего!

Лапы пусты и растопырены. Держава и крест „Третьего Рима“ улетучились. Сам герб Московский, с Георгием Победоносцем на щите, уничтожился и Св. Георгий перешел снова на „свиток“, который только возложен на грудь. Только головы еще грозны и только клювы еще раскрыты, чтобы вступить в борьбу с недругами...

И в то время, как смятенная Москва живет под знаком этого обесцвеченного и обесславленного боярского Орла, где-то совсем рядом, поблизости, под святынями всенародно чтимой Сергиевской Обители сидит законный, венчаный, богопомазанный и оскорбленный Царь, скапливающий грозу над самовластным боярством. Там, за стенами Троицкой Лавры образуется у Иоанна свой новый небольшой двор и там начинается зарождаться новая форма царствования, которая должна будет простереться над Русью. Этой форме ответит и новый Орел.

И вот, слетают с глав венцы Мономаховы, которые, может быть, в мнительном Царе могут вызвать подозрение в двоевластии, т. е. разделение власти с боярами, и заменяются одной общей, неведомой еще на Руси, короной (9).

Как объяснить вхождение этой явно западной формы? Догадки можно строить только на одном факте. Как известно, именно около этого времени, Польша, раздирае-

Рис. 9.

мая внутренними смутами своего анархически-республиканского духа, склонялась к проекту предложения польской короны Иоанну IV. В иезуитских лабораториях Ватикана, с благословения Папы был выработан план Русско-Польского Короля, Царя и Императора. Именно Императорским титулом, поднесенным впоследствии Лже-Димитрию, папский престол надеялся соблазнить честолюбие Иоанна. Для этого, зная, что Иоанн не согласится просто перейти в католичество, Ватикан допускал возможность „двоеверия“ с тем, что три года, которые русско-польский Император должен был бы жить в Кракове, он будет католиком. Следующие же три года жизни в Москве – он снова становился православным... и т. д. План был рассчитан на дальний прицел и конечным

результатом этого проекта предполагалась полная католизация или, по крайней мере, уния обеих церквей под главенством Рима.

Только иезуиты „для вящей славы Божьей“ могли придумать такой план. Иоанн, в своей накопившей против оскорбителей ненависти, не отверг, однако, безоговорочно всего плана. В тайных сношениях он все-таки обсуждался. Соглашаясь в принципе на принятие польской короны и даже на коронацию в Кракове, он однако категорически отказался хотя бы даже от фиктивного католицизма и от, хотя бы даже кратковременного, житья в Польше.

Не потому ли над этой иноземной короной так доминирующе водружен восьмиконечный православный крест, подкрепленный инициалами Иисуса Христа?

Но рассмотрим этого странного Орла дальше. Из хищно раскрытых клювов сильно выпрастываются языки. Должны ли они что-нибудь вещать? Пожалуй! Ту идею, которая прочно вошла в психику вся Руси: Москва есть третий Рим, а четвертому не бывать!

Однако, спокойствие державы Российской поколеблено. За монастырскими стенами сидит Царь без царства и готовит новое воцарение в совершенно новой форме. Какова она еще будет! А пока лапы Орловы бросают все атрибуты своей канонической символики и напрягают когти, готовые вцепиться в тех, кто нарушил преемственную динамику государственности.

Именно отсюда происходит самое странное, самое неожиданное, самое малопонятное видоизменение. Это – кардинальное изменение старого Московского герба. Собственно, даже и о изменении здесь нельзя говорить. Это полная замена Святого Небесного Покровителя Москвы каким-то новым, небывалым и неведомым символом. Во-первых, старый щит из щита превращается в какой-то плакат, хартию или свиток пергамента. Начало этому, по какому-то предчувствию, дал, впрочем, предыдущий „боярский“ Орел! Во-вторых, исчезает Св. Георгий и заменяется скачущим **единорогом**. Что это значит? Где

найти этому объяснение? Кто предложил Иоанну этот небывалый образ? Или он выдумал его сам? Попробуем гадать!

В архивах Троицко-Сергиевой Лавры сохранились записи о пребывании там Иоанна и о всех последующих событиях связанных с его возвращением на царство и учреждением **Опричнины**. В этих записях есть места, наводящие на разъясняющие догадки. В тесных, душных келиях монастыря оскорбленное самолюбие Иоанна, наливаясь страшной яростью и злобой к распущенному боярству, с радостью ухватилось за поданную ему идею учреждения особой организации, которая будучи подчинена только единоличному Царю, помогла бы ему вывести измену и неправду в Государстве.

Как пример такой организации Иваном Пересветовым, идеологом Опричнины, указывались Янычары при турецком султани. Иоанн с радостью ухватился за эту идею. Но как же было русскому, православному Царю, хранителю идеи „Третьего Рима“ брать пример с „нечестивого“ турецкого султана? Нужно было, хоть лицемерно, найти какое-нибудь „моральное“ оправдание. Где же можно было его найти, кроме как в неоспоримом моральном авторитете Священного Писания. И вот, услужливый иеромонах Таисий читает и „разъясняет“ Иоанну „Жития кроткого Царя Давида“, непревзойденная патологическая жестокость которого в массовых казнях своих врагов нашла себе не только благоволение в глазах древнего Библейского Бога, но и была увенчана возведением Царя Давида в величайшие святые Ветхого Завета, с приданием ему эпитета „кроткий“.

Вот, что читаем в этих записях: Сначала идет изложение псалмов Давида №№ 87, 88, 89, 90, насыщенных жалобами на окружающих врагов и дышащих яростью и местью к ним. И наконец, в поучении к псалму 91 находим строки: „...вот враги твои гибнут и рассыпаются все делающие беззаконие. А мой РОГ ты вознесешь, как рог ЕДИНОРОГА...“

Если принять во внимание, что самый символ „Рога“ в Библии встречается весьма часто и знаменует собою атрибут не только святости, но и принадлежность самого Бога – („...с Тобою избодаем рогами врагов наших; во Имя Твое попрем ногами восстающих на нас...“ Псал. 43), – то непонятная на первый взгляд фантазия мистически настроенного Иоанна, начинается, как будто бы, проясняться. Не здесь ли лежит странная разгадка? И что она лежит именно здесь, как будто подтверждается тем обстоятельством, что акт, или так называемая „Золотая була“ об обратном принятии царства и вторичном восшествии на престол, явившегося в результате верноподданнического паломничества всей Москвы, – скреплена печатью именно с этим „Единорожьем“ Орлом. Печать эта изготовлена не в Москве, а все там же в Троице-Сергиевской Лавре. По кругу ее идет надпись: „Яко единорога святылище Твое на земли“.

По возвращении Царя в Москву и самодержавного упрочения трона, Орел этот был Иоанном отменен. Св. Георгий снова вернулся на свое место и Орел снова взял себе все царственные атрибуты. А Единорог, соскочивши с герба, обернулся Опричником и кровавой метлой прошелся по взъерошенной и изнемогающей Руси, приготавливая ее к взрыву той стихийной ярости самоистребления и анархии, которая настала так скоро под названием „Смутного времени“.

*

Страшными массовыми казнями, опалой, разорением, ссылками и т. д. строптивное боярство приведено к повиновению. Принцип неограниченного абсолютизма достигает наивысшей точки. Но одновременно с этим обнаруживается и центробежный процесс государства. Московия обезлюдела. Обнищавший и перепуганный народ потянулся на волжские, донские, днепровские „Украины“. Там зарождается анархическая вольница, которая на долго еще обессиливает внутреннее устройство госу-

дарства. Довлеющая воля грозного Царя Иоанна уходит и на ее место воцаряется слабая, робкая и беспомощная душа болезненного и ограниченного Федора Иоанновича. И рушится мгновенно вся психологическая мощь созданной Иоанном державы. И Орел, уже не парящий, а как бы гонимый ветром, поникает над истощенной Русью. Мгновенно угасают все его динамические атрибуты (10).

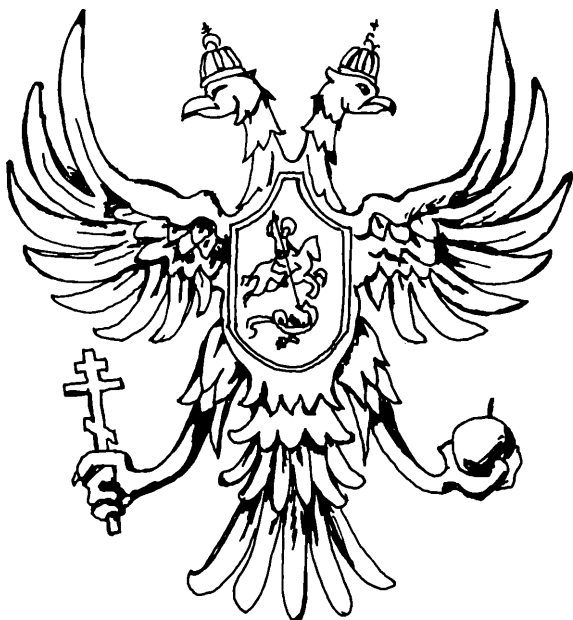

Рис. 10.

Испаряется держава над главами. Уничтожается также и крест. Грозно раскрытые клювы закрываются. Крылья заворачиваются в каком-то кругообразном движении вверх, как будто не они уже владеют полетом, а вихри и ветры снизу влекут их по своему произволу в неизвестность. В лапах еще остается крест в одной. Но меч из другой выпадает и заменяется неведомо чем. Конечно,

этот шарик можно понимать как державу, уже бывшую однажды в этой же лапе. Но старая держава была полная, тяжелая, с экваториальной полосой посередине и увенчана крестом наверху. Этот же шарик похож скорее на яблоко, тем более, что вместо венчающего креста, здесь помещен просто какой-то отросток. Может быть чрезвычайно возросшие к этому времени сношения с Западной Европой дали основание очередному „Ивашке“ или „Афоньке“ так наивно истолковать германское название державы „Reichsapfel“ („государственное яблоко“) и это могло привести к подобному курьезу. Но то, что могло бы показаться курьезом с начала тяжелого и неудачного царствования робкого и безвольного Федора, то оказалось таким же мистически-пророческим в отдаленном будущем, как и неожиданные атрибуты Орлов предыдущих. Так, накануне Смутного времени, а вернее, первой русской социальной революции, родился в России тот же символ, который кровавым следом прокатился уже в наше время, во второй русской социальной революции: – „Яблочко“. ...Эх, яблочко, да куды котишься!..

„Яблочко“ царя Федора Иоанновича принесло русскому народу „Юрьев день“ – крепостное право.

*

Умный, властный, заботливый и глубоко несчастный Государь Борис Феодорович Годунов мог бы явиться родоначальником новой династии. Занятие им престола было вполне легально и подкреплялось еще кроме того, родством с угасшей династией Рюрика-Долгоруких. Однако, злой рок тяготеет над Борисом. Народная молва, подстрекаемая злостной интригой и клеветой Шуйских (как это установлено уже почти точно современными историческими изысканиями), не хочет видеть в Борисе законного Государя, считая его захватчиком престола и царевубийцей.

И вот Орел в самой трагической форме отражает это общенародное мнение (11).

Рис. 11.

Главы Орла напряженно вздернуты кверху. Клювы страшно разинуты и как бы вопиют к небу о преступлении. А, может быть, они вопиют о хлебе для терзаемой голодом Руси?

Иоанново Единорожье наследство не проходит даром. Не смеет царствовать Борис! И снимаются с голов царские шапки. В правой лапе он судорожно держит восьмиконечный крест, а в левую, вместо сомнительного „Яблочка“ берется Евангелие! Именно Евангелие – книгу наивысшей любви и надежды. Замолит ли Русь великий грех, совершенный ее Царем?

В остальном Орел остается тем же. Словно видели эти „Ивашки“ и „Афоньки“ из приказной избы „третьим глазом“ во тьме грядущего, что царствование это не настоящее. Что беда пройдет и Русь снова вернется к своему

законному Государю из династии Рюрика, при которой только и возможна правильная и планомерная эволюция Русского Государственного Орла.

И вот, наконец, это чаяние совершается. Где-то в Литве появляется „законный“ наследник российского престола, чудом спасшийся от убийц, сын Царя Иоанна Васильевича – Царевич Димитрий Иоаннович.

Был ли так называемый „Лже-Димитрий“ действительно „Лже“, или же он был настоящим сыном Иоанна Грозного – этот вопрос не входит в рамки настоящей темы. Для нас важно только то, что творцы Русского Государственного Орла, отражая народное мнение, признали его за настоящего. И если в современных исторических исследованиях есть серьезные данные для утверждения подлинности Димитрия, хотя и не того, что был убит в Угличе, но все же сына Василисы Мелентьевны, то склоняющиеся к этому утверждению историки, могут почерпнуть себе поддержку у тех провидцев Русского Орла, которые до сих пор еще никогда не ошибались. Эти провидцы, утверждая законность царя Димитрия Иоанновича, венчают его Орлом, тесно связанным с последней династической формой его брата – Царя Федора Иоанновича. Но Царь Федор был слаб и немощен. Его „яблочко“ не принесло ни славы, ни величия государству. Напротив, оно обернулось передачей трона „цареубийце“. И вот исчезает из лапы Орловой двусмысленное „яблочко“ и снова возвращается меч! Меч, на этот раз, очень велик. Его длина достигает более полутела, но он не выходит за пределы фигуры (12).

Предназначен ли он для внешнего или для внутреннего воительства? Где уж ослабленной, разоренной и голодной Руси думать о внешнем применении меча! У себя дома, на Руси есть немало неурядиц, которого без меча не разрешить. И неурядица, бедность и падение это подчеркнуты оставлением той жалкой формы, которая появилась в Орле Федора Иоанновича. Но история не стоит на месте. Если вычеркнутый из ряда Орел Бориса Годунова приводит Русь к той точке, на которой

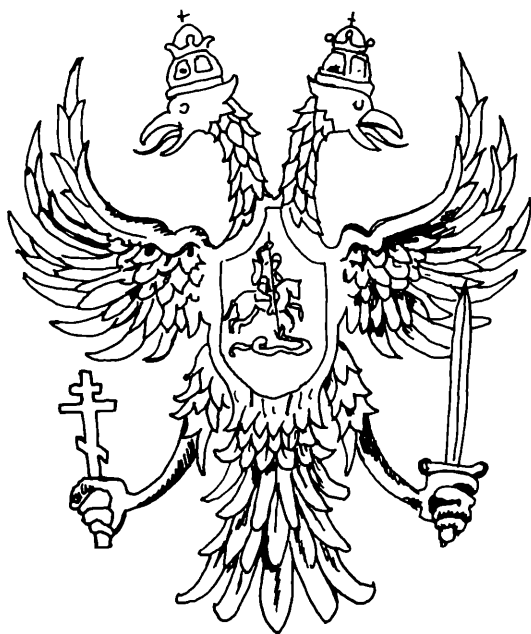

Рис. 12.

прервалась старая династия и новообретенный продолжатель этой династии с этой же точки должен вести Русь дальше, то в самой старой форме Орла не могут не произойти эволюционные изменения. Что же видят в грядущих судьбах государства присяжные творцы Русского Орла на приказной избе? Их прозрение тревожно. Их формы неустойчивы. Их пророчества бедственны! Орел остается тот же, но перья его от старых крупных форм переходят к мелким и взъерошенным.словно дующий снизу ветер социальной революции пытается распротрошить тело государственности. От этой мелкой перистости Орел утрачивает свою и без того небольшую устойчивость и становится уже не парящим и даже не летящим, а просто гонимым бурей. И буря приходит очень скоро! Она сметает последние попытки старого

рюриковского Орла удержаться над русской государственностью и рассеивает в прах все государственные атрибуты, которыми русский Орел выражал свою государственность. Такой Орел печальным фантомом повиснет над Русью, когда наступившее разочарование в царе Димитрии Иоанновиче, признанном Самозванцем, приведет к новой трагической попытке установить недостойную династию Шуйских. Но прежде чем перейти к этому не безинтересно отметить еще одну знаменательную деталь.

Сам Димитрий отнюдь не был согласен с тем Орлом, которым его встретила Москва. К записи данной им в Сандомире Юрию Мнишеку в 1608 году была привешена печать с небывалым еще на Руси Орлом. Этот Орел знаменует собою все те чаяния, которые лелеял Римский престол, поддерживая домогательства Лже-Димитрия (13).

Рис. 13.

Форма его **Императорская**, подобная форме Католической-Апостолической Германо-Австрийской, Римской Монархии. На обоих главах вновь появляются цесарские венцы и объединяются той самой императорской короной, которой Папа, так тщетно, пытался соблазнить Иоанна Грозного.

Провидцы из приказной избы не признали однако этого Орла и короткое царствование „Димитрия Иоанновича“ прошло под знаком того, о котором уже была речь (Рис. 12).

*

Вместе с пеплом сожженного тела Самозванца, рассеянного выстрелом из пушки на Красной площади, разлетаются для нового царствования и крест, и меч, и держава, и шапка Мономаха, и, наконец, даже исконный, незыблемый, освященный всем народным сознанием Московский герб – Св. Георгия Победоносца. В таком виде символизирует Орел шаткую попытку установить новую династию в лице Василия Шуйского (14).

Словно знали там на приказной избе геральдические живописцы, что не быть Шуйским на царстве! Словно, ратуя о всем историческом прошлом, не позволили на Орла Шуйских одеть древние мономаховы венцы и подменили их какими-то не русскими, не историческими и даже не геральдическими коронками, как сусальные коронки балаганных царей в ярморочных зрелищах на Девичьем поле. И жалко и дрябло раскрылись снова Орлиные клювы и бессильно и вяло отвисли нижние челюсти их. И как насмешка над всем этим убожеством из сращения тонких и вялых шей вырос странный стебелек с каким-то неведомым цветочком. Что это такое?

Трудно найти объяснение непонятной фантазии живописца. Еще труднее разобрать самый „цветочек“. Но рассматривая его чешуйчатое строение, вернее всего предположить в нем еловую шишку. Что это? Насмешка? Издевательство? Над кем?.. Над Шуйским или над несчастной

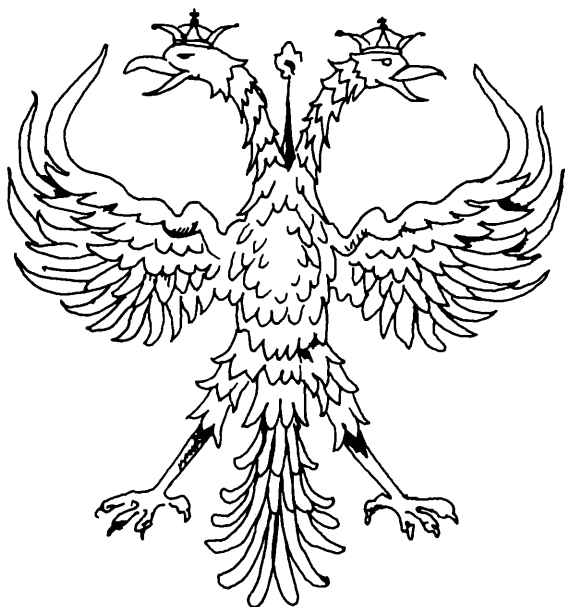

Рис. 14.

Русью, которая истекала кровью, разрываемая и внутренней смутой, и внешними иноземными нашествиями. И почему именно еловая шишка? Какой иронический смысл скрыт в ней? Может быть какое-нибудь насмешливое тайное прозвище для Шуйских? Может быть в народе ходило какое-либо присловье, в котором фигурировала еловая шишка? Нам это темно и непонятно. Пожалуй, некоторый свет проливают речи протопопа Аввакума, в которых он, громя своих Никонианских противников, показывает им еловую шишку, ассоциируя ее просто с русским „шишем“. Если догадка эта верна, то злостность насмешки становится очевидной. Автор ее за это мог бы пойти на самую жестокую плаху. Однако, среди древних реликвий, сохранившихся в „Оружейной Палате“ в Кремле, есть серебряное блюдо, на котором в день коронации, по старой традиции, „от всей Земли Русской“

Шуйскому была поднесена „хлеб-соль“. На этом блюде выгравирован именно этот Орел с этим стебельком и с этой шишкой. Действительно, ничего кроме „шиша“ из царствования Шуйского не получилось. Но если бы этот шиш получил бы только Шуйский – это мало бы затронуло русскую историю. Гораздо трагичнее то, что в эти печальные и сумбурные дни „шиш“ получила Россия и, получивши его, вернулась к первому принципу, т. е. по старому примеру за спасением обратилась к „Варягам“.

Русская официальная история, писавшаяся в дореволюционной России, вопреки историческому факту, весьма мало говорила и даже вообще стыдливо умалчивала о царе Владиславе I – Сигизмундовиче. Согласно этой истории было известно, что такой царь был действительно выбран кучкой бояр-изменников, но царствование его фактически не состоялось. Формально это не так. Царь Владислав Сигизмундович номинально все-таки не только царствовал, но и управлял, в лице своего отца польского короля Сигизмунда с 1610 по 1612 год. Правда, он никогда не был на Руси коронован. Но его именем издавались указы, его изображения чеканились на монетах и его титул „Царя Московского и всея Руси“ провозглашался на ектинях и многолетиях. И был он „Варяг“ и в переносном, и в прямом смысле этого слова, так как происходил от шведской династии Ваза.

Русский Государственный Орел признал его своим законным государем и немедленно ответил видоизменением своей формы (15).

После взъерошенных, общипанных, жалких и дряблых Орлов предыдущих неудачных царствований, в этом Орле прежде всего поражает его стабильность и устойчивость, даже величие. Правда, некоторая взъерошенность крыльев еще остается, но ведь и Русь еще вся взъерошена и не близко еще ее окончательное успокоение. Но оно идет! Мелкая перистость тела Орлова переходит в крупную, спокойную. Клювы приобретают ту форму изогнутости, которая характеризует польского Орла. Да оно и понятно! Осуществляется давняя мечта Ватикана о Русско-Польском Царе, Короле и Императоре. В силу этого короны на

Рис. 15.

главах приобретают Западную Королевскую форму, а в правой лапе, впервые в истории русского государства, появляется неведомый дотоле – СКИПЕТР. Этот повелевающий атрибут сменяет собою православный крест, являющийся камнем раздора и утверждает принцип власти государственной, вместо власти религиозной. В левую лапу Орла снова возвращается, и на этот раз уже прочно, держава.

И тут совершается одно из самых фантазмагорических превращений. Пригодился „шиш“ Шуйского! Прибавив к себе две веточки и стилизовавшись уже в ясную форму еловой шишки, весь стебелек превратился в схематически-стилизованную ель, вырастающую из тела русского Орла. Что за странный символ и что он может значить? Ответ на этот вопрос ошеломляет своей неожиданностью: в родовом гербе дома Вазы, как раз находится ель!

Пусть попробует какой-нибудь диалектический или исторический материализм объяснить это новое поразительное чудо пророчества, побудившее горьких насмешников над судьбами России прозреть выростание из русского тела нового варяжского стебля, который впервые в русской истории простер над государством повелевающий скипетр, вместо мистического креста!

Основная идея настоящего очерка не может так легко оторваться от Владиславого Орла, хотя царствование это было только фиктивным и хотя фикция эта длилась всего два года. Орел стоит на грани двух эпох и внимательное рассмотрение его открывает многое, как в подведении итога старому, так и в прогнозах последующего. Это побуждает сопоставить с сказанным еще одну версию, дающую иное объяснение происхождения этого Орла.

В нумизматических коллекциях Польши есть медаль с изображением Владислава, вокруг которого идет надпись на латинском языке „Vladislavus Rex Moskovitum“ на одной стороне и именно этим Орлом, но без ели – на другой. Этот факт заставляет думать, что данная форма Орла – есть произведение не русских, а польских художников. Предположение это крайне правдоподобно, так как трудно было бы от русских ожидать создания такой, совершенно чуждой русскому изобразительному укладу формы. В таком случае следует предположить, что форма эта была прислана в Москву, как образец для чеканки монет, печатей, прапоров, стягов и т. д. Отсюда следует, что русские прибавили только стебелек ели с шишкой, вероятно, как насмешку над случайным царем, из царства которого выйдет столько же, как и из „шишки“ Шуйского. Но в этом случае возникает новый вопрос. Почему все же была принята эта форма? Ведь такой импортированный Орел был уже не первым на Руси.

Признанный Царь Димитрий Иоаннович свою брачную запись Юрию Мнишеку скрепил „Сандомирским“ Орлом. И этот Орел был привезен им в Москву, фигурируя на многих письменных актах, как Орел этого царствования. Когда будущая Московская Царица Марина была встре-

чена у заставы Москвы пышным боярским посольством, она получила свыше 700 различных драгоценных подарков (список их приведен в альманахе „Русские Древности“) и на них была выдана царская дарственная грамота, скрепленная этим Орлом. Таким же Орлом были скреплены и дарственные грамоты всем польским вельможам ее свиты, возглавляемой ее отцом. Наконец, такие же Орлы были приложены печатями к таким же грамотам, которые получило русское боярство в день царской свадьбы и воцарения. Из этого мы видим, что Димитрий или Лже-Димитрий настойчиво внедрял своего Орла в государственный обиход своего царствования. И все же Москва осенила его царствование своим взъерошенным, тревожным и неустойчивым Орлом. Почему же с Владиславовым Орлом не произошло подобного же? И тут приходится строить догадки, которые снова выводят нас в область предвидения.

Короткое, номинальное и, в сущности, фиктивное царствование этого государя фактически положило конец Смуте. Народ устал от крови, анархии и разорения. Жажда „скипетра“, т. е. твердой власти, пробудила тот патриотизм и ту волю к спасению Отечества, которая вылилась в Нижегородском Ополчении Минина и Пожарского и привела, в конечном итоге, к освобождению Москвы и избранию новой династии. Все это огромное движение происходило уже не среди анархии, а во дни, хотя бы и фиктивного царствования, Царя Владислава. Его игнорировали так, как будто его не было совсем. Но все это стало возможным именно только потому, что конец Смуты наступил не в 1613 году, т. е. в момент избрания на царство Михаила Федоровича Романова, но именно в 1610 году – в момент номинального вступления на престол Царя Владислава I.

Конечно, волны „Смуты“, или в действительности социальной революции, еще долго перекачивались по обнищавшим просторам русской земли. Эти волны еще дыбились при Царе Алексее Михайловиче в виде вольницы Стеньки Разина; они рокотали и при Петре – в

бунте Булавина; они, наконец, взмыли с новой силой при Екатерине в восстании Пугачева, радевшего о „простом народе“, о „черном переделе“, об уничтожении боярства и крепостничества и т. д. Но все же настоящий конец социальной революции пришел именно с воцарением Владислава. Выбор нового царя при благополучно-здравствующем старом, нужно рассматривать как акт Революции *национальной*, который восстанавливал свой и государственно-политический и государственно-моральный суверенитет. На этой точке зрения стоит, по крайней мере, современная русская историософская мысль. Мы подчеркиваем термин „*историософская*“, а не просто историческая, ибо в данном акте значительно сильнее были факторы психологические, чем материальные. Углубление этого вопроса выходит из рамок настоящего обозрения. Но в пределах нашей темы мы должны совершенно безоговорочно принять тот факт, что измененный до неузнаваемости русский Орел, утративший свои, казалось бы, самые незыблемые, исконные атрибуты – крест, как символ православия, Маномаховы шапки, как символ исторической преемственности, и, наконец, самый герб Москвы – всенародно чтимую икону-символ, оказался тем фундаментальным камнем, на котором воздвигалась новая династия, поведшая Россию новыми путями.

И, рожденный Владиславовым Орлом, новый русский Государственный Орел 304 года нес еще на своих крылах судьбы Российской Державы, не раз оборачиваясь назад и не раз прибегая все к тому же „варяжскому“ источнику и в борьбе с внешними силами, и в борьбе со своею собственной анархической, антигосударственной стихией.

Любопытно привести еще одно свидетельство того, как Папский престол добивался осуществления идеи, отвергнутой Иоанном Грозным.

Еще задолго до номинального воцарения Владислава, в Риме была отчеканена „печать“ с надписью: „*Demetrius – Imperator Rex 1605-1606*“.

Нам нет надобности останавливаться на рассмотрении этого Орла (15а). Но одна маленькая деталь все же оста-

Рис. 15а.

навликает внимание: „Императорская“ корона, помещенная над нагрудным щитом, где „Всадник“ скачет справа налево, утверждена на той же шутовской и балаганной короне, которая венчала собою Орла Шуйского.

III

Торжественно, радостно и призывно гудят московские колокола. Залитое тяжелым кованным золотом и самоцветами духовенство, окруженное реющими в воздухе бесчисленными хоругвями, рипидами и крестами; утонувшее в бархате, парче, соболях и жемчугах боярство; белоснежные рынды со сверкающими топориками; воеводы и ратники в шишаках, кольчугах и шлемах; стрельцы в красных кафтанах с тяжелыми бердышами; дьяки, подъячие, приказные; всех родов люди – служилые, торговые, городские, посадские; наконец, сошедшийся со всех сторон народ, павши на колени, встречают своего нового, пресветлого Царя, юношу Михаила Федоровича Романова.

Еще так недавно, в таком же великолепном и пышном церемониале шествовали из Архангельского в Успенский собор и Царь Борис Годунов, и Царь Димитрий Иоаннович, и Царь Василий Шуйский. И та же законность была в их воцарении, и те же молитвы пело духовенство... Но где-то, в подсознании русского народа, жило ощущение непрочности и недолговечности их.

Царю Михаилу Федоровичу поверили как-то сразу все! И это ощущение прочности, надежности и устойчивости, это отдание себя во власть юноши, который должен основать новую династию, поднимающую на свои плечи всю тягость правления анархическим народом, готовым каждую минуту снова заняться истреблением и своей государственности, и самого себя; это сознание наконец найденной опоры, чудесно воспринимается там, на приказной избе, откуда снова из под рук безвестных Ивашек и Афонек вылетает навстречу Царю новый русский Орел (16).

Впервые появляется на Руси эта могучая форма. Мощным взмахом распростерты крылья. Крепкие большие головы с грозно разинутыми клювами, увенчаны уже преображенными шапками Мономаха и впервые объединены общей, уже царской короной, которая довлеет над всем Орлом. На грудь снова возвращается Георгий Победоносец, но, как это ни странно, уже не в виде иконы, а только в виде некого воина-всадника.

Дело в том, что в изображениях на иконах, также как и вообще в канонах, изографии Небесный Всадник всегда скакал слева направо. Для России это знаменовало – с Запада на Восток, ибо на Востоке всегда гнезвился ее вечный враг – татары. Ныне же враг оказался на Западе. Польские шайки и целые отряды еще бродили по Руси. Рвы кремлевские еще хранили неубранные трупы поляков, недавно хозяйничавших в Москве. Иезуитские патеры и римская курия еще не оставили своих надежд на приведение „еретической“ Московии к спасительной туфле Папы.

Защитник российской государственности и ее наиболее

Рис. 16.

устойчивого государственного элемента – православия, Св. Георгий должен был обернуться против нового врага.

В мускульном, силовом напряжении сгибаются ранее растопыренные лапы. И в правой из них появляется введенный Царем Владиславом повелевающий скипетр, заканчивающийся однако восьмиконечным крестом. Так в этом скипетре Царя Михаила Федоровича был найден синтез между идеей государственной и идеей религиозной. В левой лапе утверждается большая, полная и тяжелая держава.

В трудах и заботах о внутреннем успокоении прошло царствование Михаила Федоровича. Никаких особенно знаменательных событий, могущих бы отражаться на судьбах государства не произошло. И Орел ничего и не отобразил. Но общее предчувствие будущего могущества,

славы и широкого государственного полета заложено в этом Орле так сильно, что в нем уже даже намечается предсказание Петра! И это предсказание мы можем увидеть в едва бросающихся в глаза деталях: неизвестно когда и по какому поводу, но вдруг, в течение царствования исчезает со скипетра крест и заменяется малым Орлом; одновременно с этим, средняя царская корона получает надстройку, в которой уже явно выражена форма короны Императорской. Во втором явлении объяснять нечего; но в первом можно задать себе вопрос – что это значит? Ужели найденный ранее синтез перестал удовлетворять? Ужели снятие креста означает отказ от вековечно охраняющего православного символа? Тут можно строить целую философию. Ход рассуждений может быть примерно таков: Православный символ – крест продолжает венчать и царскую корону, знаменующую Царя – „Милостию Божьей“, и покоящуюся в левой руке державу, знаменующую православное царство. Но повелевающий скипетр, как символ власти, не должен умягчаться христианской кротостью. Самая христианская держава для своего бытия все же должна подчиняться государственной необходимости. И практическое выражение этой философии нашло себе обоснование в том, что фактическим Государем и правителем был, в сущности, не Михаил Федорович, а его умный и властный отец, носивший также титул Великого Государя – Патриарх Филарет. Все было в его руках. И, однако, не произошло того, что знает в своей истории Запад, где на весьма долгий срок власть духовная подчинила себе власть светскую, сделавшись сверх-властью, к которой в „каноссу“ должны были ходить на поклон могущественные короли и императоры.

При встрече с Царем – Сыном, Отца Патриарха (тогда еще митрополита), возвращавшегося из польского плена, Отец поклонился в ноги Сыну-Царю. Но и Сын поклонился в ноги Отцу-Патриарху. Равновесие было найдено с самого начала и не нарушалось впредь никогда. Цезарепапизм в России не развился.

Преемником Михаила Федоровича был его сын Алексей Михайлович. Странна судьба его Орла. Как будто на печатном дворе иссякает дар провидчества. Царствование, столь богатое знаменательными событиями, предвещенное мощью Орла предыдущего, вдруг, как будто, не находит ничего для выражения в теле Орлином. И только одна маленькая, но громадного значения деталь, входит в этого Орла при коронации молодого государя. Всадник-копейщик герба Московского снова поворачивается с Запада на Восток, становясь таким образом снова иконой и снова Св. Георгием. И это, на первый взгляд, такое малое и, как будто, последовательно традиционное изменение не замедляет сказаться в жизни Государства трагическими последствиями.

Снято с границы направленное на Запад копье воина-охранителя. И вот, в результате длительных и упорных стараний иезуитов, огромная часть православной Руси попадает под унию с папским главенством. Это было тяжелым ударом для православия. Но другой, еще более тяжелый удар лежал впереди. Этот удар тоже малозаметной деталью трагически предсказывал Орел. Идея повелевающего скипетра предыдущего царствования размягчается кротким, набожным и не слишком волевым государем, прозванным „Тишайшим“. И вот, со скипетра снимается, не успевший там еще утвердиться, Государственный Орел и вновь заменяется крестом. Кротость, христианское смирение и терпимость становятся руководящей силой правления. На практике, однако, все эти благостные слова приобрели совсем другое воплощение. Раскол, вызванный реформами Патриарха Никона, с соизволения и при поддержке Царя, на три столетия вперед породил источник тяжелой смуты, открыл шлюзы для потоков крови мученичества и изуверства и разделил русский народ на два враждующих лагеря, в которых вражда если постепенно и угасала, то отнюдь не на почве примирения, а исключительно на почве все растущей индифферентности и охлажденности к вопросам веры у той части, которая ушла за новшествами Патриарха.

Старые хранители „древнего благочестия“ остались верны „букве закона“, не соглашаясь признать, что „буква“ эта давно искажена. Но „буква“ эта не убила в них Духа сурового и пламенного подвижничества и острого аскетизма, который привел к пагубному дроблению на бесчисленные и часто изуверские секты. Новые же апологеты „исправленной буквы“ постепенно утратили духовное горение, подменив его торжественностью формы. На это, в свою очередь, в лучших представителях православного Духа не могла не возникнуть соответствующая реакция, которая выразилась, увы, в новом расщеплении на две ветви – Иосифлянскую и Нила Сорского.

Возникшая на Волге новая анархическая вольница широко включила в себя этот поток духовной смуты.

Почему мы с такими подробностями останавливаемся на этом событии русской истории, которое, как будто, не касается нашей темы, так как не отразилось на формах Орла? На это ответ впереди, в новом царствовании, которое для поддержки своего трона пробовало опереться именно на эту смуту.

Орел данного царствования, как будто изменяет своему постоянному прозрению и не отражает ничего. И только в 1653 году происходит событие, которое заставляет его вдруг, уже не провидчески, а повинувшись свершившемуся факту, кардинально изменить свою форму на странную, неожиданную, геральдически-небывалую и явно надуманную фигуру.

После столетий тяжелой и кровавой истории, почувствовавшая себя не в силах для дальнейшей неравной борьбы с католицизмом и Польшей, Украина, под мудрым водительством своего Гетмана Богдана Хмельницкого, „бьет челом“ Московскому Государю и отдается под его „высокую руку“. И на торжествах по этому поводу в Москве появляется вдруг новый небывалый – *трехглавый* Орел (17).

Небывалая по форме и с явно выраженным западным стилистическим влиянием корона объединяет эти три главы.

Рис. 17.

На торжественном выходе в Архангельский Собор Тишайший Царь Алексей Михайлович появляется со скипетром, увенчанным именно этим Орлом. С этим скипетром изображен Царь на великолепно дошедшем до нас портрете, гравированном датским живописцем Прунсом. Портрет этот помещен во всех старых учебниках русской истории, и нигде нет следов, чтобы кто-нибудь и когда-нибудь обратил внимание на это редчайшее своеобразие русской государственной геральдики.

Три главы нового Орла должны были знаменовать новый титул русского государя: **ВСЕЯ ВЕЛИКИЙЯ**, и **МАЛЫЯ**, и **БЕЛЫЯ РУСИ ЦАРЬ, ГОСУДАРЬ** и **САМОДЕРЖЕЦ**.

В создании этого Орла, хотя он явился продуктом не предвидения, но только отражением совершившегося

факта, есть однако и проявление того исконного чувства провидчества, что неизменно сопутствовало русским геральдическим живописцам. Крылья Орла опять взъерошились и загнулись вверх, как под влиянием дующего снизу ветра. Так было уже не раз, когда бури и вихри народных волнений взъерашивали Орлов Бориса, Дмитрия, Шуйского... Этот ветер подул снова от волжской вольницы Стеньки Разина. И опять зашаталось Государство и опять стал непрочен и неустойчив полет Русского Орла.

В нашу тему не входит, как уже было сказано, рассмотрение различных видоизменений Орла, происходивших в пределах данного царствования. Но искусившись введением трехглавого Орла, нельзя обойти и того, который появился в годы Волжской анархии (17а).

Что в нем останавливает внимание?

Прежде всего то, что строение крыльев его вновь обра-

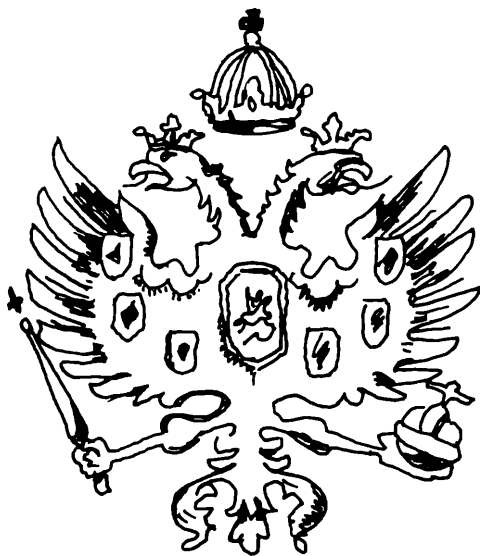

Рис. 17а.

щается к Орлу Дмитрия. Расставленные перья и растущие между ними стерженьки уходят к форме „Апостолической Римской Империи“. Этой же формы и все три русские короны. Но самое главное – появление на теле Орловом округленных, неправильной формы щитков с гербами составных частей Царства: Киева, Казани, Владимира, Новгорода, Астрахани, Сибири и Москвы в центре.

Иоанн Грозный окончательно уничтоживший всякие остатки „Удельного Периода“ и тем закончивший процесс, начатый еще Иоанном Калитой („Собирание Руси“), ни в коем случае не мыслил свою державу, как Федерацию. Появление поместных гербов на этом Орле не может найти себе толкования иного, как только „федеративного“. Может быть это было сделано как успокоительный „комплимент“ по адресу крупных государственных единиц? Может быть это должно было знаменовать могучую всеобъемлемость государства, которую не разрушит поместная вспышка антигосударственности? Можно строить всякие догадки, но пройти мимо этого явления вряд ли возможно. Но оно не одно. Хвост Орла, всегда являющийся „рулем“ – планером полета – теряет свою органическую, перистую компактность и обращается только в орнамент.

Орел этот вскоре исчезает из обихода и только через 200 лет вновь возрождает свою форму в Орле последних царствований Императоров Александра III и Николая II.

*

Умирает Царь Алексей Михайлович. И снова наступает своеобразный период междуцарствия. От первой супруги Царя – Марии Милославской остаются два наследника – Федор и Иоанн. От второй – Наталии Кирилловны Нарышкиной – четырехлетний Петр.

Короткое царствование Федора не воспринимается Орлом никак. Ничего не произошло и предвидеть было нечего. Трехглавый Орел скипетра „Тишайшего“ царя сдается на хранение в Оружейную Палату и над Русью

продолжает парить ее старый Орел. Но почему же вдруг у Орловых творцов, как будто иссякает дар провидчества? Не видят они ничего во тьме грядущего или, может быть, видят такое ослепительное явление, которому не только их глаза, но и вся их русская психика не решается поверить? Да, вероятно, так! Потому что, едва Патриарх со своим Синклитом отпевает „Вечную Память“ Царю Федору, как над Русью взлетает новый и опять тревожный, и опять пророческий Орел. В нем нет еще того ослепительного явления, которое таится впереди. Но в нем есть уже подготовка к тому, чтобы явление это логически выросло из всех предшествующих событий.

(Окончание в «Вече» № 25)

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

О. Бирюков

Загубленная юность

Молодой человек лет двадцати с небольшим. Высокий, чистый лоб. Русые волосы, аккуратно подстриженные и причесанные. Прямой нос, благородный овал лица. Из-под русых бровей „вразлет“ смотрят спокойные, внимательные серые глаза. Речь спокойная, подлинно русская, без вульгаризмов и советских полублатных словечек. Умные, рассудительные высказывания. Во всем, – и во внешнем виде, и в манерах, и в речи, – чувствуется какое-то благородство, даже аристократичность. Прекрасный русский молодой человек и в физическом, и в духовном отношении.

Но судьба его не простая и не легкая. Недавно выехал из Советского Союза, фиктивно женившись на американке. Там жил в большом столичном городе, где много иностранцев, как постоянно живущих, так и туристов. Стремился всячески к контактам с ними слушал постоянно зарубежное радио.

В тринадцать-четырнадцать лет заразился той болезнью, которая поражает в последние годы многих ребят и девушек в Советском Союзе, – он увлекся „западным образом жизни“, восприняв, в основном, только внешние стороны его, причем в примитивном и искаженном виде. Началось преклонение перед западной рок- и поп-музыкой, внешний вид его, – как и многих его

сверстников, – стал „американизированным“, точнее, „хиппизированным“. Длинные нечесанные волосы; общее впечатление от парней и девушек – невымытые; одежда: пресловутые джинсы, потертые, в заплатках, рубашка на выпуск, на груди нерусский рисунок и надпись не по-русски. Обязательная зарубежная радиоаппаратура и всякие иностранные мелочи. Жуют резинку, пьют „пепси-кола“ (началась продажа в Советском Союзе), виски, но не водку... Язык исковерканный, жаргонный, пестрит псевдо-английскими словами.

Все это требует денег. Начинается спекуляция в своей, русской молодежной среде. Затем – контакты с иностранцами, перепродажа джинсов и прочего зарубежного „барахла“, валютные „операции“. Появляются „бешеные“ деньги, заработанные спекуляцией, а не трудом. Начинается „красивая жизнь“: рестораны, попойки, „девочки“...

Учение забрасывается: средняя школа не окончена, а в аттестатах за те классы, которые все же осилил, одни тройки. Дальнейшая судьба мыслится только в одном варианте: „туда“, за рубеж, любой ценой.

Это стремление всячески поддерживается иностранцами, с которыми он встречается. Все ему сулят золотые горы, блестящую карьеру... Кто искренне, а кто и лжет. Собираясь за рубеж, завязал знакомства с диссидентами, – это помогло ему выйти из детского, незрелого поклонения и подражания псевдо-Западу, дало какие-то знания, восстановило правильную русскую речь, – парень неглупый, даже с большими способностями, пропавшими втуне.

После многих мытарств, благодаря фиктивному браку, добрался до желанной Америки. Но тут жестокое разочарование. Оказывается, в Америке им, недоучкой, человеком без специальности, не привыкшим работать и стремящимся и дальше не работать, никто не интересуется, в том числе и его „жена“. Органы американской пропаганды обходятся без него, – зачем он им, когда вдоволь людей с учеными степенями; американской разведке он не нужен (в Советском Союзе его убедили, что разведка

за него ухватится обеими руками). Фарцовать тут нечем, „красивая“ жизнь кончилась, осталась за океаном. Ходить в джинсах и „батендауне“ в Нью-Йорке никакой не шик, никого не впечатляет. Все достается трудом, бесплатных завтраков нет, и до мечты о богатстве путь далекий и нелегкий... Приходится трудиться на работе неинтересной и непрестижной, о которой даже стыдно признаться друзьям, оставшимся в России: дворником, черно-рабочим; сознавать, что многое из того, что ранее было доступно всем его сверстникам, – не обязательно фарцовщикам, но и простым парням, – теперь отодвинулось в далекое будущее. Нужно начинать многое сначала, нужно многое освоить в чужой стране, среди чужих людей, на чужом языке.

Таков портрет, такова история жизни нашего героя. Не ищите сходства с каким-нибудь вашим знакомым, с каким-нибудь конкретным лицом. Портрет этот и история эта – синтетические. Одни черты вы найдете у одного из ваших знакомых, другие – у другого. Но все, что случилось с нашим вымышленным героем, случилось и случается со многими молодыми людьми в Советском Союзе.

Как же получилось, что наш герой так ошибся в своей жизни, попал в такое положение, из которого ему очень трудно выбраться. Как же получилось, что его заветное желание, – попасть на Запад, – обернулось для него жестоким разочарованием?

„Западничество“, подражание Западу, некритическое преклонение перед ним – широко распространенное явление среди молодежи в Советском Союзе. Начинается оно обычно в возрасте 14-15 лет, у кого раньше, у кого позже, в том возрасте, когда родители и школьные учителя перестают быть непререкаемыми авторитетами.

Причин появления такого увлечения Западом несколько. Молодежь везде и во все времена стремится к новому, неизведанному, необычному. В Советском Союзе для молодежи все пути, кроме одного, закрыты: единственный открытый, разрешенный и обязательный, – это пионерс-

ко-комсомольско-партийный путь. Тот путь, по которому советская власть гонит уже многие поколения молодежи. Но молодежь хочет выбирать, она не терпит насилия и навязывания чего бы то ни было и со стороны кого бы то ни было. Раз нет выбора в своей стране, она ищет альтернатив для своей жизни на стороне. Правда, она ошибается: и в стране есть выбор, есть альтернатива навязываемому властью пути. Это – путь национально-религиозного возрождения. Но этот путь сложный, требующий определенных традиций (обычно семейных) и соответствующего уровня духовного развития. Для зеленой пятнадцатилетней молодежи легче стать на путь внешнего подражания своим зарубежным сверстникам, которые, к сожалению, в настоящее время особой духовной глубиной не блещут. Да и безопаснее. Для советской власти бездумное поклонение Западу значительно более приемлемо чем сознательная, углубленная национальная и религиозная деятельность молодежи.

Недостаток информации об истинном положении на Западе, о том, что на Западе по-настоящему ценится, что действительно престижно, приводит к тому, что многие вещи, приходящие с Запада, расцениваются совершенно ошибочно, даже по меркам того же Запада.

Вот и шествует такой „американизированный“ (по его мнению) молодой человек или „американизированная“ девушка, „штатник“ или „штатница“ по их жаргону, – то есть, не признающий (или не признающая) ничего, кроме американского, происходящего из „Штатов“, шествует, ног под собой не чувствует. Вид его не очень привлекательный, скорее весьма непрезентабельный, а чаще всего смешной, потому что все то, что на нем, – если говорить об одежде, – претенциозно до невозможности, странное и бесвкусное; даже если оно действительно американское, то самое дешевое, некачественное и только уродует человека. Всевозможные надписи и рисунки, которыми сейчас пестрит одежда на Западе, там выглядят весьма комично, так как ребята, просто не понимая смысл надписей и рисунков, носят такие, которые вызывают недоумение и

насмешки. Но помимо всего, часто это „американское“ просто подделка жуликов, которые на советских рубашках рисуют „заграничные“ рисунки и пишут английские надписи, часто с ошибками, или же с одежды советского производства спарывают ярлыки и пришивают иностранные. Производство таких рубашек и ярлыков широко распространено в подпольных мастерских.

Все это – и зарубежные подлинные и поддельные „тряпки“, и жевательная резинка, и виски, всяческие мелочи стоят бешеных денег. То, что пресловутые джинсы стоят двести рублей (больше, чем месячный заработок среднего советского служащего) – общеизвестно, но с этим модники и модницы как-то мирятся: носить их можно несколько лет, износу им нет, причем чем старше и потертее они, тем моднее. Бутылка виски стоит в три раза дороже, чем водка, но тут хоть цена твердая, государственная. Но остальное – жевательную резинку, те же джинсы, можно купить только у спекулянтов-перекупщиков, в начале цепи которых находятся или люди, получающие посылки из-за рубежа (они поставляют лишь небольшую долю „товара“, обычно только близким знакомым), затем артисты, спортсмены и другие люди, часто бывающие за границей и располагающие там какими-то деньгами, и, наконец, приезжающие иностранцы – туристы, студенты, корреспонденты газет и даже дипломаты, которые на этом деле создают себе неплохой „бизнес“: в Советский Союз везут, скажем, жевательную резинку, оттуда вывозят художественные изделия, иконы... Цены на черном рынке баснословные, просто нелепые до смешного: обыкновенный пластмассовый мешочек, в котором на Западе отпускают купленные товары в магазине, стоит 1-3 рубля, пачка жевательной резинки 4-10 рублей, в зависимости от престижности страны-изготовителя и от того, кто покупает: самые юные, те, которые в конце длинной цепочки перекупщиков и спекулянтов, платят больше всех. Дети с малых лет втягиваются в водоворот стяжательства и спекуляции. Нужны деньги – экономят на всем, не ходят в школьную

столовую, недоедают. Иногда начинают тихонько обворовывать родителей. Вечные купли и продажи, обмены и обманы тех, кто попроще и понаивнее. Ребята постарше и пооборотистей становятся заправскими спекулянтами, входят в контакт с профессиональными спекулянтами-фарцовщиками и даже самостоятельно начинают „выходить“ на иностранцев. Получаются крупные заработки, бутылка виски, новые джинсы, даже хороший заграничный костюм, посещение ресторана (в Советском Союзе посещение ресторана дорогое удовольствие, в ресторан ходят не для того, чтобы поужинать в приятной обстановке, а для того, чтобы кутнуть, оставить там приличную сумму) уже не проблема. Некоторые втягиваются в эту неблагоприятную деятельность, становятся профессиональными фарцовщиками, начинают заниматься валютными спекуляциями, что уже очень наказуемое уголовное дело. Правда, в тюрьму и лагерь они редко попадают, обычно их КГБ принуждает, шантажируя, работать на себя, обещая взамен смотреть сквозь пальцы на их деятельность.

Таковы внешние обстоятельства жизни этой определенно заблудшей молодежи. В духовном и интеллектуальном отношении у нее наступает застой. В первую очередь, теряется интерес к школе. И родителям, и учителям стоит неимоверных усилий заставить ребят кое-как учиться. Первое время пытались применять крутые меры, но они только ухудшили положение, и теперь придерживаются мнения, что хоть бы на голове ходили, лишь бы кое-как учились. Все надежды на то, что со временем образумятся, что, действительно, в большинстве случаев и бывает: в девятом-десятом классе все начинают учиться, причем весьма прилежно. Нужно поступать в высшее учебное заведение, а там при поступлении труднейший конкурс. Особенно необходимо попасть в ВУЗ мальчикам – иначе армия, куда никогда не было сладко попадать, а ныне, когда грозит отправка в Афганистан, уже и достаточно опасно.

Основное увлечение молодежи в это время – западная

музыка. Ребята и девушки способны часами „балдеть“ (то есть, слушать до полного оупения) западную рок- и поп-музыку. Многие пытаются сами заниматься музыкой, подражая популярным западным певцам и ансамблям, правда, часто весьма наивно, – качество музыки оценивается в децибелах, то есть, чем громче, тем лучше. Современные музыкальные инструменты очень трудно достать, да и стоят они дорого, так что молодежи часто приходится обходиться самоделками.

Обычное для молодежи стремление подражать взрослому приводит к почти поголовному курению, причем не только юношей, но и девушек (в последние годы очень распространилось курение среди женщин как средство для похудения), потребление алкогольных напитков, пресловутого виски. Проблемы наркотиков нет, имеются лишь единичные случаи, причем молодежь относится отрицательно к наркомании, а также к сексуальным извращениям. Но есть, конечно, и печальные случаи полного падения отдельных молодых людей в результате наркомании и алкоголизма.

У молодежи пропадает интерес к науке, к чтению, к интеллектуальной жизни. Но все же нужно отметить, что нет полной протрации в этом отношении, сохраняются некоторые интересы, и культурный уровень такого доморощенного российского „хиппи“ значительно выше, чем у его заокеанского образца – американского „хиппи“.

Казалось бы, эта молодежь полностью потеряна для общества, для нормальной жизни. К счастью – это не так. Как мы говорили, есть такие, которые прекратили учиться, не находят сил в себе, чтобы снова засесть за книги; есть такие, которые становятся профессиональными спекулянтами-фарцовщиками; есть и такие, которые гибнут, морально и физически, от наркотиков и алкоголя. Но громадное большинство где-то в возрасте от 17 до 20 лет приходит в себя, и весь налет западной псевдо-культуры слетает с этой молодежи, часто бесследно. Причин этому две. Об одной уже говорилось – приходится начать снова, причем весьма усиленно, учиться из-за необходимости

поступить в высшее учебное заведение. Встреча с прозой жизни действует отрезвляюще на молодежь, для которой все это „штатничество“, все это подражание Западу – не убеждение, а своеобразная романтика. Вообще, подсоветская молодежь значительно быстрее созревает духовно, чем ее зарубежные сверстники, которые, в свою очередь, значительно раньше, чем подсоветская молодежь, осваивают практическую сторону жизни, приучиваются самостоятельно зарабатывать деньги и т. п. В Советском Союзе дети остаются практически на иждивении родителей до окончаний высшего учебного заведения (той стипендии, которую дает государство студентам, на жизнь не хватает), а иногда и дольше, например, если образуются молодые семьи, особенно же, если в молодой семье появятся дети. Вырастить детей без помощи бабушки и дедушки в Советском Союзе почти невозможно... Нужно сказать, что часто родители балуют детей, широко распространен подход к детям, что, мол, „мы намучились, пусть дети поживут спокойно и безбедно“.

Сбросив с себя коросту дешевого западничества, молодежь в какой-то мере начинает восстанавливать упущенное и приобщаться к национальным духовным и культурным ценностям. Но это не значит, что она поголовно становится на путь национально-религиозного возрождения. Какая-то, довольно значительная часть, действительно проникается этими идеями; некоторые остаются западниками по убеждениям, но на значительно более высоком уровне, чем „штатники“. Большинство же остается довольно индифферентным к духовной жизни, к политической и идеологической борьбе, к тем росткам нового, которые сейчас пробиваются в русском народе. Эти люди могут симпатизировать тому или иному движению, но они не борцы, они только созерцатели со стороны. Основные их интересы: профессиональная карьера, материальная обеспеченность, семья. В результате, они превращаются в достаточно лояльных и полезных для советской власти граждан, приучаются „жить во лжи“, вступают в партию, а то и начинают служить в прести-

жных, с точки зрения советских властей, органах. Даже в КГБ.

Таким образом, в результате увлечения западничеством прослеживаются три линии дальнейшей судьбы подсоветской молодежи. Первая – путь молодого человека, историю которого мы рассмотрели в начале настоящей статьи. Для него еще остался выход, он еще может вернуться к нормальной, достойной жизни. Но для многих – это тюрьма, вечное рабство у „органов“, а то и физическая смерть от алкоголизма или наркомании. Второй путь – это путь национально-религиозного возрождения. В число этой молодежи входят и те, кто, после освобождения от незрелых псевдоидеалов, проникся традиционными, возрожденческими российскими идеалами. Как некоторую побочную тропинку к этой группе можно причислить тех, кто стал западником по убеждению, а не по детскому увлечению: мы можем быть несогласны с этими людьми, но не можем отрицать за ними определенной духовной углубленности. Наконец, третий путь – это примирение с советской действительностью, политическая и идеологическая инертность. Это те люди, которые позволили надеть себе на шею советское ярмо и покорно везут воз советской власти, иногда позволяя себе поворчать, высказать недовольство каким-либо местным чинушей, даже рассказать антисоветский анекдот, – но не более. Ни, ни, избави Бог! Со временем они все глубже и глубже погружаются в трясину мещанства, приспособленчества и зачастую карьеризма, с одной стороны, всячески заглушая в себе голос совести, а, с другой, так же старательно подыскивая мнимые оправдания своему поведению, вроде совпатриотизма и т. п. К этой группе примыкают, вернее, составляют ее самое прочное ядро те, кто смолodu стал на комсомольско-партийный путь, как наиболее короткий для обеспечения личной карьеры.

Какова же оценка этого юношеского западнического увлечения со стороны трех заинтересованных сил: советской власти, российского национально-возрожденческого движения (как в самом Советском Союзе, так и в эмиграции), и Запада?

Нельзя сказать, чтобы советская власть была очень довольна такими явлениями среди подсоветской молодежи. Она бы предпочла, чтобы молодежь плыла по руслу, предназначенному марксистской идеологией и советской политической системой, то есть, по пионерско-комсомольско-партийному пути. Ей, советской власти, хотелось бы, чтобы молодежь безраздельно верила в марксистско-ленинскую идеологию и безропотно, – а то и с энтузиазмом и жертвенностью, – шла бы на „великие комсомольские стройки“, например на БАМ, на „исполнение интернационального долга“ в Афганистан и т. п. Но советские правители, хотя очень много говорят об идеях и идеологии, весьма реалистические люди. Они видят, что стремления и увлечения молодежи не соответствуют их желаниям, и что молодежь движется по двум путям, довольно антагонистическим один относительно другого: человек, ставший на путь национально-религиозного возрождения, не будет увлекаться такими духовными пустышками, как поп-музыка или журнал «Плейбой», а те, для кого это идеал жизни, не интересуются ни религией, ни русским культурным наследием, ни бытием, – прошлым, настоящим и будущим, – России и русского народа. Оценив ситуацию, советская власть пришла к выводу, что западнические хиппиевские увлечения молодежи представляют для нее значительно меньшую опасность, чем национально и религиозно прозревшая молодежь, и соответственно начала вести себя. Она не только относится значительно мягче к западническо-настроенной молодежи, несмотря на то, что в общежитии она довольно неприятна и даже опасна, так как является ступенькой к преступному миру, чем к национально- и религиозно-сознательной молодежи, которую преследует жестоко. Примеры тому Огурцов, Осипов, Евдокимов, Сендеров, Ратушинская, Бородин и многие другие, попавшие в тюрьмы и лагеря, и бесконечные, неукоснительные и последовательные исключения из комсомола, из институтов юношей и девушек, посещающих церковь. Даже больше, – увлечение молодежи Западом власти используют для

борьбы с религией: в дни больших христианских праздников проводятся всевозможные „мероприятия“, многие из которых представляют интерес для молодежи. Особенно это заметно в Пасхальную ночь: все кинотеатры работают заполночь, показывают в них иностранные кинокартины, недоступные обычно рядовым зрителям, не гнушаются даже картинами полупорнографического характера. Таким образом, советская власть использует меньшее, по ее мнению, зло, – увлечение Западом, – для борьбы с более опасным для нее „злом“ – религиозным чувством молодежи.

Независимо от того, как относится советская власть к своим доморощенным „хиппи“, увлечение молодежи Западом отвлекает молодежь от начавшегося в России процесса национально-религиозного возрождения, сбивает молодежь с правильного пути глубоко-идейного неприятия советской власти. Поэтому это увлечение довольно низкопробными „ценностями“ Запада – очень вредное явление. Значительно более вредное, чем собственно коммунистическая пропаганда, которой в России уже никто не верит. Все те, кому дорога свободная национальная, одухотворенная Россия, как в самом Советском Союзе, так и за рубежом, не должны обольщаться тем, что эта „хиппизированная“ молодежь равнодушна к коммунистической идеологии. Она попадает из одного болота в другое, причем в болото марксизма-ленинизма ее толкают насильно, а в болото западной порнокультуры она лезет сама, в чем основная опасность.

Запад всячески усиливает это увлечение западным образом жизни среди подсоветской молодежи, используя для этого все имеющиеся у него средства: радиопередачи, кино, книги и журналы, личные контакты. Мы часто слышим восторженные сообщения о том, что тот или иной процент советской молодежи стремится к западному образу жизни. Кроме довольно простодушного довольства многих тем, что кто-то становится таким же, как и они, причем, не только в добре, но и в зле. Вспомним, какое ликование было в иностранной, да и в русско-

язычной прессе, что в СССР имеются случаи заболевания болезнью ЭЙДС, так бурно распространяющейся на Западе. Имеются и более целенаправленные и, частично, более коварные подходы к этому вопросу. Один, более коварный, состоит в том, что люди, сознающие пагубность и низкопробность западной порнокультуры, все же насаждают ее среди подсоветской молодежи, считая, что проводя работу по духовному и моральному ее разложению (а иногда и физическому уничтожению), они добиваются достижения двух целей: ослабления советской власти и, одновременно, ослабления русского народа вообще. Это русофобы всех мастей, которым не мила национальная Россия и для которых национально-религиозное возрождение русской молодежи сдается опасностью, причем большей опасностью, чем сама советская власть. Другие же, более порядочные, часто верящие, что насаждая даже низкопробную псевдокультуру, они делают доброе дело, так как считают ее все же лучше, чем советская коммунистическая „культура“ и, кроме того, способствуют устранению советской власти.

Но они ошибаются дважды. Западная псевдокультура во многих отношениях хуже, чем та „культура“, которую насаждает советская власть. Советский комсомолец, хотя в этическом отношении не личность, достойная уважения, так как его комсомольство, (если он только не круглый дурак, которому можно внушить все, что угодно), продукт не убеждения, а голого карьеризма, в общечитии значительно более приемлем, чем нестриженные и нечесанные, тошнотворного вида юноши и девицы, шумящие, галдящие на всех углах и всячески демонстрирующие свою „свободу“ и независимость. К тому же, у него значительно меньше шансов спиться, стать наркоманом или преступником, спекулянтом-фарцовщиком, или даже заболеть ЭЙДСом, – эта страшная болезнь обязательно проникнет в Советский Союз, если и дальше продолжится там увлечение „западным образом жизни“, – чем у влюбленной в „западный образ жизни“ молодежи.

Вторая, более существенная ошибка в том, что это увлечение, как мы показали выше, **не способствует, а мешает** борьбе русского народа, русской молодежи с советской властью. Эти „штатники“ не положат свою голову не только за русские идеалы, за свое отечество – Россию, но и за свои джинсовско-рок-эн-ролловские убеждения. Они покорно пойдут, особенно в более зрелом возрасте, когда станут стопроцентными конформистами, всюду, куда их погонит советская власть: в Афганистан ли убивать, в Польшу ли или Чехословакию душить свободу, в Соединенные Штаты ли, исполнять наказания и заказы КГБ – в последнем случае за возможность купить подешевке милые их сердцу джинсы. А то и спекулировать ими.

Нет, не радоваться надо, что увлечение подсоветской молодежи Западом получило почти повальное распространение. Скорбеть надо, что на пути возрождения России возводится еще одна преграда. Западу же нечего ликовать, так как стимулирование и углубление этого пагубного увлечения приводит к результатам, прямо противоположным тем, к которым стремится Запад. Для того, чтобы молодежь была способной совершить великие дела, ее нужно воспитывать в духе высокого идейного и духовного накала, поклонения высоким культурным ценностям как своего народа, так и общечеловеческим. Тот, кто старается из молодежи воспитать, говоря попросту, подонков, и основывает свою политическую и идеологическую деятельность на расчете получить помощь от этих подонков, обречен на поражение.

Вышла из печати и поступила в продажу
книга **Юрия Ветохина**

Склонен к побегу
на английском языке.

Цена книги — 21,95 ам. долларов

Заказы с приложенными чеками
или почтовыми переводами посылать:

Yuri Vetokhin
R. O. Box 16084
San Diego, CA 92116
U S A

Б е з г р и м а

„Мы заражаем мир цинично, последовательно, систематично, с сознанием делателей великого прогресса. Мы несем болезнь как высшее здоровье. Мы, фактом своего существования, придаем всем западным подонкам уверенность в том, что они естественны, и что будущее за ними.“

А. Зиновьев, „Хомо советикус“

„Представлять русский народ на Западе может кто угодно, кроме самих русских...“

(Там же)

Литературное чтение Л. и Р. Копелевых.

Зала городской ратуши вмещает человек шестьсот, все места проданы. Публика немецкая, большинство молодых. Знакомая обстановка собраний: стол (пока еще – не накрытый красным), графины с водой. Померещилось даже – четыре профиля Великих, на стене.

Теплое рекомендательно-вступительное слово; вручение цветов в конце, под аплодисменты зала.

Шестьсот внимательно слушающих. Сколь легковерно-доверчивых, столь же и беззащитных. Лев Копелев выглядит среди них уверенным, опытным пастырем-профессионалом.

Начинается программа, как это у Л. Копелева неизменно, академиком Сахаровым. Эссе об академике Сахарове – безотносительно и безусловно хорошо, да и не может быть иным. Но трудно при этом избавиться от мысли, что имя Сахарова употребляется как постоянный и беспроегрышный козырь, что из него делают вид страховки для себя самих. В тени его и сам светлеешь...

Затем читает Раиса Орлова, потом – снова Копелев.

Что происходит на таких чтениях? „Представляется“ русская интеллигенция? Приобретает симпатии **Россия**? Критикуется коммунистическая доктрина, в ее основах?

Главы для чтения выбираются „повкусней“ и поближе к общечеловеческим чувствам и понятиям. Вот, у Р. Орловой – детство, няня, Бог, церковь, любовь, смерть. И даже, „дуновение трансцендентного“. Все как у людей.

В чтении чисто гуманитарные темы, никакой политики либо идеологии, даже – очень тщательно избегнуто. Но в части вечера, отведенной ответам на вопросы, и то, и другое всплывает, со стороны аудитории. Вопросы явно не нравятся: об идеологической агрессии Советского Союза, о Кастро и т. д. Но к подобным вопросам автор видимо подготовлен долгой практикой. Он щелкает их как орехи, умело вызывая даже... смех. А смех всегда разряжает напряжение и затушевывает двусмысленность этих ответов, нуждающихся в „переводах“ в рамках того же языка.

Вопрос: „Было ли в царской России лучше или хуже жить народу?“ Ответ: „Э-э-э... Хм-м... Как сказать...“ и что-то невнятно прожевывается в виде ответа. Выручает блестяще следующий вопрос, отвечая на который, Копелев, выругав Рейгана, срывает дружные аплодисменты зала.

Но вот какой-то ретроград спрашивает – хочет ли Советский Союз распространить коммунизм и на весь мир? Здесь Лев Копелев изображает комический ужас и шутливо-огорошенную мину, как если бы внучка угощала его котлетками из песка: губы бантиком, озорное выражение веселого удивления, высоко поднятые брови. В самом низком, густом, уверенном регистре: „Не-е-е-ет!!!“, – таким тоном, что весь зал раздражается смехом. Вопрос стерт, перенесен в область анекдота. „Не-ет, уж **это-то ни в коем случае!** Советский Союз думает об этом меньше, чем вы, этот вопрос задающий!“ Снова тон и мимика, вызывающие смех. Вопрос похоронен, да и Лев Копелев немедленно переходит к следующей поднятой руке. Об отце Дмитриии Дудко. Он и Р. Орлова – отвечают разное, и Копелев комментирует: несмотря на долголетнюю дружную семейную жизнь, они иногда расходятся во мнениях. (Сколько раз шутка эта была повторена!). Немецкая газета в рецензии, добросовестно не преминула об этом: „Несмотря на 30 лет совместной жизни, не всегда одного мнения, но все еще **в живых разногласиях**“.

К у б а. (Плохой вопрос). Но Лев Копелев **начисто** отмечает какие-либо „родственные коммунистические связи“ между Советским Союзом и Кубой. А заодно – и Китаем, Вьетнамом, Восточной Европой. Первоначально чистого идеалиста, Фиделя Кастро, умудрились перевоспитать Соединенные Штаты! Отнюдь не сотни и сотни миллионов долларов от Советского Союза, или советские ракеты, установленные в окрестностях Гаваны...

Здесь увлекающийся Л. Копелев, забыв свою роль никого не поучающего миротворца, с внезапным пафосом, очень энергично рассекает воздух кулаком! Какая пламенная жестикуляция! Какая пылкая скороговорка! Оказывается, Кастро – типичный антикоммунист! И уже кулаком окончательно разбивается тема экспорта коммунизма из Советского Союза.

И из присутствующей более чем полутысячи – никто не усомнился громко в ответе, никто не „припер к стенке“. Полный успех... На то и рассчитано!

Вы в полном недоумении; ожидая нечто в этом роде, вы все же не думали, что игра столь откровенна. Забота Копелева – чтобы в груди европейских Че-Гевар не меркли светлые идеалы истинного коммунизма. Недаром, Лев Копелев так любит цитировать Томаса Манна: „Антикоммунизм – величайшее безумие 20-го века“.

А за свое новое амплуа миротворца-гуманиста Л. Копелев держится крепко. Вот, немецкая газета о его последней книге „Слова образуют мосты“: „Система и критика идеологии интересуют Л. Копелева мало. В книге речь – о людях, о человечности...“ И в самом деле, его сегодняшние лозунги: компромиссы, соглашения, миротворчество, взаимопонимание, терпимость. Понимание... Кого? Кем?

При тяжких болезнях, одолевающих Запад, – пацифистской летаргии, параличе воли и повреждении нормальной способности мыслить и оценивать, – „помощники“ типа Копелева – зловещи и фатальны.

Вот так, пропагандирует Л. Копелев на еще свободном Западе, среди бела дня, на глазах у всех. Конечно, Л. Копелев – психолог, и отлично понимает свою западную аудиторию: как х о ч е т с я ей услышать не об апокалипсических ужасах, а о том, что ровно никто и не думает принести им их. И даже, просто нету его, этого коммунизма, которым пугают! И в Советском Союзе – не коммунизм. И на Кубе тоже нет! Можно спать спокойно.

Работа тонкая. „Противопоставление“ двух миров ведется Л. Копелевым в плане ином, чем: демократия – коммунизм. Он далеко уводит от реальной угрозы Западу именно коммунизма. Нейтрализует сопротивление ему на Западе, и так почти отсутствующее. Политика генеральных замалчиваний.

И Западу нравится то, что говорит Копелев. Это так успокаивающе-приятно. Вместо того, чтобы говорить, что всякий „путь“ построения социализма – это вечно открытый ящик Пандоры, гибель для всего живущего, путь в личное и социальное небытие, вместо того, чтобы бить в набат, Л. Копелев поет колыбельную:

„Кто-то вздохнул за стеной...

Что нам за дело, родной?“

Так, будто и не было в дебете идеологии ста миллионов голов, а считая весь мир – и поболее... Изощренная помощь Копелева в бездорожье...

Западная общественность, в ее отношении к коммунизму, дает величайшие основания для тревоги. Имей место подобная читка в России, среди **российской** аудитории, силлогизмы и теории Л. Копелева аплодисментов бы не срывали... И оттого – страну эту, и ее людей – **представлять он не может!** Тягостное чувство остается после такого „представления“. Но „представители России“ поехали дальше. Их ждут новые города, новые докладчытки, новые аплодисменты, новые цветы...

*

„И я сжег, чему поклонялся,
Поклонился тому, что сжигал.“

Из чтеца-декламатора.

В книгах обоих авторов – тонешь. Шутка ли, – 730 страниц большого формата одного „Хранить вечно“.

„История дает нам готовые мысли“, предпосылает Л. Копелев этой своей книге, – из Гете. История-то дает... Но смотря какие, и как их воспринимать. Вот, на стр. 27 книги, о таких „готовых мыслях“: „Убеждения возникали из всего /.../, прочитанного и услышанного о Дзержинском, Павлике Морозове (!!!)... В тюрьме я стал гораздо более последовательным сталинцем чем когда-либо раньше, /.../, в этом был необходимый источник душевных сил (!!!)“. А на стр. 50-51 Л. Копелев изображает „credo“ убежденного коммуниста. Страшноватое credo... „Тогда я был уверен: **цель оправдывает средства**. Наша великая цель – всемирное торжество коммунизма, – и ради нее можно и нужно идти на все – лгать, грабить, уничтожать сотни тысяч, даже миллионы людей, всех, кто мешает или могут помешать, всех, кто оказывается на пути.“

Вскользь, мимолетным замечанием – что неверно усвоенные принципы диалектики Маркса и Энгельса привели к бесчеловечности Сталина...

Но Л. Копелев знает: плох **не** коммунизм, а только его „извратители“. Всюду строили неправильно. Какое странное совпадение!

Но честные идеалисты все равно ведут к светлому будущему. Вот, Л. Копелев тепло живописует случай (ненаучная фантастика?) – создание в одном из лагерей ГУЛАГ'а коммунистической партии, даже с „кандидатами“, комсомолом, секретарями партячеек. Рисует как случай вполне обычный... Так, вроде – отрубили ящерице хвост, а он вновь вырос. Так и коммунистическая партия, растет из органических глубин человеческих душ. А армия партийных идеалистов до гробовой доски мечтает только об одном, завещанном Лениным: о благе народа. Совершенно не думая о себе. И дальше – шедевр-сравнение: „**Так уже было**, в истории. Иные слова евангелистов /.../, вели от благодатной человечности Нового Завета к изуверствам крестоносцев, инквизиторов.“

Теперешнее приспособление переселенцев из СССР, типа Л. Копелева, к левым интеллектуалам Запада (вернее, смычка с ними!) создает сумбурную и опасную коалицию. У этой коалиции карманы набиты моделями „хороших социализмов“. На умное и справедливое открытое письмо Н. Коржавина Генриху Беллю (а с ним и всему „демократическо-социалистическому“ лагерю), адресат не нашел ничего ответить, как только несколько изжеванных трюизмов. То, что пытаются представить красивыми словами, – на деле видится принципом беспринципности. И это явление шире психологии. Оно переходит в область психиатрии. Особенно на Западе. Когда сталкиваешься с такими, думаешь: последний из могикан! Но – увы! Могикане, при содействии помощников, специализировавшихся на ниве идеологической работы, плодятся как кролики, растут как грибы, буйно распространяются на беззащитной Земле.

Искушает привести одну „гуманистическую“ цитату: „Такие рассуждения возмущали мой марксистский рассудок и жестоко язвили мировосприятие, воспитанное заветами человеколюбцев, от евангелистов до Короленко...“ (Л. Копелев, „Утоли моя печали“). Какой размах, какой диапазон! Почему же это могучее мировоззрение человеколюбцев не действовало во время „работы“ Л. Копелева по насильственной коллективизации?

И вообще, ошеломляет невероятная эклектическая смесь у Л. Копелева... На „доске почета“ у него – и Бердяев, и Лао-Тсе, и Шиллер, и Гете, и Ахматова, и Сартр, и Шарден, и Генрих Белль, и ... Евангелие. А надо всем – стоит терпимость и миротворчество. После всего, **что было** – ставшего явным, или почти явным, – нужно еще и отказаться **не терпеть** этого позора! А о гуманистах, на которых Л. Копелев, по его словам, как на материнском молоке вырос, вовсе не вспоминалось, когда вершили судьбы других, судьбы, устрашающе-далекие от всяческого гуманизма... И забывалось-недумалось не час, не день, не неделя, не год... Но – целая долгая партийная жизнь. Полвека! А потом – Короленко, Лессинг, Натан Мудрый... Убеждения – **вещь наживная**.

*

Л. Копелев стремится рассеять „старые мифы“ о Советском Союзе. (И заменить их **новыми**...) К числу „старых мифов“ – относится коммунистическая идеология, и экспансия ее на Запад. Но, такой ли уж это „старый миф“? Просто – эта идеология проникает сегодня на Запад в несколько замаскированном виде. Стал коммунизм менее популярен? Припишем ему человеческое лицо... Считают его агрессивным? Будем ратовать за миротворчество!

Л. Копелев, в „Утоли моя печали“, в заключении, говорит: „Я не принадлежу никакому союзу единомышленников. И не считаю себя в праве кого-либо поучать“. Однако, Л. Копелев поучает. Официальная версия, – тер-

пимости, миротворчеству, „блаженству кротких и милостивых“. А „истинный коммунизм“ хранит на дне души (пока). Уж не терпимость ли и „блаженство духа“, были бы таковому мифическому образованию свойственны? Правда, Л. Копелев роняет, в конце книги, несколько слов „в осуждение марксизма“, но звучат они совершенно неубедительно, диссонансом ко всему, что он пишет и делает. Словно бы написал он эти торопливо-незаметные строчки только в виде отмычки, временной уступки, на всякий случай. Как сочетать это с формулой: „Антикоммунизм – безумие...“

Отказ Л. Копелева признать, что в Советском Союзе построен **именно реальный** социализм, идентичен отказу сегодняшних левых признать, что и национал-социализм был течением **тоже** левым! Гитлер был европейским социалистом. И здесь – еще одно подтверждение общности **всех** социализмов.

И марксизм, и построение социализма-коммунизма, стали в Советском Союзе, очень непопулярны. Даже и с самым наичеловеческим лицом. М и с с и я там – закончилась. А на Западе – новая миссия: строго продуманно делиться опытом, обходя острые углы, нести „светоч веры“, отвлекая от сути, протирать лик „светлого будущего“ – чтоб не потемнел от света. И – давать всем сонные порошки. Все это движение „социального прогресса“ хочет только кое-что „выправить“, но далека от него мысль – отбросить самые корни. В их планы не входит устранить болезнь. Ведь тогда надо выдавить, вычислить саму **ложь** и **гной** „русской“ революции!

А и у Л. Копелева, и у Р. Орловой, нет-нет, да и блеснет-мигнет, огоньком болотным, „свет Октября“.

Проверяет теорию – только практика. Разработанная Марксом структура коммунистической партии лежит в основе **всех** коммунистических партий. И именно их террористический характер вполне откровенно определяли „основоположники“. Маркс и Энгельс объявили свою идеологию непогрешимой, террор – методом, ломку мира – целью. Марксизм есть динамическая идеология, со

сложным и продуманным механизмом, системой рычагов и продуманными „точками приложения“ насилия. Самое страшное в этой взрывной и разрушительной догме – это ее поистине дьявольская интуиция в области человеческой психологии, использование иррациональной природы человеческой психики, и способности людей, массы, действовать иррационально. Против самих себя. Вот это-то и используется сегодня.

Но Л. Копелев страстно утверждает – надо только **других** Старших Братьев, и все будет „с человеческим лицом“. И в заключение „комедии ошибок“ Л. Копелева, забавный софизм. Что-то вроде того, что: коммунисты – они-то и есть антикоммунисты...

*

Духовный кризис западной цивилизации как в зеркале отражен в поведении и психологии человека Запада. Это – безудержное, беспринципное пользование плодами небывалого технического прогресса, и **страх** свое удобное (как никогда в истории!) существование утратить. И полное равнодушие к судьбе других. Страх этот доходит до своих абсолютных пределов в нежелании конфронтироваться с **реальностью** вне свободного мира, затыкании ушей и закрывании глаз. И это в то время, как различные адские машины давно пущены в ход. В таком психологическом состоянии человечество предельно легко манипулируемо. Не нужно никакой сложной игры. Достаточно простой успокаивающей дудочки. И на этом широко играет таинственная группа переселенцев из Советского Союза. Загадочны не только ее поступки, речи, направление и тенденции, но и великая легкость, с которой они „работают“: все к их услугам. Начиная от профессорских кафедр в ведущих университетах мира (всегда там, где надо!), изобилия изданий (и даже собственных издательств), финансирования таинственными силами в астрономических размерах, непредставимых для „обычной“ эмиграции, материальной обеспеченности; и до **едино-**

душия хора, который все они представляют. Убийственные эксперименты левых – все еще их почва, продолжает ею оставаться, несмотря ни на что. Издержки идеи их не волнуют. Главное – „небо в алмазах“. И они помогают высаживать на самые различные почвы выращенные в интернациональных парниках марксистские саженцы.

*

Можно без преувеличения сказать, что сегодня для человека определяющим является его отношение к проблеме России, и к коммунизму. В этом отношении интересна появившаяся в 1984 году в ведущих органах печати Запада статья Л. Копелева „Неузнанная империя“. Одним росчерком пера Л. Копелев заменил „построенный в боях социализм“ в Советском Союзе – **имперскостью**. Вечным стремлением России к расширению, „старой и безрассудной тенденцией – от Александра Македонского до Бисмарка...“ И ничего не понимают те, кто думает, что идеология „правит бал“ в Советском Союзе. СССР, оказывается, уже в 30-х годах **отошел** от коммунизма и стал развиваться в сторону имперскости. (Империя – **национальна**. Странная копелевская империя, главной целью мощной внутренней политики которой является массивное, невиданное в истории, физическое уничтожение собственного народа!). По Копелеву, экспансия Советского Союза только для приличия замаскирована идеологией марксизма (на что, увы, ловятся „самоотверженные, идейные революционеры“...). И „Советская империя – расширяет сферы влияния и приобретает новых клеветников...“ **Дорогие** же эти клеветы! Посчитать, во сколько миллионов и миллиардов обошлись такие клеветы, как Куба и другие... Станными практическими расчетами должна была руководствоваться новоявленная копелевская империя.

Удивительна способность Л. Копелева скользить только по поверхности вещей. Не касаясь сути, сути коммунизма и его экспансии. Л. Копелев, как птица-мать, все

время уводит **в сторону от гнезда!** И просто наивным звучит его аргумент – „разногласий“ и „противоречий“ между коммунистическими вождями. И Россия, и Китай, и Куба, Вьетнам, Корея, Восточная Европа – все они близнецы по облику того, что там построено. **Всюду** – теория определила практику.

Л. Копелев относится к типу „убежденных пожизненно“ в том, что реальный коммунизм плохим быть не может: тогда это – не коммунизм.

И – пока там до коммунизма – демократический социализм всех будет устраивать... Его же родство с „социализмом“ советским – не будем обсуждать.

А что касается империи... Марксистская программа „мировой революции“ – и есть программа коммунистической вселенской империи; впрочем, – **карикатуры** на империю. В ней нация заменена интернационалом.

*

И еще одна тема затронута Л. Копелевым в этой статье о „неузнанной империи...“ Он критикует „неправильное“ понимание советской политики, начиная от Ленина, как определяемой идеологией и стремлением к мировой революции. И „легким касанием“ присоединяет сюда распространенную теорию „единого вселенского заговора“, в котором тайно состоят все коммунистические партии. Единого вселенского заговора, **„при использовании коммунистической доктрины, и с помощью тайной дипломатии использующего и пацифистов, и демократов, и либералов, делая из них невольных или сознательных пособников...“**

А лучше ведь и не определить!

Л. Копелев совершенно отменяет подобный „вздор“, повторяя тезис о „непримиримых“ различиях и разногласиях между отдельными коммунистическими вождями.

Но, во-первых, „милые бранятся – только тешатся“, а, во-вторых, что касается „различий и разногласий“, они всегда были **нужны** в системе. В движении так назы-

ваемой мировой коммунистической солидарности, именно **солидарность** никогда не была нужна (кроме как показная). „Разногласия“ же – средство для хозяина в нужный момент сокрушить „нечистых“, „неистинных“, „неправовверных“, „зарвавшихся“, вообразивших себя хозяевами положения. (На этом принципе были построены и все партийные „разногласия“, и процессы. Это были разногласия-невидимки, разногласия-средства.). А приведение, в нужный момент „к общему знаменателю“ – работа испытанная и привычная.

Такой заговор непрерывно заряжается от аккумулятора воли и организации. Характер же религиозный или какой-либо **секулярной религии, как коммунизм**, является превосходным „топливом“ для „машины“.

Энгельс писал, что революции нельзя делать предумышленно и по произволу. Нет, м о ж н о, и они **именно** плод заговорщицкой работы, и даже целых поколений и столетий. А еще история показала, что нигде „коммунистические“ революции или перевороты не случались в результате **естественно-исторического** процесса, но навязанно. Они всегда – **насилие**. При этом эпитеты, как „пролетарские“ – маскарадно-маскировочны. **Отцовство** революционных заговоров прослеживается в поколениях, столетиях.

Напрасно Л. Копелев не займется такой проверкой. Это был непрерывный поток Большого Заговора. Почему бы ему вдруг иссякнуть? И превратиться в „и м п е р с к о с т ь“?

Методы, предложенные Марксом и Энгельсом, и примененные в „русской“ революции, совершенно неприкрыто формулировали использование взрыва, разрушения, террора, провокации, насильственного захвата власти. Все это было очень спектаклярно продемонстрировано „профессиональными революционерами“. По четкой программе.

И по сей день, политика определенных влиятельных интернациональных кругов – не мешать и дальше гибели России...

Но в „поздние часы истории“, ее **искусственные** построения, каким было „преобразование“ России, зашедшее в беспрецедентные формы социального насилия и разгрома, достигают „высокой стадии“ иррациональности; и выходят из-под контроля. Им пытались придать форму „законов истории“. Забывая о том, что и вообще-то выискивать „законы“, определяющие будущее, можно в той же мере, в какой можно составлять расписание для мира Иррационального. Случающееся всегда смеется над тем, кто берется им **управлять**. В конце-концов. (До которого мы еще не дожили.)

Недаром говорится: „Хорошо смеется тот, кто смеется последним“. А если не будет „последнего“, то это будет гигантская радуга в небе, после финальной катастрофы будущей войны.

Перед морем – уже всеземных! – бедствий, анализируя деятельность сегодняшних пропагандистов-толкователей типа Л. Копелева (к тому же, вещающих на весь мир!), – впору бить в набат!

*

Была когда-то книга для детей среднего возраста – „Мое милое детство“, Клавдии Лукашевич. О старой Москве. Прелестная книга, одна из лучших этого рода. Станным образом, в своей книге „Воспоминания о непрошедшем времени“, Р. Орлова впадает в ее тон, в описании Москвы новой. И видишь все „несколько“ смещенно, словно в чужие очки. Картины идиллические: няня, церковь, княжна Джаваха, чистые мечты...

О себе: „Девочка услышала в церкви, что лучший мир – царство Божие – впереди. Что к этому миру нужно идти не в одиночку, а сообщая /.../ Жить надо добром, справедливостью...“

Но непосредственно за этим, жизнь озарила „новая религия“...

„Долой, долой монахов,
Долой, долой попов,

Мы на небо залезем,
Разгоним всех богов!“

Дети понимают очень многое! В жизнь ребенка входят слова, формулы, оценки. Для одних слово ч е к и с т несет ужас в себе. Для других – объект подражания, образец.

У Р. Орловой, в становлении мировоззрения, даже курьезно, сочетается совершенно несопоставимое. Княжна Джаваха, о которой упомянуто в книге даже несколько раз, и хранящийся у отца револьвер, **со времен праздверстки...**

Об отце: „Его влюбленность в Горького я могла понять. Но Вышинский?.. Разве мог он не знать, какую кровавую, страшную роль играл Вышинский?!“ (А и сама Орлова?! Не связывала она ничего с „кровавыми, страшными ролями“?).

„Отца привлекали сила и власть. Сила была в руках Сталина. И он хотел быть частью этой силы“. „По натуре отец был примиренцем – и мне передал это по наследству...“ „...Сколько я его помню, он боялся...“ „...Всех тех людей, чьи фотографии, письма и автографы он хранил, постепенно сажали, уничтожали... Он уничтожал письма, фотографии.“

Это ли не пища для взыскательного, пытливого ума? Но вот диалог отца с дочерью:

„А если меня посадят? – Я, нисколько не думая: „Я скажу, что тебя посадили правильно!“

„В те годы не было рядом со мной человека, который думал бы по-иному.“ И тут же, о том же отце: „Как я его любила, какой невосполнимо-взаимной силы была эта любовь...“

Юношеские мысли: „Робеспьер... Ал. Ульянов... Когда начинается Голгофа, он становится моим, близким Христу Достоевского, Христу Пастернака.“ „Многие в те годы в нашей стране и за ее пределами испытывали этот магнетизм“ (силы Сталина). **Магнетизм...** Чего же удивляться тогда нацизму? Гитлер т о ж е обладал магнетизмом. Только – **для кого?**

Жили весело. „В нашем доме было несчетное количество праздников /.../ Шумных, многолюдных, веселых.“ „У нас нет ничего общего с прошлым. В 1917 году подвели черту (!). Некоторым это прошлое интересно, – историкам например, – а мне так нисколько не интересно. Все главное – в настоящем, отсчет идет от нас.“ Ничего не скажешь, откровенно! А муж Орловой очень любил играть в **игру** (!!!) – „разобличали врага“. Игра практически полезная!

„Рассказать о том, как мы в то время жили на воле.“

Да, как Вы жили...

Есть такие картинки – смотришь справа налево – одно. Слева направо – совсем другое. Так и книга Р. Орловой. Кроме того, видишь трещины, остатки старой краски, проступающие сквозь новый рисунок. И даже не одно, а целый ряд изображений проступают одно сквозь другое.

Р. Орлова всегда „мечтала о первых ролях“. „Мчатся строить Комсомольск-на-Амуре“ (не помчалась). „Въезжать на броневике...“ (не въезжала). „Стать Жанной д'Арк оттепели“ (после того, как бурно оплакивала Сталина). Руководить. Учить. Влиять.

*

Не знали?.. Нет, не хотели знать... **Как просто**, по В. Некрасову (передача по радиостанции „Свобода“ о книге Р. Орловой): „У каждого это происходило на свой манер, касаться этого мы сейчас не будем, но /.../ в какой-то момент вдруг поняли(!) – дальше жить так невозможно, нехватает воздуха...(Кому?) И оказались на Западе.“ А ведь можно **оказаться** и вовсе в другом месте...

И сам В. Некрасов, **в 69 лет (!)** – „...только на первой ступени этого крутого маршрута осознания...“

Кажется – **н е в е р о я т н ы м...** Потому что мы жили в то же самое время, в той же стране, в той же системе. И наши, детские тогда, сердца, исходили кровью, и в горле застревал крик.

Не знали. Но вот, из той же книги: „Разумеется, она и раньше сталкивалась с несправедливостью. Опытный журналист, к тому времени уже почти четверть века проработавший в нашей печати, депутат райсовета, ходившая по нашим трущобам... сколько она навиделась – не перечислить, не пересчитать.“ Еще: „В самые страшные, самые кровавые годы, добрые люди делились деньгами, хлебом, кровом.“

Как же верить в то, что **не знали**. А **о не понимали**, ведь и того меньше. Можно не понимать теории относительности, или квантовой теории, но как можно „не понимать“, если на глазах убивают... Ведь люди, обсуждающие эти проблемы сегодня, жили не на затерянном в океане „Острове Блаженных“, а в густонаселенной Москве, или других городах. Но так представляется – Орловой, Копелевым, Некрасовым и сотнями других, будто какая-то „сила“ застилала глаза всем, кто не видел, не слышал, не понимал. А на деле – ведь иначе. **Они**-то и были частью этой самой силы.

Р. Орлова, о 1939-м годе: „Я была в привилегированном положении. Я могла прочитать в иностранных книгах, статьях, о том, что происходило у нас в первые годы революции, и в 1930-м году, и в 1937-38-м, да и в то самое, военное время.“ „Я читала, но ум и душа не воспринимали. Скорее – выталкивали.“ „Я тогда яростно хотела быть счастливой. И была. И жила, плотно зажмурив глаза.“

А какие **примеры** „психологического объяснения“ глупоты-слепоты. Например, сравнение с рабовладельцами на юге Америки, которые „негров за людей не считали, и оттого всяческая этика на них не распространялась – даже у лучших людей (!) тех времен...“

Сравнение – недурно!

„Я все время ищу рациональных объяснений, /.../ ищу сравнительно простой, во всяком случае причинной связи между фактами.“ **Тридцать пять лет** коллаборации с ГУЛАГ'ом... Это ведь – не тридцать пять дней!

В 1955 году услышала впервые о так называемых „гос-
дачах“. Что они затмевали роскошью царские дворцы.
„Что за заборами – ложь, лицемерие, безнаказанность –
все это поняла к началу 60-х годов.“ „Страшно было за
свою веру.“

За **свою** веру!

*

В то время, как Р. Орловой было „страшно за свою
веру“, и когда „восстанавливалось“ светлое имя Бела
Куна, свершалось и иное... Вот, из книги Н. Краснова,
„Незабываемое“: „Там, в Заполярье, я встречался с этими
героями Отечественной войны, израненными, даже инва-
лидами, которых за „дискриминацию власти“, сорвав все
ордена, отправляли „дохнуть“ рядом с белыми эмигран-
тами, с немецкими „эс-эсовцами“, с японскими ками-
кадзе“.

*

А вот, о тех же годах, и о той же „причинной связи
между фактами“. У писателя А. Кузнецова, тоже выехав-
шего на Запад. Вернее – бежавшего. Не вошедшего в коа-
лицию „прогрессивных сил“, и трагически погибшего.
Интересно сравнить его описания с таковыми у Р. Орло-
вой.

„Мои первые детские воспоминания связаны с апока-
липсическим голодом, разразившимся на Украине в 33-34
гг. /.../ По косвенным подсчетам умерло от 6 до 7 мил-
лионов человек.“ „Потом началось другое: аресты. Жизнь
сразу же предстала передо мной, ребенком, как свирепая,
безжалостная мясорубка...“ „И я это прекрасно понимал, и
все дети понимали. И когда в 3-м классе мы все до еди-
ного, якобы добровольно и радостно, вступили в пио-
неры, – хором орали присягу-клятву: „Я! Юный пионер!
Союза Советских Социалистических Республик!.. Обя-
зуюсь!..“, то никому бы в голову даже намек на мысль не
пришло: а я мол не хочу, а я не буду.“

Размеры статьи не позволяют цитировать широко это редкое по честности, трагичности, благородной скромности свидетельство А. Кузнецова. Столь отличное по своему тону от развязного, многоголосого хора великого множества из „третьей эмиграции“, людей, которые выехав из СССР заявляют: „**культура** покидает Россию“.

В одном месте книги Р. Орловой поставлен вопрос: „Почему громче всех о переменах кричат те самые люди, от которых и шло все плохое?“

Действительно – **почему?**

*

„Дурачье! – сказал дьяк, –
Из вас может быть всяк
В теле.
Еще в думе вчера
Мы втроем осетра
Съели.

А. К. Толстой

Сравниваш книгу Р. Орловой с книгой Н. Мандельштам. Они глубоко различны по тону и по окраске показываемого. А. Тойнби считал, что книга Н. Мандельштам „представляет русскую интеллигенцию, на фоне русского народа“. Не станем сейчас разбирать вопроса, в какой пропорции представлены у Н. Мандельштам эти темы. Но русская интеллигенция, без сомнения, представлена.

Что же касается книги Р. Орловой, то она не представляет ни интеллигенции, ни народа.

Аппаратчики и сталинисты, идеологические выкормыши, – вот герои книги Р. Орловой. А вовсе не „русская интеллигенция“, которой автор их „прикрывает“. Вся книга – отдельные „солные партии“ представителей этого класса. А если „народ“ и упоминается, – то только как атрибут, аккомпанемент. Советскую „интеллигенцию“, поддерживавшую и оправдывавшую сталинщину, едва ли можно отнести к интеллигенции вообще. Это люди политической выучки, взявшие на себя некоторые

функции интеллигенции. Интеллигентом можно только быть, но нельзя научиться, ни на каких факультетах, нельзя приобщиться никакими диссертациями и никакими титулами. У интеллигента – общая с Россией „плоть“. Для того, чтобы быть русским интеллигентом, надо, чтобы в венах текла „кровь России“. Совершенно независимо от национальности! Подобно тому, как многонациональной была Россия, многонациональна и ее интеллигенция.

Карьеризм **сталинской** „интеллигенции“, совершенно особого, несравнимого рода нравственного падения, утери человеческого достоинства и порядочности.

„Мастера культуры...“ Какое дубовое определение. Вполне подстать „инженерам человеческих душ“. „Мастер культуры“ представляется неким Левиафаном, в кожаном фартуке мясника, кромсающим ножом, на трибуне-подмостках, национальную и духовную культуру страны. Заполняли своей продукцией газеты и журналы. Работали на обезбожение и обесчеловечение.

1937-й год. „Мы уговаривали себя, и нам действительно начинало казаться, что мы бережем святые принципы. А эти принципы как-раз и растаптывали прокуроры, следователи, тюремщики.“ Примечание: **не растаптывали, а подтверждали!** „И в то же время читали Маркса, Ленина, Сталина, казалось, что раздвигается мир, учимся думать, творчески воспринимать марксизм. Удивлялись стройности и четкости «Краткого курса».“ „В ИФЛИ поступали сыновья и дочери высокопоставленных, именитых тогда отцов – Лев Безыменский, Хана Ганецкая, Марина Крыленко, Анна Лазо, Агнеса Кун...“

Агнеса Кун, дочь Бела Куна, вождя венгерской коммуны и руководителя Коминтерна, одобрила арест отца... Но позже, всей семьей делали деньги на его „реабилитированной биографии“ в стихах и прозе, переводили его работы, добивались изданий, мертвой хваткой зарабатывали большие деньги. Кожаную куртку и красную косынку сменила модная одежда. „Она оставалась для меня воплощением красоты, ума, таланта“.

Дочь наркома, Ирина Гринько. Она (вместе с Р. Орловой) голосовала за то, чтоб отца ее расстреляли. Два года спустя: друг храбро не бросил, поженились. Ирина зарабатывает уборкой. Р. Орлова: „Какие бывают героические люди: его преданность, ее мужество“. Еще спустя несколько лет: „Она защищает докторскую, всем довольна“. Наталкиваюсь на ее статьи, плоские, как доски. Она уверенно продвигалась вперед по новой карьерной лестнице, стала незаменимым специалистом на международных симпозиумах у нас и за границей“.

Какое отношение имеют к русской культуре эти люди? Обсуждающие – „...чем Фадеев выше Толстого?“ „Ирина, Агнеса... Эти сильные, волевые натуры кажутся мне родственными“.

1949-й год. „В поведении на собраниях царила „всеобщая готовность“. Раз это надо советской власти и партии, мы готовы на все. Готовы наших близких, и самих себя признать шпионами, изменниками, провокаторами. В 37-м году я еще пыталась защищать гонимых. В 49-м я присоединилась к гонителям“. „Все были покорны. Покорны и уверены в правоте власти. Считали ее своей“.

Звучит – кощунственно...

„Надо было найти виновных... Русской толпе всегда бросали с крыльца боярина“. Где? Когда? Кроме того, начиная с 1917 года русский народ бросали с крыльца новому боярину... И так – в продолжение десятилетий.

*

Небольшое отступление.

Всю книгу пронизывает тема сталинизма. Она, по сути центральна, поскольку Р. Орлова чуть ли не тридцать лет проходила в активнейших и убежденнейших сталинистах. Теперь же это представляется, как что-то вроде – переболеть ветряной оспой.

С именем Сталина связано величайшее мифотворчество истории. Но мифотворчество особое.

Сам по-себе Сталин, с его „космическим величием“ – нереален. Если можно так выразиться – абстрактен! „Величайший мудрец всех времен и народов“, обожаемый „учитель и вождь“ – не существовал. Конечно он **был**, в том смысле, в каком был Иди Амин. Но Сталина-Ассаргадона **не было**. **Не было** и мудреца. Чеканная тупость „изречений“ вождя (Р. Орлова описывает, как восхищались стройностью и четкостью „Краткого курса“...) была поистине феноменальной, словно бы и превосходящей возможности отдельной человеческой личности. И это – **была реальность!** Он был коллективным творением, Франкенштейном, над которым потрудились миллионы его создателей. И **любовь** этих созидателей-почитателей к своему „кумиру“ – была **отнюдь не** психозом или самообманом: это была совершенно четкая, расчетливая, прагматическая любовь! Никакой Мальчик, наблюдавший процессию Голого Короля, почитателей его не смущал. Это было – их творение, это были – они сами. Все сталинисты, независимо от ранга, ума и мотивов, – органическая часть существа Сталина. **Были – и есть!**

Единственно, что создав живого Сталина, они не смогли снабдить его и бессмертием (а как бы хотели!!!). Смерть удивительно разрешает неразрешимое. Умер и Сталин. **Можно** поверить: все создатели Сталина – искренне его оплакивали! Потому что они **питались его существованием**, сколь ни „трансцендентно“ было оно. С его смертью все они „рухнули в реальность“; некоторое время пытались кормиться уже „сталинизмом“. Но таковой был уже только „отражением отражения“.

Речь Р. Орловой по радио на смерть Сталина, приведенная в книге, вполне стандартна, но именно этим и примечательна: „Свято хранить единство партии /.../ Тяжелому горю не сломить выкованный Лениным и Сталиным народ /.../ Великая ноша падает теперь на всех советских граждан /.../ Советская молодежь – лучший залог бессмертия Сталина.“

Так, из **мифа** старались сделать безотказный по-смертный аккумулятор. Из части эмоциональной: „Тяжкие

дни траура, вероятно самые тяжелые в жизни нашего поколения /.../ Нет сил поверить, что Сталин умер. Где-то в глубине души мы еще храним мечту о чуде...”

„Мечта о чуде“, впрочем, была вскоре Р. Орловой отброшена. Приведена и речь после XX съезда – скорая химическая чистка, выведение пятен!

1956 год. „Начиналась новая эра... Хотелось стать Жанной д’Арк оттепели“. „За все эти годы, после 54-го, мне ни разу не пришлось ощутить тяжесть партбилета, не было таких вопросов, где пришлось бы голосовать против совести“.

„Начало 60-х годов. Потребность в совести...” (А – раньше?).

Предмет дискуссии 1962 года: „Почему у Солженицына не изображена главная трагедия – трагедия арестованного коммуниста, оставшегося верным идеям партии в тех условиях“. Важнейшим вопросом считает Р. Орлова – „Как и когда началось перерождение? Ложь?“ То-есть, – перерождение революции. Раньше она Р. Орлову вполне устраивала.

*

Р. Орлова проникновенно и повторно пишет о „поруганной вере сталинистов“. „Общество проходило период бурной переоценки ценностей... Во имя чего жить, чему верить? Ответов искали на различных путях. В марксизме, очищенном от скверны сталинизма, в марксизме, соединенном со свободой, гуманностью... Искали в религии. Искали в иностранной литературе.“

„Ищут“ и теперь.

„В годы войны довершался процесс, начатый раньше. СССР становился великой державой /.../ Гасли последние отблески костров 17-го года. Большинство людей, как-либо воплощавших революционные порывы, были еще раньше уничтожены, во время большого террора“. Вот, например, Бела Кун! Забыта „мелочь“: что уничтоженные, „воплощавшие революционные порывы“ и сами уничто-

жали бы и дальше, останься они в живых. Потому что такова логика доктрины, исполнителями которой все они были, включая Р. Орлову.

Особенно нежно выделяет Р. Орлова тему интернационализма („Двери открываются медленно“): „Все то, что выражено понятиями Internationale, солидарность, Religee, – едва ли не самое важное сегодня“. „Сердце“ этого движения – В. Чалидзе. Он возглавляет „Хронику-Пресс“, имеет даже издательство. И он тоже выдвигает теорию, что в России коммунизм „сошел с рельс“. Рельсы вели в светлое будущее, по историческим рецептам Маркса и Ленина, которые „воплотили в науку вековые чаяния людей о равенстве“.

Прославляется Amnesty International. Но вот, вынырнул из ада (десять лет психиатрического застенка, неслыханно-смелый, драматический побег...) Ю. Ветохин. В чужом мире, постучался он в двери В. Чалидзе. Двери остались герметически закрытыми. Чалидзе не удостоил русского героя, борца за свободу, – ни приема, ни ответа. Может быть, перед Копелевыми двери широко раскрылись бы. Стучащему в двери Чалидзе Ю. Ветохину – остались „Размышления у парадного подъезда“.

Отказываются ли от своих идеологических симпатий все, переселившиеся на Запад, Чалидзе, Рои Медведевы, Плющи, Копелевы, Орловы – и имя им еще легион?! Они проповедуют „открывающиеся двери“, интернациональную дружбу... Но они ведь со своими дверьми сюда приехали! Только сменили тамошние места на заграничные.

„В начале 60-х годов появилась потребность в совести...“ Эта новорожденная „совесть“ – оказалась хромой на обе ноги.

Кипучая деятельность за границей по формированию общественного мнения. Они были и **остались** пропагандистами. Они вовсе не хотят ликвидации большевизма, а только пишь „модификации“, кое-каких „косметических операций“.

Нельзя не остановиться на одном месте книги, объясняющем причины „ужасов“ и „моря народных бедствий“. Р. Орлова – **напряженно ищет** „рациональных объяснений“. И – **находит!** „В сумасшедшей пляске эйзенштейновских опричников из „Ивана Грозного“. „Это выше(!) всех объяснений от ума“. „Не приняв этого нельзя понять и страшных камер, и садистов-следователей, и всего моря народных бедствий“.

Н и к а к о е другое объяснение Р. Орловой в голову не приходит, как только унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекла... Но вот, только: почему это в дореволюционной России опричина никого не вдохновляла, но – наоборот? И пышным цветом расцвела только в России коммунистической? Как случилось, что наводнившие Россию в революцию интернациональные опричники, немедленно, и с блестящим знанием дела, опричину „взяли себе на вооружение“? Так, словно это была заданная практика. Толкователи истории, как Р. Орлова (и таких сегодня много!) – не проливают ясности на такие факты, но предпочитают сваливать все огулом, на плечи национальной России! Иначе-де – и не понять...

Не дух инквизиции, унаследованный марксизмом, не интернациональная опричина, но – национальная Россия.

Для любителей ссылаться на Ивана Грозного: в келье монастыря Троице-Сергиевой Лавры обдумывал он опричину, как средство борьбы с боярами. Крайне смущало царя, что образцом были янычары при турецком султани. Но сомнения Грозного были рассеяны, когда иеромонах Таисий прочел ему „Житие кроткого царя Давида“. Этот „кроткий царь“ отличался непревзойденной, патологической жестокостью в казнях (массовых, бессчётных) врагов своих, и неугодных. Но Библия преподносит его как **величайший образец**, и увенчивает венцом кротости. Так что, каким бы изувером Грозный ни был, – есть у него достойный и очень древний образец и учитель, зафиксированный историей...

*

Да, в **иррациональном** – искать надо; но дальше и глубже, чем ищет Р. Орлова... Сегодня, оба мира, со всеми их „дверьми“, могут быть вполне осмыслены – только в понятиях иррационального. В мире Кафки. Мире „Процесса“... Западный мир, с его мыльнопузырной Аркадией счастливой, и восточный мир, с его, открытыми Злой Рукой, дверьми в преисподнюю... Через которые десятилетия, организованно спускаются поколения.

Но эссе Р. Орловой „Двери открываются медленно“ написано в ключе: *andante, largo, con sentimento*. Они убаюкивают, уводят в нормальный мир, нормальную жизнь, нормальные события, нормальные чувства. Режущие до боли четкости красок кровавой истории нашего века – покрываются у Р. Орловой мягкими, пастельными тонами.

*

У Р. Орловой – „на Западе переизбыток всего, в том числе и благ духовных. Благ истинных“. И все очень легко „наладить“. Она „разрешает“ противоречия, подобно тому, как писатель Конрад Лоренц в книге „Так называемое зло“. Он уповает на... спорт, который-де сгладит все интернациональные распри и беды. И вот мы видим как на фоне страшных надвигающихся катастроф, люди прыгают, плавают, бегают, гоняют мячи, как если бы это было – главным в человеческом существовании. И все эти бегущие и прыгающие ноги еще больше подчеркивают отсутствие головы...

У больного – рак мозга, а ему предлагают – покрасить волосы.

*

На немецких ярмарках до сих пор сохранилась традиция продавать расписные пряники, в форме сердец. Они всегда с надписями. „Только ты“, „Будь верна“, „Мое сокровище“ и т. п. И даже – „Весь Париж мечтает о любви“. Пряники эти невкусные, почти несъедобные, но их охот-

но покупают. Функция и ценность их, – очевидно не „вкусовые“, но в какой-то программной, исконной сусальной сентиментальности.

А вот книга Р. Орловой имеет совершенно определенный отчетливый „вкус“. Лимонадный. Она – как газированные воды с различными сиропами. Каждая отдельная глава – отдельный стакан. „Свежее сено“, „Малина“ и т. п. И все – с химическим лимонадным привкусом. Какие приторно-сусальные сценки! „Он спросил: 'Неужели Сталин разрешал пытки?' И заплакал...“

*

„На спинку я сажусь летучей мышки...“ – говорит шаловливый, веселый, беззаботный дух, в „Буре“ Шекспира. Ничто его не отягощает в его странствиях. Ничто не омрачает его врожденной жизнерадостности. Так, примерно, и у Р. Орловой.

Какова же мораль сей книги?

„Мы были плохими. Все было плохо“.

Антитеза, теперь: „Мы стали хорошими. Все будет хорошо...“

Но, все же, – нельзя, после всего такого, **каким** это было, – вот, так, просто, как в „Польке Ойре“ –

– Стыдно, стыдно, Катенька!

– Извиняюсь, папенька!

Только и всего...

Что это? Инфляция исповеди, или – исповедь инфляции?

Е. В а л и н

Прадеды и правнуки

(Маленький фельетон, состоящий из реальных элементов, на тему затронутую О. Поляковым в статье „О любви к отечеству и вермонтской березке“ в «Вече» № 22)

Персональная справка. Прадед – эмигрант, участник Белого Движения, семья которого осталась в Москве. Его сын получил там среднее и высшее образование, стал доктором медицины. Он все время лелеял мечту соединиться с отцом (к тому времени его мать умерла) и однажды, при совершенно невероятных обстоятельствах, ему удалось бежать на Запад. Приехав к отцу в США, он попытался продолжать свою врачебную деятельность, но из-за неспособности к языкам, не преодолел английского языкового барьера и был вынужден работать старшим фельдшером в госпитале. В Америке он обзавелся семьей. Как бы по поговорке: „обжегшись на молоке – на воду дуешь“, своего сына он русскому языку не обучал, чтобы тот в совершенстве овладел английским и стал „настоящим“ американцем – чего сын и достиг... Его же сын, – правнук белого эмигранта, – проявил с ранних лет большие способности к языкам. Сперва от прадеда он

научился русскому языку, потом усовершенствовал знания на факультете славистики в высшем учебном заведении. Унаследовав интерес и даже любовь к русскому языку, этот молодой человек не унаследовал почти ничего, что составляет „русскую сущность“. И на этой почве, зачастую, его мирные беседы с прадедом переходили в острую полемику. Так и на сей раз...

*

— Ты читал статью Полякова в двадцать втором номере «Вече»? — спросил прадед.

— Нет еще, — ответил студент. — О чем она?

— О том, каким должен быть русский в эмиграции.

— О чем же пишет Поляков? Его статьи, вообще-то, интересные.

— На сей раз он полемизирует с Романом Днепровым, отчасти с ним соглашаясь, отчасти нет. Статья Днепровыа „Право называть себя русским“ была напечатана в свое время в газете «Русская жизнь».

— Чтобы говорить о статье, мне следует с ней познакомиться.

— Вот, пожалуйста, возьми ее на моем письменном столе.

Студент берет журнал, уходит в свою комнату и через некоторое время возвращается в гостиную.

— Ну, я не совсем согласен с Поляковым, по-моему он предреживает, получается по-фарисейски. Если верить ему, большинство русских — плохие русские, ибо не отвечают его высоким требованиям.

— Например?

— Приведу одно место. Он утверждает, что русскость эмигранта не зависит от того, каковы были его патриотические заслуги в прошлом. „Человек не то, — пишет он, — кем он был, а то, кто он сейчас. И, более того: кем он хочет быть в будущем, кем должны быть, по его мнению и желанию, его дети, какому Богу он поклоняется и какому народу он служит ныне и в будущем“.

— Что же тебе в этом не нравится?

— Все. Без особого толкования и оговаривания, каждая фраза в этом отрывке спорная. Возьмем, для примера, алкоголика. Его теперешнее „я“ — есть результат его прошлого, а мечта о будущем, как правило, так и остается мечтой. Это хорошо сказано одним из алкоголиков-мечтателей: „Бросить пить очень легко, я сам бросал уже тысячу раз...“ Дети его не станут такими, какими они должны были бы стать по его мнению и желанию, а такими, какими им заблагорассудится. Даже выражение: „какому Богу“ — неправильно. Бог с прописной буквы — един, а если имеется в виду множество объектов поклонения, то это — „боги“, а не Бог! И, наконец, если я, американский гражданин, живу в США, ем американский хлеб и пользуюсь всеми благами этой страны, то совершенно справедливо и нравственно будет мое служение именно этой стране, а не какой-нибудь другой. Самый близкий мне — этот народ, а не какой-то другой, который мне знаком лишь по рассказам и по литературе. Я не обвиняю того, кто думает иначе, хотя „двойная“ национальная этика мне претит, но я и не желаю, чтобы кто-то вменял мне это в нравственный долг.

— Ты просто придираешься к Полякову. У него это просто так вышло, „модус диченди“, так сказать. Твое заключение мне не нравится — ты следуешь принципу: „уби бене, уби патрия“.

— Совершенно верно! Какой дурак будет стремиться туда, где плохо, оттуда, где живет хорошо!

— Не хлебом единым жив человек!

— Совершенно верно. Кроме хлеба человеку нужны и зрелища...

— Но так или иначе — родину надо любить! — воскликнул старик.

— Вот, я ее и люблю, только моя родина — это США, а не СССР.

— Я имею в виду Россию!

— Но Россия, ведь — это отвлеченное понятие, наподобие „Киевской Руси“ „Новгородской республики“ или „Московского царства“.

— Говоря „родина“ я имел в виду отечество. Землю отцов и предков.

— Но эту землю я не видел, а если помню „отцов“, то праотцы, то есть предки — это тоже абстрактная категория. Я даже не знаю кто они были, как их звали.

— Мы дворянского рода, — гордо заметил старик.

— Да, это относится только к отцовской линии, а моя бабушка, жена вашего сына, мещанка или крестьянка.

— Она родом из Средней Азии, она из Каракалпакии.

— Значит у меня две родины, московская и каракалпакская, вернее, две родины у моего отца. Ну, а моя мать — американка. А если принять во внимание происхождение ее родителей, то родина моих предков и Англия, и Швеция.

— Родословную принято считать по мужской линии. Уже в Библии сказано: „Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова“...

— А почему современные евреи считают подлинным евреем только того, кто родился от матери-еврейки? А „родной“ язык, например, поляки или немцы называют „материнским“.

— Я не знаю почему.

— А я знаю — потому, что согласно утверждениям социо-футурологов род человеческий движется к матриархату.

— Глупости.

— Кроме того, в современном мире, прежде всего в США, слово „отечество“ и соответственно „патрия“, „патриотизм“ вообще изъято из употребления, из живой речи из газетного и телевизионного языка.

— К сожалению, это так. И это потому, что средства массовой информации, школьное и университетское образование, культурные учреждения, словом, всё, что воспитывает человека, что формирует его сознание нахо-

дится в либерально-демократическо-интернационалистических руках. И это ведет к денационализации.

— А вот, Поляков пишет, что лучше совсем денационализироваться, чем быть „теплопрохладными“.

— Он этого не говорит.

— Он же пишет: „Сколько среди нас, русских эмигрантов, теплопрохладных: на словах стоящих горой за Россию, отрицающих большевизм и коммунизм, желающих освобождения России от советской власти, но ничего не делающих для этого. Они считают себя безупречными русскими – но так ли это? Не хуже ли эти теплопрохладные чем те, кто открыто отрекся от России?“

— Здесь Поляков поддался пафосу проповедничества. Но ведь в другом месте он говорит нечто иное. Дай-ка мне журнал... Вот, цитирую: „может случиться, что тот, кто сейчас кажется незыблемым русским столпом, в трагические, решающие минуты 'уйдет в кусты', американские кусты, а к тому, кто сейчас кажется американцем и только американцем 'ворвется в сердце ветер снежный' и пойдет он умирать за, казалось, забытую им Россию, доблестно, по-русски“.

— Значит, „теплопрохладный“ или „отрекшийся“ может оказаться более русским патриотом, чем сегодняшний „ура-патриот“?

— Да, так выходит.

— Хочу еще отметить, что в одном месте Поляков пишет о березках и ладанках. Мне это кажется пережитком древних, древних времен. Антропология это называет анимизмом и фетишизмом... Ладанка с русской землей – какая это „русская земля“: чернозем, песчаная почва, суглинок или комочек торфа? Имеет ли значение химический состав почвы для определения „русскости“ или географическое положение места откуда земля взята? Будет ли одинаково „русской“ земля из-под Смоленска и из Ново-Уссурийска? В конце концов, любой комочек земли имеет нечто тождественное, ибо является частью земного шара. Все это – психологизм. Если турист поехал в СССР и обещал другу в США привезти ладанку „рус-

ской земли“, но забыл взять ее или побоялся расспросов при таможенном контроле, а вернувшись домой насыпал в ладанку калифорнийскую землю, утаив это от друга... Ведь душевные эмоции, вызываемые обладанием ладанкой, якобы „русской земли“, у друга не пострадают. Земля не пахнет, если она не из свежее-унавоженной почвы или из окрестностей Чернобыля... И особое почитание некоторых деревьев, в данном случае „русских берез“, и вера в мощь талисманов, амулетов, ладанок практиковалась тысячелетия назад и выражалась в почитании „священных дубрав“ и „священных предметов“, против чего боролись более просвещенные учителя иудейской веры, а затем и христианской Церкви.

— Нет, я не верю в магическую мощь березы или ладанки, но это для меня некие символы, при созерцании которых в душе моей вспыхивают патриотические чувства.

— Сомневаюсь в справедливости такого утверждения. Возьмем, например, изображение русского орла, двуглавого, символа русской царской державности. Изображение орла остается символом вне зависимости от материала и места где орел этот сделан или нарисован. И если бы ладанка была только символом, то можно взять любой комочек земли, зашить его в мешочек, и время от времени на него посматривая, разогревать свой патриотизм.

— Хочу прочесть тебе одно стихотворение, чтобы ты понял, о каких эмоциях я говорю.

Старик идет в свою комнату и возвращается с листком, на котором написано стихотворение.

— Стихотворение это написал Юрий Ипполитович Лисовский, публиковавшийся под псевдонимом Вадимов. Оно называется – „Что такое русская культура?“ Слушай...

Русская культура – это наша детская
С трепетной лампадкой, с мамой дорогой,
Русская культура – это молодецкая
Тройка с колокольчиком с расписной дугой.

Русская культура это сказки нянины,
Песни колыбельные грустные до слез,
Русская культура это разрумяненный
В рукавицах-варежках дедушка Мороз.

Русская культура это кисть Маковского,
Прелесть Антокольского, Лермонтов и Даль,
Русская культура – звон Кремля московского,
Музыки Чайковского сладкая печаль.

Русская культура – это дали Невского,
Сумрак петербургских северных ночей,
Это радость Пушкина, горечь Достоевского,
И стихов Жуковского сладостный ручей.

Это свод законов наш, это суд наш правый,
Равного которому в целом мире нет,
Это наша армия, наш орел двуглавый,
Это наша опера, это наш балет...

Русская культура – это вязь кириллицы
На заздравной чарочке яровских цыган,
Жемчуг на кокошнике у простой кормилицы,
При чеканном поясе кучерской кафтан.

Русская культура это то, чем славится
Со времен Владимира наш народ большой,
Это наша женщина – русская красавица,
Это наша девушка с чистой душой.

Русская культура – наша жизнь убогая
С вечными мечтаньями, с замками во сне,
Русская культура – это очень многое,
Что найти не в силах мы ни в одной стране.

— Ну, что скажешь?

— Это красиво, но слишком слащаво, сентиментально.
Для меня это не звучит или звучит как сказка про царя

Салтана... И уж если говорить о „русскости“, то уместно обратиться к статье Палеолога, опубликованной в том же номере «Вече». Эта статья буквально пестрит фамилиями польскими, немецкими, французскими, сербскими, румынскими, шведскими, кавказскими... Это фамилии людей верой и правдой служивших России, участвовавших в создании русской истории и культуры. Должны ли русские их ценить и восхвалять или порицать за денационализацию и приспособленчество? Есть на эту тему и стихотворение, написанное Перелешиним. Он пишет о своих белорусских предках Салатко-Петрище, служивших „польской короне“. Стихотворение называется „Стыд“. Сейчас я его принесу.

Поляки гордые – и в рабстве не рабы,
И каждый в гоноре по-пястовски неистов.
Хотя противиться жестокости судьбы
Не смел ни Радзивил, ни писарь или пристав.

Всеядность русская – гробница польских слав:
В ней располячены Пржевальский и Малевич,
И Врубель сумрачный, и едкий Владислав
Фелицианович – москвич, но Ходасевич.

А мой шляхетский род? Стоят в одном ряду
Пажи и ротмистры, врачи и камергеры:
В их списках послужных измену я найду.
И обруселости нелестные примеры.

Да и я сам, увы, от Польши вдалеке,
Ей в нежности клянусь – на русском языке!

— Ну, а это как вам нравится?

— Остроумно, но не похвально.

— Зато – реально!

— Другие страны – России не чета. В ней была особая притягательная сила. Оптинский старец отец Климент Зедергольм, сын протестантского пастора, в свое время

так крепко полюбил Россию, что просил своих русских друзей: „помогите мне сделаться русским“. Он принял православие и вошел в сонм русских праведников и подвижников...

— Но если его поступок достоин одобрения, то зачем порицать тех, для кого притягательная сила США тоже представляет собой реальность, определяющую его жизненную целенаправленность. Я определил бы мое отношение к обсуждаемой проблеме следующим образом: слава верным сынам России и хвала тем русским американцам, которые вносят свой положительный вклад в жизнь принявшей их страны. Я избрал второй путь, путь лояльного гражданина США и не вижу в этом ничего плохого. И этому буду учить моих детей, если обзаведусь семьей. А если у кого из них заговорят в будущем „русские гены“, то он волен поступать как захочет.

— Это рассуждения стопроцентного приспособленца, — воскликнул рассерженный прадед и удалился в свою комнату.

Вышел из своей комнаты его сын, слышавший разговор между прадедом и правнуком, и попросил:

— Папа, выйди на несколько минут, я прочту вам обоим несколько выдержек из интересной статьи Назарова, напечатанной в парижской газете «Русская мысль».

Старик вышел, сел в кресло и началось чтение.

„...Конечно, очень важно, каков сам человек. Но, думается, и хорошему человеку ходить без платья тем более не следует. В иерархии духовных ценностей человека национальное самосознание занимает хоть и не главенствующее место („народ – не Бог, и возносить его на уровень Бога грешно“. – И. А. Ильин, «Путь духовного обновления»), но все же, с точки зрения многих мыслителей, место важное и необходимое. Это только перед Богом 'нет ни эллина, ни иудея'. Друг перед другом, в ходе исторического процесса, мы выступаем как представители того или иного народа, и, по мнению Ильина, 'все гениальное родится именно в лоне национального опыта',

в котором 'живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли... Национальная культура есть как бы гимн, всенародно пропетый Богу в истории', и каждый народ создает свой собственный гимн. По определению Достоевского, нация выступает в истории как соборная личность. Без этого многообразия наций-личностей мир был бы беднее, он был бы лишен жизненных сил, возникающих, как магнитное поле, между разными полюсами притяжения. Утеря хотя бы одного из этих полюсов – обеднение всего мира.

Но, думается, и утеря человеком своей национальности – обеднение его как личности. Обретение национального самосознания – творческий акт духовного самоопределения в окружающем нас мире. Это одна из естественных ступеней духовного роста человека, углубления его самосознания из сферы только личного „я“ в область духовного единения с другими людьми и прежде всего со своими предками, связь с которыми ощущается уже не только как причинно-физическая (мое бытие – следствие их бытия), но и как духовная, вневременная. Эта связь придает единый смысл и их тогдашней жизни, и моей сегодняшней, и моей будущей в сознании моих потомков. Она объединяет нас соучастием в едином историческом процессе, имеющем какую-то единую цель. Только в этом единении мы приобретаем онтологическую полноту личности. Эта связь лежит в основе национального самосознания. Утеревший же его теряет собственное прошлое, сокращает свои духовные размеры до рамок сегодняшнего дня, из которого трудно разглядеть целостный смысл нашей жизни.

Может быть, кто-то не согласится с приведенными выше доводами, кто-то найдет более убедительные. Заниматься доказательствами ценности национального самосознания не входит в задачу этой статьи. Тем более, что это глубоко личное дело каждого человека, вопрос его духовного самоопределения, и стопроцентных доказательств в таких случаях не бывает...

...Русская эмиграция в Америке, насчитывающая неско-

лько миллионов человек, дает нам пищу для размышлений на эту тему, проявляя в более яркой форме те же основные тенденции, которые свойственны и для других стран русского рассеяния.

Первая из этих тенденций – идея сохранения и развития зарубежной России как самостоятельного национально-культурного организма. Долгие десятилетия эта тенденция была вообще основополагающей для культурной активности эмиграции: сохранить на чужбине и передать детям национально-духовные ценности, для которых, как казалось, не осталось больше места в самой России, „заросшей чертополохом“. В США логическим (и, к сожалению, запоздавшим) плодом такого понимания эмиграции стало создание в 1972 г. Конгресса русских американцев, заботящегося о правах и интересах русской этнической общины, по примеру других этнических групп. Совсем недавно из США можно было даже услышать призыв бороться за создание независимого русского территориального образования вне России.

Воспитание эмигрантской молодежи большей частью шло в русле этой тенденции: считалось необходимым и достаточным личное духовное совершенствование и приобщение к достижениям русской культуры (с уклоном в прошлое)...

...Ассимилирующему влиянию окружающей жизни можно успешно противопоставить не музей, а тоже жизнь – которая идет в России и в которой можно сегодня участвовать, даже находясь в эмиграции.

Такое стремление к участию в жизни своего народа – вторая из отмечаемых нами тенденций, которая тоже всегда присутствовала в определенных, чаще всего политических, кругах русской эмиграции: чувствовать себя пусть малой, но неотрывной частью России, волею судеб проросшей, как ветвь дерева, через ограду на чужую территорию, но питающейся от того же ствола. Такое ощущение предполагает веру, что советский режим не вечен и что эмиграция – вынужденное временное состояние. И оно связано с необходимостью оправдать в глазах

несвободных соотечественников свое пребывание в условиях свободы и материального благополучия. Это чувство долга перед Россией может выражаться по-разному: от ежегодного посещения собраний в День непримиримости – до участия в организации, ставящей себе целью изменение строя в стране. Но между этими двумя крайними примерами лежит целый спектр возможных других...

...Эмиграцию можно рассматривать и как генератор тех, пусть небольших, струек свободы, которые постоянно проникают из-за кордона в больной организм страны и которые могут быть катализатором для расширения сферы свободы теми силами, которые зреют в стране и которые только и могут – изнутри, а не извне – прорости и раскрошить собою бетон тоталитарной системы....

...Обе части России нужны друг другу. Может, в этом вообще уникальность происшедшего с нашей страной: зарубежная часть России имеет опыт свободы, внутри страны пережит опыт несвободы (пожалуй, нет другого народа в мире, который бы в таких масштабах познал это состояние). И тот, и другой опыт не столь однозначны, как кому-то может показаться. И в том, и в другом состоянии по-своему раскрываются и лучшие, и худшие стороны человеческой природы. И как бы ни были различны обе части России по своим размерам – дело не в количестве участников эксперимента, а в качестве собранных результатов. Если обеим частям России удастся взаимно питать друг друга своим опытом – мы лучше поймем, на что способен человек в той или иной общественной системе, и на основании этого более полного знания о человеке сможем сделать новый шаг в направлении совершенствования человеческого общества.

Без связи с Россией и питания ее опытом – если бы даже русским удалось (как евреям в двухтысячелетнем рассеянии) сохранить в эмиграции свое национальное лицо – российской эмиграции нечего было бы сказать новым народам, принявшим ее. То новое и важное для самосохранения этих народов, что мы способны сказать, –

это опыт России XX века. Без связи с Россией эмиграция уподобилась бы просто переселенцам, потеряла бы смысл существования. И Россия без эмиграции оказалась бы сегодня в гораздо большем национально-культурном беспомоществе. И если в июне 1986 г. на съезде советских писателей впервые официально прозвучали доселе запретные имена Гумилева и Ходасевича, поставлен вопрос о более полных публикациях Пастернака, то это произошло не в последнюю очередь потому, что об этих именах не давала забыть эмиграция.

В результате следования первой тенденции эмиграция стала хранилищем тех духовных ценностей, которые оказались несовместимы с коммунистическим строем. Если бы эти ценности были действительно „исторически проходящими“, ненужными в современной России, – это хранилище превратилось бы в музей. Может быть, некоторым новым эмигрантам, получившим в СССР другое воспитание, это так и кажется. Но тот факт, что культурная элита сегодняшней России, даже в лице многих официальных представителей, все больше считает эти отвергнутые большевиками ценности неотъемлемой частью русской культуры и защищает их – свидетельствует о том, что существование эмиграции было необходимо стране в этот трудный разрушительный период. А в наступающее время „собирания камней“ – подключение такого „блока памяти“ стране еще более необходимо.

И для оздоровления страны, и для сохранения национального самосознания молодого поколения эмиграции сегодня необходимо переключение скорости с первой на вторую в указанных тенденциях. Это можно представить себе как стремление к созданию системы сообщающихся сосудов с неподконтрольными власти каналами. Думается, что у эмиграции для этого гораздо больше возможностей, чем она полагает.

Россия уже давно не „за чертополохом“. Многие эмигранты, имеющие иностранное подданство, могут туда ездить, устанавливать и поддерживать научные и профессиональные связи с коллегами. Особенно полезны такие

поездки для молодежи, никогда не видевшей России. Уже впечатление от одной улицы, заполненной говорящими по-русски людьми, бывает поразительным: оказывается, вот она, действительно существует страна, от названия которой происходит название моей национальности. Конечно, молодые люди должны быть для такой поездки достаточно подготовлены, чтобы уметь отличить правду от пропагандной лжи, друга от „рубахи-парня“-кагебешника, и чтобы вообще в этом океане вынужденного двоемыслия держать себя свободным русским человеком...”

— Ну, что вы скажете на такую постановку вопроса? — спросил он, окинув взглядом своего отца и внука.

— Возражений нет, — сказал старик.

— И я с этим согласен, — воскликнул молодой человек.

— Слава те, Господи! В кои-то веки согласились...

Исправления

В «Вече» № 21 в статье Ю. Вахтеля „О первых христианах на территории России“, на стр. 208 в 9-й строке снизу, после слов „кончину Апостол“ следует читать: „от 70-ти, Климент Римский“ и дальше как в тексте.

В «Вече» № 23 в статье Н. Нефедова „Граф Николай Муравьев-Амурский“ ошибочно написана фамилия Невельский вместо Невельской. Повсюду читать – **Невельской**.

В. В.

О русскости

„Только тот день рассветает для нас,
для которого мы не спим.“

Д. Торо

Дискуссия, завязавшаяся на страницах альманаха «Вече», о „праве называться русским“, или, как редакция ее лучше назвала, „О русскости“, находится сегодня в особой связи со временем. Сегодня наше время преподносит нам это, как на острии иголки, – отчетливо, превыше всего важное. Это необходимость быть носителем основополагающей русской национальной идеи. Сегодня – это как входной билет в будущее. Это крылья, чтобы смочь подняться.

Не только „решения“, но и сами споры, очень часто до удивительности „спорны“, в том смысле, что являются искусственными.

Шумно спорят люди, по существу утверждающие одно и то же, только „с разных сторон“, или под разными углами зрения. И люди, которым спорить не следовало бы. Потому что это люди одного лагеря и одних убеждений. А мотивы и содержание спора – искусственно созданы. Вместо того, чтобы объединиться, мы сами сеем и раздуваем рознь. И чем она пустее и неважней, тем больше наша вина.

Неприятно поражает сама ложность плана, в котором ведется в данном случае спор: **“о праве называться рус-**

ским“. Рассуждая так, мы переводим всю проблему из области этической в область узко-прагматическую. Вопрос заключается в том, что делается трещина в самом принципе: или мы любим, или мы не любим Россию, как страну и народ. Не только в праздничном сарафане, но и в сермяге и в беде.

Как же так: вот, предположительно, в России – изменится. И тогда – автоматически нажметесь какая-то кнопка в душе, и мы Россию внезапно полюбим? Но если мы перестанем сейчас любить родину, то автоматически перестанем любить и ее народ. Ведь страна – это не березки, но ее народ. Живой народ.

Безусловно, никакой „Конгресс Русских Американцев“ формул, определяющих русскость, устанавливать не может. В этом он абсолютно некомпетентен, да и неправомочен. Он может только определять свой устав – кого он хочет принимать, и кого нет. Но оставим КРА самому вести свою бухгалтерию. Нас она не касается никак. И дело не в Конгрессе. А – в людях.

Право **называться**... Но главное ведь не в том, чтобы **называться**. А чтобы **быть**! О том и вся речь.

Что же касается **права**, то подобное выглядит скорее формальным обоснованием отмежевания. Самое грустное при этом, что перестать быть русским – за очень малыми исключениями – нельзя; но можно **забыть** об этой своей принадлежности.

Что же касается непримиримости, то, вероятно, бесспорно, что все мы по отношению к коммунизму непримиримы! Только, зачем эта непримиримость названа **гордой**? А еще непонятней, почему и зачем – „**молчаливой**“? Оттого кажется, что мы не в мире чувств, но – слов. Вообще представляется так, что дискуссия эта, как и все подобные, ее мультиплицирующие, ведется в разных тональностях, или на разных языках, но без переводов. И оттого впечатление и результат – как от стихотворения:

Глухой глухого звал к суду судьи глухого.

Глухой кричал: „Моя им сведена корова!“

„Помилуй, – возопил глухой тому в ответ: –

Сей пустошью владел еще покойный дед.“
Судья решил: „Чтоб не было разврата.
Жените молодца, хоть девка виновата.“

*

Спор рождает истину... Первая истина этого спора – его важность. И потребность. С этим „правом называться русским“ непосредственно связан целый ряд проблем эмиграции, болезненных и нерешенных. Но в высшей степени насущных. В числе людей, которые выразили их с большой верностью, силой и чистотой голоса, был Н. Краснов. В своей книге „Незабываемое“, которую он написал после десяти лет советских лагерей, он пишет и о русскости, и о современной России, и отношении к ней.

„Оставив границы СССР, я увез в сердце громадную, неизмеримую любовь к России, к ее народу, терзающую тревогу за ее будущее. /.../ Тень, отбрасываемая Кремлем, не может в моей душе затмить блеск ума русского человека, сияние его души и доброту его сердца.“ „Какими ничтожными, маленькими, как песчинки в море, показались мне там, и кажутся здесь наши партийные подразделения, группировки, междоусобная непримиримость и личные интересы. Какой жалкой кажется вся напыщенность лозунгов без идеалов, идеалов без почвы, политических программ без платформы. /.../ Надо стать непреклонным антикоммунистом, забыв партии и разделения.“ „Партийные подразделения эмиграции /.../ вызывают сначала недоумение, затем ожесточенное негодование. Счастливые братья, избежавшие судьбы всего народа, вместо помощи оказывают медвежью услугу, стараются убедить свободный мир в своих утопических и ни на чем не основанных идеях...“ (Сегодня это актуально как никогда!).

„Все разделения русской эмиграции на крайне, средние и просто правых, на „левеющих“ и левых, на „сепаратистов“, „свободных украинцев“, „казакийцев“ или „вольных сибирцев“ вызывают „там“ ожесточенное негодование.“ „Россия, закрепощенная в проволоках СССР, осталась

Россией, и никто там разрываться на части, дробиться и делиться не собирается.“

А вот, из разговора Н. Краснова с заключенным русским ученым: „Когда мы узнали, чем занималась 30 с лишком лет эмиграция, чем она занимается теперь, – нам стало больно и обидно. Ведь мы в вас верили,.. в вашу жертвенность и в то, что вы в хорошем смысле эволюционируете, идете в ногу со временем, и любите Россию для России, а не для себя.“

*

Очень часто в жизни надо вспоминать: **кто мы, что мы?** Плыдем мы **в с е** на „Летучем Голландце“... Плавание трагическое от судьбы; и от грехов, наверно. Но где-то записано Избавление. Когда-то. Может быть, не при нас уже. Но думать о нем надо. И повторять надо: „Рассветает для нас только тот день, **для которого мы не спим...**“

*

Отталкивание от Советской России... Да, там много ужасного. Но, несмотря на все, именно эта страна и наша духовная родина, там сформировалась душа. Мы ушли нищими оттуда, и бродить по свету пришлось немало. Но все, что в нас есть, определяющего нас, как людей, – оттуда. Ведь мы дети этой горькой земли. Именно этой, никакой другой.

Да, есть многое, чему нам у людей Запада можно было бы поучиться: деловитости, практичности, целеустремленности и т. д. Но не ценой приобщения к мелкому эгоизму, духовной слепоте и самоуверенности. Но, к сожалению, русские на Западе стараются подражать его людям часто в самом плохом. Это не секрет. Многие живут как в маскараде. Ища и выглядеть, и поступать как „западные“. И как жалок по сути этот любительский спектакль, и этот „идеал“...

Вспоминаются многие грустные и анекдотические примеры тому. Один, очень недавний, „советский“, с удовлетворением констатировал: „Только рук еще дамам не целую, а то – все в порядке!“ А вот, типичная „успешно-эмигрантская“ картинка: комфортабельный дом, плоды цели и усилий жизни, с большими стараниями, чтобы все было „по-европейски“: „У нас подается только настоящий виски!“ Гости разделяются по сортам, на „бедных родственников“ (по большей части свои, русские) и на преуспевающих (для кого – и виски...). Для последних зажигается и приветливый огонь в камине; в обычное же время, когда в дом (напоминающий крепость) забегает „свой брат, русский“, в камине только аккуратно уложенные кокетливой пирамидкой дрова, в ожидании „случая“. А до тех пор – с них стирается пыль... Как и с томов полного Ключевского, как взвод на параде, импозантно и репрезентативно уставленных на полке, на самом видном месте. Досада же и скука от посещений своих, менее удачливых соплеменников, даже и не скрываются. И какой сытой устоявшейся пустотой веет от всего этого!

Мы вменяем себе в **заслугу(!)**, что нам удалось очутиться на Западе. Но ведь во многом – это был лотерейный билет! И вот, после сытного обеда, мы клеймим все советское... Не только тупоумие идеологии, но и жизнь на полуживотном уровне, и „некультурность“ мирящихся с нею рабов... Но ведь, **эти самые люди** стоят обособленно, высоко, как жертвы на кресте, высоко, вопреки всему. Можно ли об этом забывать? Мы **все**, мы **все отсюда**, и мы считаем наши добродетели... Но – откуда они? Значит, **не все** было только черно, если создало нас, столь удачных представителей породы человеческой! Какие мы принципиальные, умные, все понимающие, и так удачно **сами выбрали себе свободу и образ жизни...** Они же, **там**, – нечто совсем иное, совсем не такое хорошее, как мы...

И это вместо того, чтобы мыслить: они там, такие же, как мы. **Волею случая**, мы здесь, но только волею случая, а то была бы у нас их судьба. Ведь мы братья, **дети одной**

судьбы, по рождению и по принадлежности всем событиям нашего трагического века.

*

Чем, как можно представлять себе родину, как не людьми, с их особым духовным устройством и характером? Мир духовной укорененности нашего народа сегодня в катакомбах; но он жив. „Каин, где твой брат, Авель?“ – такой вопрос надо было бы задавать себе всем, производящим операцию духовного отмежевания и почиющим на элогиях себе, и лаврах.

Мы живем в **истории**, и **только** в ней, если даже это и не приводит нас в восторг, и мы стараемся об этом забывать, близоруко ограничивая свое бытие местом обитания.

Есть у нас – временное, и вечное: временное – уютные дома и членские книжки политических клубов. Вечное – наша душа.

Можно, вполне можно понять, что **нельзя стремиться** в Советский Союз! Это для человека естественно. Там – рабство и произвол. Здесь – свобода. Но, со всем этим, для русского народа – небо не над головой, а над душой. **Было – и осталось.**

Здесь же, небо постепенно исчезает. Во всяком случае – для человеческих душ.

О. Поляков прекрасно нашел слова: „пыльный придорожный куст...“ Лучше – не сказать! А „высокие“ слова, как „присяги“, „чистота риз“, „обеты“, „гордое стояние“ и т. д. – как часто на деле оказываются просто шелухой! Вспомним великого сердцеведа Шекспира: какими высокими словами декларировали отцу любовь Гонерилья и Регана...

*

А теперь, непосредственно **о березках**. „Для меня произрастающая где-нибудь в Калуге березка, дерево не

русское, а советское“, – говорит оппонент О. Полякова. Но чем виноваты бедные березки? Тем, что они помогали нам жить?

Моя мысль: наша природа помогала нам жить. И оставаться людьми.

Многие писали о родине. О ее трудно определяемой, и часто незаметной, красоте. Прекрасно об этом у о. Сергия Булгакова. Для разных людей она разная. Для одних это длинно растянувшаяся казачья станица, крутой спуск к Дону, живущая своей неспешной жизнью, пароходная пристань, даже и с ее единственными в своем роде комами-вампирами. Дон, с каяком-душегубкой, ленивым плеском рыбы и голосами диких уток в камышах. Светлые, кристальные „кринички“ у обрывистого берега. Какая вкусная в них вода! Нигде больше нет такой!

Для **меня** это – унылые, бескрайние Сальские степи. Унылые? Так нет же! Степь не пустая, но живая, стелющаяся ковылем под ногами, широтой горизонта говорящая душе о широте мира и жизни. Маленький, назаметный Маныч. Громадное, таинственное озеро Гудило. Все это неповторимое и единственное, где-то „записанное“ в нас. И уж никогда не придет в голову – это ругать, ругать природу нашу.

Большой южный город, где прожила всю сознательную жизнь. Ранне-осенние ночи, благодатное тепло, которым дышал воздух, сама земля: будто отдавая излишки зноя, впитанного за лето. Были ли березки? Не знаю, было много разных деревьев. И луна была особенная: близкая, большая, добрая, понимающая, слушающая биение наших сердец и наши нескончаемые разговоры. С тех пор я такой луны не видела. Здесь она не такая: и куда как меньше, и холодней. Не говорю уж – о Черном море! Там, когда луна всходила, шла от нее такая широкая золотая дорога, что хоть шестернею поезжай!

Провинциальный город засыпал рано. Мы же бродили, по бедным, обшарпанным улицам, – как лунатики, без цели. Иногда по десятку раз „провожая“ друг друга до дому... И бесконечные наши разговоры...

В такие волшебные ночи, мы, на короткое время, словно „превращались в самих себя“, как в сказках существа, заколдованные злыми силами.

Я сейчас думаю вполне всерьез: это не преувеличение, сказать, что наша природа **помогала** нам в горькой нашей заколдованности. Она участвовала в нашей жизни. Нам помогала спокойная, мудрая река, помогали деревья – шеренги их, тайных друзей, тянулись вдоль всех улиц (не догадались тюремщики вырубить), помогали заросли сирени или черемухи; помогали летние ливни, бегущие потом так свободно, так весело, ручьями по улицам; помогали даже сосульки и фантастические узоры льда на окнах. Все это помогало душе: не умереть в заточении, помнить тайное слово, знать: жизнь продолжается. Несмотря ни на что. Зачем же швырять камнями в бедные, добрые неповинные березки?..

„Мы носим светлый образ свободной России в нашем сердце...“ Но верно ли – об этом – **так**? Кто же может не любить „светлой свободной России“? Разве что ее исконные ненавистники.

А русская пословица народная говорит: „Полюбите нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит!“ Эта **г л у б о к а я** мысль проходит четко через русскую литературу, от народных сказок и до вершин национального творчества. Мысль эта – об очищении, преображении, освобождении от злого наития, и, в апогее – о духовном катарсисе. Это вплетено и в **саму психологию русского народа**. Вспомнить, изумительную, по духовной красоте, народную сказку „Аленький цветочек“, рассказанную крестьянкой-няней в „Детстве Багрова внука“, Аксаква.

*

Что касается **советского патриотизма**... Такого в природе нет. Если он „советский“, – то он не патриотизм! А если патриотизм – то не советский! Этой простой истины не хотят усвоить! И сколько от этого непониманий, – даже непониманий и самих себя.

*

Много **тяжелых** воспоминаний о России. Но много и **светлых**. Даже из последних „встреч“ с нею, в годы войны.

1943 год, город Николаев. Функционирует вновь открытая и поддерживаемая заботливыми руками церковь. Никогда не провела я столько часов в церкви, как там. Откуда все и взялось! – и прекрасный хор, и редкостный, талантливый регент. Там я услышала церковное пение необычное, по музыке, какой я никогда не слыхала. Особенно хороша была служба пасхальная. Солистка, прекрасный, очень высокий, чистый, молодой голос, взмывающий под самые своды, звучащий в какой-то поистине неземной красоте:

„Слава

Страстей Твоих долготерпению...“

Мелодия, никогда не слышанная, осталась со мною на всю жизнь.

Осень в Одессе. Долгая, теплая, мягкая. Приморский бульвар, герцог Ришелье, со свитком в руке. Опера... Прекрасные, талантливые декорации, хорошие голоса. Эрзац нормальной жизни ошеломлял, после долгой неприкаянности скитаний. Но быстро и кончился: эвакуация города, и – дальний путь... Перед отъездом, в соборе служба, душераздирающие сцены. В плаче, бьется на плитах пола, молодая женщина. Кто-то, рядом, сказал: „Она уезжает... А семья остается.“ Много ли нужно слов, для пересказа трагедии? Нет, не легко, и не радостно – было уезжать...

*

Я живу в Бухаресте, Россия потонула в дали. Русских я не встречаю. Кроме как эпизодично, случайно, и с опаской: кто? Чем дышит? Говорить – как можно меньше... Но, вот, запомнилась мимолетная встреча, в префектуре полиции, где нас мучили обязательными явками и т. п. Девушка, скромно одетая, русая, незаметная. Стоя возле меня у окошечка с „цербером“, услышала, что русская я. И

подошла, как-то потянулась ко мне, всем существом. На меня смотрели такие чистые глаза, что я отбросила обычную осторожность. Мы вышли вместе, и она все время говорила-рассказывала о себе. В полиции она потому, что приехала в гости к тетке. Это совершенно сказочное событие стало возможным, потому что **премировали** ее разрешением поехать на месяц к родственнице в Румынию, в награду за то, что „три раза ездила она по комсомольской путевке, на освоение целинных земель, по доброй воле, не отбиваясь, как все“. Она сказала: „А дома у меня было и еще хуже...“ Рассказывала о целинных землях: „Зимой холод страшный, а мы спали в палатках и бараках. Было там как на дворе холодно. Мы отапливали – печек не было! – бензином в консервных банках... И такие усталые были, что засыпали, и часто горели. Один парень так обгорел, что умер, там его и закопали...“

Девушка с трудом рассталась со мною, когда я попрощавшись ушла. Стояла, и смотрела мне вслед. И такое хорошее у нее было лицо, словно светилося. А у меня остался камень на душе, оттого, что не сделала ей ничего хорошего, в ответ на ее душевность. Как неотданный долг. Но ее простой, и такой жуткий, рассказ, остался в памяти. Как и ее кротость.

Как бесконечно несчастен народ наш. Помоги, Боже, об этом **всегда помнить**.

*

Рвать с собственной душой – самый страшный путь.

Здесь важно, что суть наша, выражающаяся в специфических качествах, передается эредитарно, независимо от нас, и определяет наше место в мире. Мы живем в **истории**, где мы – часть нашего прошлого, и нашего будущего. Они – слиты.

„Хорошо в гостях, а дома лучше!“ И кажется, в иную лунную ночь, когда все спит, – выбежать бы из „цивилизованной“ квартиры, побежать за окраину, потом по дороге, подальше от жилья. Сесть на пустом месте, где

дуют ветры свободней, и где луна ярче светит. И – завывать, как волку. В тоске по тому, что ведомо только душе.

Проходим мы в жизни через много „дверей“. Но какая-то – последняя. Перед ней должно „светлеть“, ясниться. Готовиться, отчитываться. Просить – или в голос кричать. Но одно: словами, а не канонами-штампами, которые мы высокомерно представляем себе собственной мудростью. Таковой нет, нет ни у кого.

Есть только **малость** и **милость**.

Скоро вот и умирать пора придет. Куда же устремится душа? Которую волокли всю жизнь за собой, как пленницу? Сколько бы ни восхищались мы, при жизни, чужими краями, ведь не отправится она гулять по Cote d’Azur или на Анакапри, во Флориду, или по Алпиевой дороге! Ничего она там не потеряла, нечего ей там искать. А пойдет она по **Дороге**, начатой многие века назад. По той земле, где ее корни. И где смысл самого ее существования. И может быть, повстречаются, на **этой** дороге, даже и „пыльные придорожные кусты“... И для души они будут – райскими кущами...

*

В № 21 альманаха «Вече» было помещено прекрасное стихотворение П. П...на „Родник“. Тема его – Человек ищет целительный родник обновления. Вот, отрывок:

„Мне так хотелось повернуть назад,

Что кровь

От этого мученья стыла;

Я шел к тебе сквозь немоту небес...

И вот удар невыносимой боли –

Родник исчез!

Родник исчез...

Вокруг бесплодное и выжженное поле.

Как тайна смерти прост

Вдали ослабший отголосок плача,

А был с зачатья звезд

Мой путь к тебе намечен и означен...
...Как тяжек груз надежды и сомненья!
Опять бреду среди выжженных полей
Искать родник добра и обновленья.“

Кто из нас настолько самоуверен, чтобы не видеть и для себя самого необходимости прильнуть к такому Роднику?

И представимо ли, чтобы такой Родник можно было искать где-то вне России?

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

**Независимый русский православный
национальный журнал**

Подписка на журнал в США и Канаде на 1 год:

1. С пересылкой простой почтой — 24 ам. долл.
2. С пересылкой воздушной почтой — 39 ам. долл.

Цена отдельного номера в розничной продаже — 7 ам. долл.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличить подписную плату насколько кто может.

Просьба чеки выписывать на: "1000 Anniversary Committee"

Подписную плату следует посылать:

"1000 Anniversary Committee"

322 West 108 St.
New York, N.Y. 10025

Л. Р у б а н о в

Клуб „Медный Всадник“

Живу я на белом свете уже 96-й год. Живу сейчас воспоминаниями... „Есть что вспомнить в зимний вечер, когда мало жить осталось – все, чем в жизни этой брэнной, сердце жадно надышалось...“

Прошло более семидесяти лет со времени основания в С.-Петербурге клуба деятелей искусств „Медный Всадник“, который начал свое существование осенью 1914 года. Он должен был бы оставить по себе какой-то след, а между тем, нигде в мемуарной литературе не приходилось встречать упоминаний о нем. Революция стерла из памяти людей многое и более важное, чем клуб „Медный Всадник“...

Мне пришлось быть секретарем этого клуба, со дня его основания, – и до моего ухода на фронт после окончания университета, в июне 1916 года, – и почитаю себя обязанным, рассказать о клубе то, что осталось в памяти.

В студенческие годы, в Петербурге, попал я в качестве представителя своего землячества, в комиссию по устройству благотворительного спектакля, который ставили петербургские писатели в пользу студентов. Это было в 1914 году, в первые месяцы войны, когда немецким наступлением были отрезаны западные губернии Царства

Польского и многие студенты из этих губерний потеряли связь с родными и лишены были материальной помощи из дома.

Ставили пьесу Горького – „На дне“, в театре, незадолго перед тем арендованном Лидией Борисовной Яворской, по мужу, княгиней Барятинской. Она только-что приехала из Англии, где имела шумный успех. Театр этот, на Офицерской 29, назывался у петербуржцев, театром Комиссаржевской, – в недавнее еще время в нем играла Вера Федоровна Комиссаржевская.

Кроме группы писателей, в постановке спектакля, горячее участие принимала сама Л. Б. Яворская и администратор ее театра, Любомиров-Слотвинский.

Выполнение мелких поручений, связанных со спектаклем, – оповещение по телефону о репетициях, переговоры с портными и костюмерами и т. д. – было возложено на представителей землячества, что дало мне возможность близко познакомиться со многими, из живших в то время в Петербурге, писателями, как и с самой Яворской и мистером Кэнтэбом, который приехал вместе с ней из Англии и всегда сопровождал ее в театр. В спектакле, кроме Яворской, игравшей Настю, принимали участие: Юрий Львович Слезкин, взявший себе роль Алеши – „ахового парня“, Борис Александрович Лазаревский, в роли барона, Казимир Станиславович Баранцевич, игравший слесаря Клеща, Дмитрий Митрофанович Цензор, Анатолий Павлович Каменский, жена И. Н. Потапенко, Наталия Грушко, жена Чирикова – Иолшина, Адам Бельский, – (псевдоним Пенькевича), Михаил Долинов, Борис Садовской, Александр Рославлев, Леонид Добронравов, П. П. Потемкин и другие, фамилии которых забылись. Назывался спектакль – „Писатели – студентам“. Успех спектакля был обеспечен известными именами участников.

После спектакля, Яворская, пополнявшая труппу, предложила мне поступить в ее театр, на что я, разумеется, охотно согласился. Начав с выходов, к концу сезона я уже был на вторых ролях, иногда довольно ответственных.

В первый сезон после приезда Яворской из Англии, в труппе у нее выступали на первых ролях: Рафаил Адельгейм, дублер его – Рамазанов, брат Мамонта Дальского, красавец Арановский, Константинов, Ангаров, Ламдян, Соболевский, Вольский, Барабанов и другие.

В ущерб лекциям, я не пропускал ни одной репетиции, и с каждой новой пьесой, мои роли становились интереснее. В пьесе „Мадумуазель Фифи“ я играл молодого немецкого лейтенанта, в пьесе Анатолия Каменского „Завтра“, переименованной потом по требованию цензуры, в „Может быть завтра“, у меня была роль профессора Лерха, в комической пьесе „Заза“, мне была поручена роль журналиста Лекамя, а в „Мадам Санжен“, которая шла много раз без перерыва, Яворская поручила мне сразу три роли: в первом акте я играл гвардейца Варбутрена, во втором – сапожника Коппа, примеряющего ботинки, уже вошедшей в силу, мадам Санжен, а для третьего и четвертого акта мне вновь приходилось перегримировываться, для роли телохранителя Наполеона, мамелюка Рустана. Роль Наполеона играл, разумеется, Рафаил Адельгейм, иногда его дублировал Рамазанов.

После спектакля „Писатели – студентам“, Юрий Львович Слезкин пригласил меня однажды на собрание писателей и артистов, вести запись высказываемых мнений. Собрание было посвящено вопросу необходимости создания в Петербурге литературно-художественного объединения, в которое вошли бы писатели-прозаики и поэты, крупные артисты, музыканты, композиторы. Обсуждались вопросы, как назвать такое объединение, следует ли ему быть открытым для всех желающих или надо строго ограничить круг участников и т. д.

В результате нескольких совещаний, решено было создать „закрытый клуб деятелей искусств“ и назвать его – „Медный Всадник“. Председателем был выбран профессор К. Арабажин, а вице-председателем – Юрий Львович Слезкин. Впрочем, впоследствии оказалось, что действительным председателем был Слезкин, а профессор Арабажин на вечера клуба почти не являлся. Секретарские

обязанности в клубе так и остались за мной.

Эмблемой клуба было взято изображение памятника Петру I работы Фальконета и эмблема эта, по эскизу художника Мозалевского, окруженная витой надписью с названием клуба, изображена была на бланках клуба. Экземпляр такого бланка случайно уцелел у меня и по сей день.

В обязанности секретаря входила рассылка повесток о времени и месте очередного „закрытого вечера“ клуба, как его членам, так и приглашаемым иногда гостям, а также прием повесток у лиц, приходивших на „закрытые вечера“. Без предъявления таких повесток, никто на вечера не допускался.

Юрий Львович Слезкин, был тогда в Петербурге одним из популярнейших молодых писателей и его произведения – „Ольга Орг“, „Помещик Галдин“ и другие, пользовались широкой известностью и успехом. Он, обычно заблаговременно, запиской или же по телефону, сообщал мне о дне и месте следующего „закрытого вечера“, давал программу и список приглашенных гостей, помимо постоянных членов.

„Закрытые вечера“ эти происходили раз или два в месяц на частных квартирах – то у профессора Святловского, то у профессора Степанова на Большой Пушкинской на Петербургской Стороне, то в квартире профессора Рейснера на Первой Линии Васильевского Острова, то в квартире самого Слезкина на Почтамтской, и изредка в ресторане „Вена“.

Мне было двадцать с небольшим лет. Приехал я в Петербург из провинциального губернского города, и работе в театре и, особенно, в клубе, отдавался с большим увлечением. Постепенно познакомился с большинством постоянных членов клуба, – все они, по тому времени, были широко известны. И мне пришла мысль собирать автографы.

Активные члены клуба, с которыми мне часто приходилось непосредственно сталкиваться, порой бывать по делам клуба у них на дому, запомнились мне хорошо. Но

были и такие, которых я не помню, хотя фамилии их, часто упоминались на собраниях клуба: Галати, Ахматова, Гумилев, Адаева, Юнгер и другие. Пожалуй, Гумилев был уже на военной службе, а остальные, видимо, не были частыми гостями в клубе. Совершенно не помню Потапенко, хотя хорошо помню его жену, Наталию Грушко. Пришлось как-то посетить по делам клуба на его квартире, насколько помню, на Каменноостровском проспекте, Осипа Мандельштама. Однажды поручили мне „проводить домой“ в таксомоторе (так тогда называли такси) одну из сестер Лохвицких, кажется Тэффи, которая в ту пору ничем не привлекла моего внимания. Случалось мне не раз бывать на Пушкинской, у Бориса Александровича Лазаревского. Подаренные им книги с авторскими надписями, – „Три тополя“, „Белые вагоны“, – к сожалению, бесследно исчезли в перипетиях эмигрантских метаний. Приходилось, разумеется, и не раз, бывать у Юрия Львовича Слезкина, в кабинете которого висел портрет его отца – жандармского генерала. Помню миловидную, молодую жену его, Татьяну... Пришлось быть как-то, по поручению клуба, у писателя Юрия Юрьевича Юркуна, который поразил меня, показав две этажерки, заполненные томами его произведений. Подаренных им книг, тоже не осталось, сохранился только автограф в альбоме. Приходилось часто встречаться с Дм. Цензором и его милой женой, Агнией. Почти ежедневно встречался с Л. Б. Яворской, в театре которой служил.

Помнятся и отдельные эпизоды. Однажды, – это было на квартире профессора Рейснера, – во время исполнения Сергеем Сергеевичем Прокофьевым его коротеньких и оригинальных пьес, названных им „Сарказмами“, в момент наибольшей экспрессии, под ним сломался стул и он очутился на полу... Упавшего тут же подхватили, подставили другой стул, и через минуту Прокофьев продолжал концерт, как ни в чем не бывало.

Запечатлелось в памяти чтение Рославлевым его нового стихотворения „Бык“, которого потом нигде мне не удалось найти. Стихотворение это, прочитанное им с бо-

льшой силой, было необычно своими аллитерациями и созвучиями, очень удачно передававшими мощь матерого быка, идущего к водопою.

Как-то, в программе вечера, был концерт на арфе Ксении Эрдели, которая руководила в консерватории классом арфы. Сергей Митрофанович Городецкий привел с собой на этот вечер белокурого юношу в странной курточке, без галстука, что противоречило общему тону собрания. Юноша просидел в углу весь вечер, не привлекая ничьего внимания. Теперь лишь, сопоставляя это посещение с тем фактом, что Городецкий в тот период начал „выводить в свет“ Сергея Есенина, можно предположить, что это был Есенин.

Однажды, Лариса Рейснер прочла стихотворение, – „Песнь красных кровавых шариков“, запомнившееся из-за необычной темы и оригинального содержания. Красные кровавые шарики, веселой толпой бегут по артериям, оживляя омертвевшие клетки организма и внося в них новую жизнь. В то время стихотворение это произвело на всех большое впечатление оригинальным отклонением от обычных поэтических сюжетов.

Много интересного можно было услышать на „закрытых вечерах“ клуба. И как отдаленный отзвук того времени, остались лишь автографы членов клуба на выцвевших листках старого альбома.

Начало автографам положил Анатолий Каменский, начертавший на первой странице только-что купленного альбома: „Почин дороже денег“.

Казимир Станиславович Баранцевич, во время спектакля „Писатели – студентам“, записал:

Ах, за спектакль наш трепеща,

Играл я слесаря Клеща.

Тогда же и Слезкин, от которого осталось несколько разных автографов и визитных карточек с записками, написал: „На память об Алешке, аховом парне“.

Сергей Прокофьев набросал в виде автографа несколько тактов из своего опуса № 12. Композитор Шапошников, „скрябинист“, как его называли, дал в виде авто-

графа несколько первых тактов музыки к поэме Соллогуба, „Отравленный сад“.

Вот какое четверостишие записал Сергей Митрофанович Городецкий, впоследствии советский поэт:

Какая радость жить в России,
В России чужа и в себе,
Неукротимые стихии,
Ничьей не певшие судьбе.

При этом отметил, что написано это в Благовещение. От Георгия Иванова осталось восемь строк:

Черемухи цветы в спокойный пруд летят,
Заря деревья озлащает,
Но этот розовый сияющий закат
Мне ничего не обещает.
Напрасно ворковать слетает голубок
Сюда, на тихий подоконник;
Я скоро лягу спать, и будет сон глубокий,
И утром не открою сонник...

Поэт Михаил Долинов, – сын режиссера Александринского театра, записал в альбом:

И на пути, как демон бледный,
Срывая мантию с плеча,
Прорезал воздух Всадник Медный
По рифмам Пушкина стуча.

Воспоминанием о Викторе Мозалевском, или, – как он себя любил почему-то называть, – „Модзалевском“, остались строки:

Милый, милый, мир прелестный,
Я вернусь к тебе опять,
Чтобы вновь объятьем тесным,
Милый мир, тебя обнять,
Снова нежить ветви эти,
Целовать эмаль листы
Тосковать... ах, не о лете,
А о том, что в Лете вы...

П. Романов, записал несколько слов из своей поэмы „Люцифер“:

Замолк красотою любви побежденный,
Лампады, как звезды, зажглись,
И демон мятежный с Христом пригвожденным
В одном поцелуе слились...

В трудное для меня время, в период экзаменов, когда приходилось метаться между секретарскими обязанностями в клубе, театром и аудиториями, – Татьяна Львовна Щепкина-Куперник написала такие утешительные строки:

Всегда на жизнь смотрите бодро,
Вслед за ненастьем будет вéдро!

Маститый старик, писатель Иероним Иеронимович Ясинский, писавший под псевдонимом Максим Белинский, записал мне в альбом:

Б о г в о й н ы .

Вздох его – дыханье гроба,
Дым пожаров – плащ и знамя,
Мысль – томительная злоба,
Взгляд – смертельных молний пламя.

Дмитрий Цензор дал такой автограф в альбом:

Сказать по правде, как ни ново
Играть мне роль картузника Бубнова,
Но кто осудит соль моих чудачеств,
Когда она на пользу для землячеств!

И, во время посещения меня дома, он оставил два длинных стихотворения, не изданных, как будто экспромтов. Они сохранились до сих пор.

Раз уж привожу стихотворные автографы поэтов, то уместно будет процитировать и более поздний автограф армянского поэта Оноприоса Яковлевича Анопиана, которого называли армянским Пушкиным. Писатель не был признан Советами, как несозвучный эпохе. Он записал одно из своих стихотворений, переведенное Г. Г. Папиным, по-русски:

Черными стаями в синих высотах
Тучи идут,
Чайки над водами кличут кого-то,
Кличут и ждут.

Мечется ветер со злобой безумной,
Плачет без слез,
Темные волны без умолка шумно
Бьют об утес.
Жизнь моя – море. Она негодуя
Грозно ревет
Чайкою серой над ширью парю я
В сини высот.
Брошена в волны любовь моя пленной,
Темной скалой,
Бьет ее зло разъяренная пена
Вечной тоской.

Перевод очень точно передает ритм и даже созвучия армянского текста этого стихотворения.

Ныне почти забытый исследователь петровского периода русской истории, писавший романы из жизни Петра I и царицы Софьи, Борис Александрович Садовской, вписал в альбом:

Моя эпитафия.
Под этой мраморной доской –
Лежит писатель Садовской.

По несколько теплых приветливых слов оставили В. А. Лазаревский, Н. Е. Чириков, С. А. Ауслендер, которого друзья в шутку называли – Фендрик-Ауслендрик, П. П. Потемкин, А. С. Грин, Рафаил Адельгейм, Адам Бельский (Пенькович), Аркадий Аверченко, жена Чирикова, Валентина Иолшина, детская писательница Яковлева-Карич, Юрий Юркун. Были и такие писатели, у которых я так и не удосужился взять автограф. Например, у манерного, оригинальничающего Кузмина. Некоторые оставили только свои подписи, как писательница Черевкова, Ксения Эрдели и некоторые другие.

Много автографов добавилось потом к собранным в клубе „Медный Всадник“: писателей Ренникова, Осоргина, Крымова, Вербицкой, Горького (помеченный Сорренто), Дорошевича, Наживина, С. П. Мельгунова, М. А. Алданова, Новикова-Прибоя, Шульгина, Петрова-Скитальца; художников – Сверога, баталиста Самокиша,

Пинегина, ездившего с капитаном Седовым к северному полюсу; артистов – Мозжухина, (во время немого кино его называли „королем экрана“), Липковской, Королевой, Книппер-Чеховой, Собинова, Шаляпина, Качалова, Морфесси, Долиной, Лифаря, балерин Парижской Оперы – Тумановой, Вырубовой и многих других. Но основу этому собранию положил клуб „Медный Всадник“.

Последний „закрытый вечер“ клуба, на котором я присутствовал перед отъездом на фронт, состоялся в июне 1916 года в ресторане „Вена“. Когда программа была закончена и начался ужин, поэт Михаил Долинов, бывший слегка навеселе, спел песенку, впервые тогда мною услышанную:

По улицам ходила большая крокодила...

Песню дружно хором поддерживали все присутствующие.

После этого, прощального для меня, вечера, большинства членов клуба видеть мне не пришлось. И только автографы остались воспоминанием о них.

В сентябре 1918 года, после неудавшейся попытки пробраться в Архангельск к англичанам, мне пришлось, по пути в Крым, прожить около месяца в Москве. Как-то под вечер, выйдя с Малой Дмитровки на Страстной бульвар, встретил я неожиданно под стенами монастыря, стоящих понуро, в пальто с поднятыми воротниками, Ю. Л. Слезкина и А. С. Рославлева. Мы обрадовались встрече. Но настроение у них было подавленное. После первых распросов, они полюбопытствовали:

— А куда вы теперь?

Я ответил:

— На юг.

— А мы на поклон, — сказал кто-то из них.

— К кому?

— К Луначарскому, — был ответ.

Поговорив еще минут пять, мы расстались.

Здесь, в эмиграции, пришлось мне, в последний раз вспомнить о клубе „Медный Всадник“ с Георгием Ивановым. Но и он уже покинул этот свет...

*

Материальные обстоятельства заставили меня продать мой альбом автографов, о чем сейчас сожалею, скрипачу-профессору М. Э. Гольдштейну за сто долларов... которые поддерживали меня больше года. И нет ни денег, ни автографов...

„Всеми невольно чувствуется, что нами переживаемое время – тяжелое, опасное для веры; по мнению многих, опасное и для Церкви Христовой. Никогда еще на Святой Руси зловерие и неверие не поднимали так своей головы, никогда еще враждебные суждения о вере и Церкви не произносились так открыто и с такой дерзостью. И в то же время чувствуется, что мы переживаем знаменательную в истории мира и Церкви эпоху. События первостепенной важности (политические) с необычайною быстротою идут одно за другим. Что подготавливалось веками, совершается почти мгновенно. Все дает нашему времени значение переходного времени, критического. И вот, в это-то время и поднялась у нас такая волна зломыслия, которая грозит ниспровержением веры и Церкви и всего Христианства с заменою его суеверием темного язычества и даже еще худшим – полным безбожием времен допотопных, с конечным погружением в чувственность.

И как ни яростны нападки на веру и Церковь, чувствуется, что видим и испытываем лишь начало болезней. Одному Богу ведомо, до каких размеров оно может быть простерто...”

«Церковные Ведомости» – 1903 г. № 1.

РУССКИЕ КНИГИ

на складе парижского издательства

Л Е В

01 АГНИВЦЕВ Н. – „Мои песенки“.	ам. \$ 9,00
02 Вел.Кн. АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – Книга воспоминаний.	ам. \$ 28,00
03 Преосв. АНТОНИЙ – Словарь к творениям Достоевского.	ам. \$ 14,00
04 БЛОК А. – Последние дни императорской власти.	ам. \$ 14,00
05 БУНИН Н. – Воспоминания.	ам. \$ 24,00
06 ВОЛКОНСКАЯ О. – Как тяжкий млат.	ам. \$ 17,00
07 ГОЛЛЕРБАХ Э. – Город муз,	ам. \$ 15,00
08 ГУБЕР П. – Дон-жуанский список А. С. Пушкина.	ам. \$ 25,00
09 ДЖИЛАС М. – Тито, мой друг, и мой враг.	ам. \$ 19,00
10 ДНЕВНИК ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.	ам. \$ 24,00
11 ЖИЛЬЯР П. – Тринадцать лет при русском Дворе.	ам. \$ 28,00
12 ЗАНДЕР Л. – Песнь Господня.	ам. \$ 8,00
13 ИВАНОВ Г. – Избранные стихи.	ам. \$ 16,00
14 КАРАЧЕВЦЕВ С. – Тысяча двести анекдотов.	ам. \$ 16,00
15 КОРОВИН К. – Шалапин.	ам. \$ 16,00
16 ЛЕЙКИН Н. – Где апельсины зреют.	ам. \$ 16,00
17 МЕЛЬГУНОВ С. – На путях к дворцовому перевороту.	ам. \$ 18,00
18 МИНЦЛОВ С. – За мертвыми душами.	ам. \$ 18,00
19 ПАЛЕОЛОГ М. – Роман Императора.	ам. \$ 9,00
20 ПОЛОВЦЕВ Л. – Рыцари Тернового Венца.	ам. \$ 17,00
21 РЕМИЗОВ А. – Встречи.	ам. \$ 27,00
22 ТИТОВ А. – Лето на водах.	ам. \$ 16,00
23 ТРУБЕЦКОЙ Кн. Е. – Смысл жизни.	ам. \$ 23,00
24 ЦВЕТАЕВА М. – Вечерний альбом.	ам. \$ 18,00
25 ЦВЕТАЕВА М. – Волшебный фонарь.	ам. \$ 14,00
26 ЦВЕТАЕВА М. – Психея.	ам. \$ 9,00
27 ЦВЕТАЕВА М. – Разлука.	ам. \$ 8,00
28 ЧЕРНЫЙ Саша – Детский остров.	ам. \$ 9,00
29 ЧЕРНЫЙ Саша – Румяная книжка.	ам. \$ 12,00
30 ЧЕРНЫЙ Саша – Сатиры.	ам. \$ 19,00
31 ЧЕРНЫЙ Саша – Солдатские сказки.	ам. \$ 16,00
32 ЭЙХЕНБАУМ Б. – Анна Ахматова.	ам. \$ 11,00
33 ЭФРОН А. – Страницы воспоминаний.	ам. \$ 18,00
34 Кн. Ф. ЮСУПОВ – Конец Распутина.	ам. \$ 24,00

Заказы направлять по адресу:

SCHOLOUS Vlad. Ed., LEV, 59, Avenue Victor Hugo
92100 BOULOGNE-sur-SEINE (France)

Пересылка за счет покупателя. Просим добавлять на пересылку
1,50 долл. за первый и 75 центов за каждый следующий экземпляр

Книги отправляются после получения чека

А. Карташев

**Св. Великий Князь
ВЛАДИМИР
ОТЕЦ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ***

Мы только еще начинаем пристально вглядываться в учительный образ отца нашей нации по плоти и по духу, в образ св. князя Владимира, только начинаем разгадывать и постигать его святыя заветы. Всем известные черты его жизненного подвига вырисовываются перед нами все с большей грандиозностью и значительностью. Нужно еще много изучать умом и сердцем „Великого кагана“ нашего, равноапостольного Владимира, и не в брошюры, а в томы должно вылиться это изучение. Здесь и сейчас коснемся намеком только некоторых черт его земного служения, являющихся для нас его заветами.

Завет первый – идти по пути восточного Православия, не смущаясь их подчас каменистостью и тернистостью, не слушая сирен, увлекающих в противоположную сторону.

*Печатается по тексту брошюры Владимирского Юбилейного Комитета, Париж, 1938 г.

Завет второй – не останавливаться на внешнем украшении книги евангельской золотом и драгоценными камнями, а самым делом пытаться осуществлять любовь Христову в жизни общественной и даже государственной, создать святую Русь, христианский народ, христианскую государственность.

I

Св. князь Владимир был восточный скандинав по крови и языку, но из тех родов „варяжских“, которые совершенно ославились, покорились загадочному гению славянского языка, как покорились его стихии и тюрки-болгары. В борьбе за власть он надолго убежал в Скандинавию к своим родственникам и набирал там дружины варягов, с которыми и возвращался на Русь. Здесь у него уже в Киеве годами жил его сородич Олав Тригвесон, будущий св. Олав, король и креститель Норвегии. В совместных беседах два языческих конунга переживали свой интимный религиозный кризис, и оба повели свои народы по христианскому пути, Олав по западному, Владимир по восточному. Церковь тогда была еще не расколота. Вопросы о ереси римской еще не существовало. Семья Владимира роднилась через браки со всеми западными династиями латинского обряда. Владимир принимал у себя западных миссионеров и папские посольства, как единоверцев. И тем не менее, он сознательно предпочел греческий обряд и греческую культуру.

То был период „ромеизации“ и христианизации северных „варваров“ Европы. В Европе от IV-V и до XI в., чтобы перестать быть варварами, любому народу надо было прежде всего креститься, войти во вселенскую Церковь. Короли за королями, страны за странами, после упорно наивной борьбы против креста, склоняли свои буйные военные головы пред служителями Церкви и смиренно погружались в купель крещения. Иначе нельзя было „выйти в люди и вывести в люди“ свои народы. Христианство стало единственной дверью в культуру, белой

костью аристократизма, выведившей из черного тела язычества.

Этой судьбе мужественно и мудро покорился в конце X века и киевский князь Владимир, сначала со свойственным ему широкому темпераменту пылким и неистовым увлечением, давший последний отчаянный бой христианству за свою варварскую старину и этот бой проигравший. Несомненно интимный духовный перелом во Владимире, превративший его из Савла в Павла. Преподобный Нестор рассказывает нам о некоем благодатном видении, потрясении, откровении, какого удостоился св. князь Владимир. Оно было подобно тому, какое было св. Евстафию-Плакиде. Грешный и буйный язычник Владимир был натурой богоизбранной. Его обращение ко Христу было подлинное, интимное, глубокое. Преображение его характера и разрыв его с грехом, были изумительны. Но наряду с этим его личным обращением у князя Владимира на видном месте стояли и мотивы государства, вождя своего народа.

Не подлежит сомнению его пылкое стремление – властным самодержавным толчком ввести свою Русь в семью культурных наций. Обращение к Владимиру за военной помощью со стороны византийских царей Василия и Константина (987 г.) было только ускоряющим поводом к личному крещению киевского князя. Ибо свою военную помощь царям против их противника Варды Фоки князь Владимир обусловил выдачей за него замуж сестры царей, принкиписсы Анны, а это требовало крещения Владимира. В его голове с этим почетным браком соединялся грандиозный план пересадки всех полезных, красивых и возвышающих плодов высшей цареградской культуры на почву молодой, отныне породнившейся с Царьградом, Руси. Военная помощь Владимира блестяще удалась. Русский отряд разбил В. Фоку под Хрисополем (Скутари). Трон царей был спасен. Но царица Анна не хотела идти замуж за варвара. Владимир прибег к силе оружия. Он осадил греческую окраинную колонию в нашем Крыме, Херсонес – („Корсунь“) и взял его. Во

время осады папские послы приходили к Владимиру. Просто крещение народа князь Владимир легко получил бы от латинян. Но не того он хотел. Он стучался сознательно именно в греческие двери и даже разбивал их.

Вершиной тогдашней культуры был не Запад, а Восток: Константинополь, священная держава „ромеев“. Молодые западно-европейские нации были и скромно сознавали себя еще варварами, ревностно подражавшими подлинной наследственной аристократке в культуре – ромейской державе. Князь Владимир не только по географической фатальности, но и сознательно избирал для „ромеизации“ – окультуривания Руси, образец первого ранга: культуру греческую, а не латинскую. Сам полуваряг и конунг, он смотрел на своих соплеменников, европейских конунгов как на собратьев по варварству, и правильно хотел быть не наравне, а выше их. Как победитель, он требовал от греков на правах военной контрибуции с рукой царевны, пересадки на Днепр с Босфора, наибольшего количества блеска византийского двора. Ему нужна была красота церковная и светская, – не только вещи и сокровища, доступные и грабежу варваров, но и учителя и художники для создания собственных знатоков и творцов наук и искусств, каких Владимир видел уже в славянской Болгарии. Непосредственно из Корсуня Владимир вывез бронзовые статуи и конную квадригу и поставил их в Киеве на удивление „невегласов“, которые мнили, что эти диковинки „мрамаряны“. Чтобы зачаровать своих эстетически чутких „русичей“, князь-креститель построил храм Десятиной Богородицы по точной копии столичных цареградских храмов, с цветными мраморами и мозаикой. Заставил византийцев дать на Киев и учителей – этих магов и чародеев просвещения, через что чаял вскоре увидеть у себя „собственных Платонов“. Начиная с своих сыновей – Бориса, Глеба, Ярослава, – мечтательный князь насильно посадил на учебную парту множество детей „нарочитыя чади“, т. е. аристократических родов, хотя мамыши и оплакивали их отдачу в неведомый дотоле придворный пансион. Из этой плеяды прошедших правильную и высокую

школу образования юношей и был митрополит Иларион, наш вершинный писатель XI века, уровня которого русские писатели достигли лишь к концу XVIII – началу XIX веков. Ярослав Владимирович старался поддержать заветы отца, „собра писцы многи и прекладаше от грек на словенское письмо и тако списаша книги мнози“.

Но культурная диктатура св. Владимира кончилась, „вздергивание на дыбы“ ослабело, „нарочитая чадь“ киевская не увлеклась чарами греческих учителей. Владимир „университет“ обезлюдил, необласканные общественной любовью греческие „философы“ (так назывались профессора) поразбежались домой, и наша образованность, естественно, опустилась до уровня низшей школы, а затем и полной безшкольности. Петру вновь пришлось Россию „вздернуть на дыбы“. Но в основе дело окультуривания Руси св. Владимиром было прочно заложено на века. Как и всем европейским народам, первую письменность и общеевропейское, и общечеловеческое просвещение принесла Церковь. Связанное с христианским состоянием, близкое культурное общение со всем европейским миром раз навсегда сделало русских участниками античного наследства и соучастниками в продолжении и творчестве европейской культуры. При этом наш креститель погрузил нас в греческую, а не римскую купель, и этим отделил нас во многом от западных собратьев по вере и культуре. Но в конечном счете это только наше счастье и благословенный призыв к оригинальности, к созданию нового, ценного варианта христианской культуры, варианта восточно-европейского. Если западный мир и заинтересовывается все более плодами нашего духовного творчества, то не только потому, что мы не лишены таланта, но и потому, что из глубины нашей души слышится новая, неведомая ему музыка. Это музыка, родившаяся из иного религиозного детства русской нации, из иного ее воспитания. Тернист был и, может быть, будет наш восточно-европейский исторический путь в некоторой особенности, отдельности от западно-европейского мира, но и благословен, ибо в нем заложена надежда нашей своеобразности в

культуре и даже возможности на некоторый исторический период нашей духовной гегемонии.

Итак, русская культура, как одна из культур восточно-европейских, родилась в тот момент, когда Владимир Святой, после долгих размышлений и борьбы конкурирующих влияний, сознательно избрал византийскую крещальную купель и в нее решительно привел и весь русский народ. Это был момент определяющий, providенциальный для всей нашей истории. И по мистическому учению Церкви, крещение есть „неизгладимая печать“, и фактически душа русского народа как будто случайно, как будто сверху и по государственному принуждению, крещена, но стала исторически „запечатленной“ Православием. Князь „Красное Солнышко“ таким образом сформировал коллективную историческую душу народа и стал истинным отцом-родителем нашей культуры. Подавляемые культурными успехами Запада, некоторые из наших отцов и дедов сомневались в положительном значении дела св. Владимира и даже, как парадоксально смелый Чаадаев, считали его нашим несчастным роком. В противоположность им, не смущаясь никакими внутренними трагедиями нашей культуры и, наоборот, видя в них знамение великого призвания, – мы признаем восточную купель св. Владимира Божиим благословением нашей истории. Если мы это еще не осознали во всей силе, не осознали, что без Православия нет и русской души, родящей из себя культуру, если мы еще не чтим ярко и достойно отца нашей православности – крестителя Руси, это только признак незрелости нашего национального самосознания.

II

Другой завет князя Владимира – создать святую, праведную, евангельскую, Христову Русь не по имени только, но и самому житию, здесь, на нашей грешной земле,

также едва ли нами ясно сознается, а некоторыми даже и не подозревается.

Святой князь потряс сердца современников и, что особенно знаменательно, сердца простого народа, своим щедрым гостеприимством, своим нищелюбием. Что это? Княжеский обычай баловать свою дружину, пережиток языческого разгула, личная щедродательность, широкая русская натура? Может, всего есть понемножку. Но это не интересно и не объясняет главного, как не интересны вообще убого-трезвые, якобы единственно научные объяснения явлений духовных. „Душевный человек не приемлет того, что не есть от Духа Божия“. Главное в этом явлении не от плоти и внешних причин, а от Духа Божия. Который, по драгоценнейшему для нас свидетельству преподобного Нестора, чудесным путем привел князя Владимира к святой купели. И „отрясши в ней слезоту душевную вкупе и телесную“, св. Владимир, по слову митрополита Илариона, „возгорелся духом и возжелал сердцем быть христианином и обратить всю землю в христианство“. Благодатно восхотел исполнить заветы евангельские не по имени только, но на самом деле. Все свидетели, близкие почти современники св. князя, в один голос говорят о чем-то в этом отношении совершенно необычайном, из ряда вон выходящем. Мних Иаков и святость князя Владимира не считает нужным доказывать от посмертных чудес, – так она самоочевидна от его необычайных иных дел: „от дел познати, а не от чудес“.

В чем необычность дел св. Владимира? Митрополит Иларион так похваляет его: „Радуйся, учитель наш и наставник благоверия! Ты был облечен правдой, препоясан крепостью, венчан смыслом и украшен милостыней, как гривной и утварью златой. Ибо ты, честная глава, был одеждой нагим, ты был питателем алчущих, был прохладой для жаждущих, ты был помощником вдовицам, ты был утешителем странников, ты был покровом не имеющим крова, ты был заступником обидимых, обогатителем убогих“. Слова эти могли бы показаться и просто похвальной риторикой, если бы не углублялись и не

освещались другими данными. Характерно и тут поставление „милостыни“ или филантропии святого князя в ряду его княжеских, а не просто личных добродетелей: „правды и крепости“. А филантропия уподобляется княжеским регалиям – гривнам и эмблемам, украшающим грудь властителя и выражающим идеальные задачи его служения, по-нынешнему – его правительственную программу. Действительно, то, о чем говорит летопись, – не личная только благотворительность князя. Это социальная помощь в государственном масштабе. „Повеле, – читаем в летописи, – всякому нищему и убогому приходи на двор княжь и взимати всяку потребу – питье и яденье и от скотьниц кунами“ (т. е. из казначейства денежную пенсию). „Устрой же и се рек: 'яко немощнии и больнии не могут долези двора моего' – повеле пристроити кола и вкладаше хлебы, мяса, рыбы, овощь различный, мед в бчелках, а в других квас, возити по городу, вопрошающим, где больний и нищъ, не могы ходити? Там раздаваху на потребу“. Чтобы не оставалось у нас сомнения, что эта княжеская филантропия не ограничивалась столицей или пределами дворцовых имений, мних Иаков, касаясь этого вопроса, определенно поясняет, что св. Владимир установил это, как систему решительно во всем государстве до деревенских захолустьев включительно. „Боле всего быше милостыню творя князь Володимир: иже немощнии и старей не можаху дойти княжа двора и потреб възяти, то и в двор им посылаше: немощным и старым всяку потребу блаженный князь Володимир даяще. И не могу сказати многия его милостыня; не токмо в дому своему милостыню творяще, но и по всему граду, не в Киеве едином, но и по всей земле русской, и в градах, и в селех, везде милостыню творяще, нагия одевая, алчные кормя и жадныя напаяя, странныя покоя милостию; нищая и сироты и вдовицы и слепыя и хромыя и трудоватыя вся милоуя и одевая и накармя и напаяя“.

Исторические свидетели передают с восторженным изумлением не только о широте этого опыта христианс-

кого решения социального вопроса сверху, в рамках целого государства, волей христианского монарха, но и о мотивах его, тоже потрясающих христианскую мысль. Жития святых полны изумлением перед решением духовных героев – по одному только слышанию слова евангельского в церкви все оставить, взять крест свой и пойти за Христом. То же сообщает летопись и о князе Владимире: „Бе во любя словеса книжная; слыша бо единою евангелъе чтомо: блажечи милостивии, яко ти помиловани будут; и паки; продайте имения ваша и дадите нищим; и паки... Си слышав, повеле всякому нищему убогому“ и т. д., что мы приводили уже выше. То же самое говорит и митрополит Иларион, что святой князь „не до слышания стави глаголанное, но делом сконча слышанное“, т. е. не хотел слова евангелия оставлять просто для услаждения слуха, но решил осуществлять их на деле.

Можно себе представить, как должен был поразить воображение языческого народа этот неслыханный опыт – во всем государстве утолить всякую нужду! Какая пертурбация должна была произойти в системе государственного хозяйства и финансов! Недаром предание и былины так запомнили щедроты „ласкового князя – Красного Солнышка“. „Твоя бо щедроты и милостыня“, говорит митрополит Иларион, „и ныне в человецех поминаемы суть“.

Тот же митрополит Иларион сообщает нам, что св. Владимир, „часто собираясь с новыми отцами, нашими епископами, с великим смирением советовался с ними, как установить закон сей среди людей, недавно познавших Господа“. Это не иначе можно понять, как совещания с иерархией не по миссионерским только вопросам, а скорее по вопросам проведения в жизнь всего государства „закона“ христианского, как совещание о посильном осуществлении Царства Христова на земле. Смелость замыслов святого князя в этом направлении подтверждается и летописью. Проникаясь духом евангельским, св. Владимир переживал в своей совести со всей силой нравственную антиномию государственной силы и лич-

ного всепрощения. Он тяготился долгом меча казнящего. И епископам приходилось успокаивать его чуткую совесть: „живяще же Володимер в страхе Божии, и умножишия разбоеве, и реша епископы Володимеру: се умножишася разбойницы, почто не казниши их? Он же рече им: боюся греха. Они же реша ему: ты поставлен еси от Бога на казнь злым, а добрым на милованье; достоить ти казнити разбойника, но со испытанием. Володимер же отверг виры, нача казнити разбойника“.

Св. Владимир не впал в сектантство и покорился мудрым советам Церкви, не признающей насильственного введения евангельских норм в жизнь через принудительный механизм государства. Не превратил в мертвый закон и своих широких филантропических мер, подсказанных ему лично его пламенной христианской любовью. Он не создал карикатуры христианского государства, но осуществлял его в пределах заповеди Христовой постольку, поскольку лично ему, облагодатствованному властителю, даны были дары Духа „вспоможения, управления“ (I Кор. 12,28). В наследство своим преемникам св. Владимир не оставил никаких радикально измененных основных законов, предоставляя им быть слугами Христовыми в меру их даров духовных. И его святые сыновья Борис и Глеб не были социальными реформаторами, а скорее аскетами и молитвенниками, в ином стиле исполнявшими заветы Христовы.

Таким образом, в начале русского христианства был момент исключительного прорыва к исполнению евангельского идеала, подобный прорыву первобытной Иерусалимской Церкви к самоотверженному общению имуществ. Аналогичные прорывы у сектантов – монтанистов, павликиан, вальденсов, анабаптистов, приводили их к извращениям фанатизма и деспотии, ибо выпадали из под руководства благодатной мудрости Церкви и подчинялись человеческому своеволию и гордыне. Не то было в жизни первохристианской общины и в деле св. Владимира. Это были прорывы, покорные воле Духа Святого и в меру подлинной свободной любви Хрис-

товой. И, как веяние св. Духа, эти чудесные достижения приходили и проходили, подобно видениям и обетованиям царства Христова, не окаменевав в фальшивом насильствующем законе. В первенствующей Церкви была эпоха чрезвычайных дарований. И первоначальную историю русской Церкви озарил благодатный луч Царства Христова, прошедший через великое сердце Владимира, Великого не по титулу только, но и по благодатному „дару вспоможения, управления“, ему ниспосланному (I Кор. 12,28). И святой князь не преткнулся на своем пути. За 1000 лет до Л. Толстого он ответственно, сидя на князем судилище, пережил антиномию меча и принял в сердце трагедию его по внушению Церкви, так же точно за 1000 лет до нынешних соблазнительей хлебами, св. Владимир сделал все, что мог, для помощи меньшей братии, как устроитель и реформатор государства, и не пролил рек крови и не заковал народ во имя „свободы, равенства и братства“, в цепи рабства, подобно антихристианским „народолюбцам“ наших дней.

В наши дни апокалипсических искушений мира и русской массы властью, хлебами и чудесами техники перед русской Церковью во всей неотвратимости встал мировой социальный вопрос со всеми его соблазнами. Креститель наш дал нам пример, как вести себя на этом труднейшем пути. Христианский народ, христианские деятели, христианская власть прежде всего должны сделать все возможное для проведения во все стороны жизни нации заветов любви евангельской, организовать дело христианского братолюбия на уровне современной нам социальной техники. Но народ и власть могут праведно осуществлять это дело только в меру данности любви Христовой в сердцах самих творцов и исполнителей. Без этого духовного, благодатного основания, одна механика добра превращается в бессильное, фальшивое и злое дело. Христианское социальное делание может быть только внутренне свободным. Так сумел вести себя не частный одиночный христианин, а государь земли русской. Его завет нам: христианизация общественной жизни

не на путях внутреннего насилия сектантства и внешнего насилия коммунизма, а на путях церковного разумения христианской свободы...

„Если когда-нибудь случилось бы мне увидеть во сне, что какая-нибудь из внешних особенностей нашей прежней жизни, давно погибшая, вдруг воскресла посреди нас и в прежнем виде своем вмешалась в настоящую жизнь нашу – это видение не обрадовало бы меня. Ибо такое перемещение прошлого в новое, отжившего в живущее, было бы то же, что перестановка колеса из одной машины в другую, другого устройства и размера: в таком случае, или колесо должно сломаться или машина.

Одного только желаю я, – чтобы те начала жизни, которые хранятся в учении святой православной Церкви, вполне проникнули в убеждения всех степеней и сословий наших; чтобы эти начала, господствуя над просвещением европейским и не вытесняя его, но напротив, обнимая его своей полнотой, дали ему высший смысл и последнее развитие; и чтобы та «цельность» бытия, которую замечаем в древней, была уделом настоящей и будущей нашей православной России.“

И. В. Киреевский

В. В у л и ч.

Б и р ю л ь к и

КУСОК ХЛЕБА

В какой неоглядной дали те времена, когда можно было писать: „Пульхерия Ивановна, чего бы нам покушать?“

Была, когда-то, земля наша „велика и обильна“. Трудно представить себе, видя эту землю сейчас... Однако, в памяти раннее детство, в конце НЭП'а, когда изобилие было почти довоенным.

Мы жили в Ростове на-Дону. Неописуемо-богатые базары: Старый, Покровский, Нахичеванский. Привозы. Горы битой птицы, и всякой деревенской снеди. Нескончаемые рыбные ряды. Рыбаки из Аксая и Гниловской привозили горы рыбы, от обычной, до гигантов-осетров. Рыба свежая, вяленая, копченая. Тарань, рыбцы, шемая. В е д р а м и – черная икра. Разнообразнейшие фрукты, с Кавказа.

И уж совершенно неоглядные ряды базаров предпраздничных. Перед Пасхой, по рядам Покровского базара можно было ходить часами, любуясь монастырскими писанками, украшениями для куличей, и поражаясь нескончаемым рядам тучного изобилия. Многочисленным сортам тончайшей белоснежной муки, и всего, что нужно

для праздничного стола. Список можно было бы продолжить по „Пану Халявскому“...

В центре города большой гастрономический магазин „Сельтрест“, – дитя НЭП'а. Это был гастрономический рай. Там было все, чего только можно было пожелать. Недалеко – магазин б. Филиппова, с непрерывным конвейером поступающими, традиционными горячими слоеными пирожками. В кондитерских (помню: „Чашка чаю“) – изобилие пирожных, венских булок и прочего. Брали на дом, в картонных коробках.

И все исчезло, как будто его и не бывало! Разорение, нужда и голод опустили над страной. Железный кулак уничтожил все. Включив в план уничтожения и самого человека.

*

Как деликатно, „благодарно“, едят крестьяне. Для них хлеб – поистине насущный, в нем и труд, и благодарность. В голодные годы мы научились этому тоже. Мы пили три стакана чаю, с полкусочком сахара. Часто – и без него. Мы поджаривали, на печной трубе, липкий, полусырой хлеб (вместе с голодом, пришли и иные нужды, как недостаток топлива). Нам казался он очень вкусным. Назывался он заманчиво: „наливной кирпич“. В магазинах было: синька и „Кофе здоровье“. На коробках изображены были счастливо улыбающиеся здоровяки-дети, с румянцем во всю щеку. Впрочем, румянец был коричневым, вся картинка была выдержана в двух тонах: белом и коричневом. Красок тоже не было.

А дети – румянец на их щеках отсутствовал. Помню соседского мальчика, Илюсика, который, привлеченный райским запахом варящейся у нас каши, приоткрывал дверь, просовывал голову, а потом потихоньку протискивался и сам. После дипломатического молчания, он говорил, сомнамбулически-мечтательно: „Я очень люблю пшеничную кашу...“, и, потянув носом, и вздохнув, добавлял: „А особенно – с луком...“

Дети, играя в куклы, даже в одиночестве, любят разговаривать. Подслушала такой разговор маленькой, бледной, худенькой Катюши: „А-а-а, Мария Ивановна! – говорила она, обращаясь к воображаемой посетительнице, – „Здравствуйте! Вот хорошо, что зашли! Чем бы вас угостить? Ничего нету... Не хотите чесночку? Только вот хлеба – нету!“

„Хлеб“ и „нету“ были главными словами в обиходе. Я видела людей, нищих и не-нищих, просивших хлеба. Я видела животных-нищих, тоже просивших. Помню несчастную собаку-калеку, на трех ногах, которая стояла возле булочной; она забегала, и смотрела в глаза каждому, выходящему из лавки с хлебом-пайком... И – давали.

Помню сценку: раннее утро, женщина, спешащая, повидимому, на работу. Навстречу, худая, как скелет, собака. Женщина остановилась, открыла сумочку, достала очень тощий завтрак: ломтик хлеба с чем-то. Отдала половину. Пошла дальше. Но вдруг шаги замедлились, остановилась. И, махнув рукой, отдала и остаток, бросив ненужную уже бумагу.

*

Хлеб вернулся в 35 году, хлебом „фондовым“. Все было как наэлектризовано, хлебным духом, тысячами вожделеющих взглядов и одной общей мыслью: х л е б. Редко-редко кто мог донести до дому, не отщипнув. И никто не удивлялся. Нет, этого прекрасного, липкого, черного, кислого хлеба – нельзя было наесться. Мы снова и снова стояли в очередях, резали его толстыми кусками и ели. Кто ни приходил, – угощение было – хлеб. Он стоял на столе, как кулич, как торт „Дня Благодарения“. Хлеб стал „И хлебом, И зрелищем!“

Но вот, вернувшийся-было хлеб, исчез совершенно. В войну.

*

Есть хлеб. Есть – кусок хлеба. А есть – последний кусок хлеба... Этот последний кусок хлеба! Он был как „последняя спичка“, в одноименном рассказе Джека Лондона. Он был – ж и з н ь. У нас же, он был еще и меркой души.

*

Жестокий скрип снега, зимы 41-42 года! Жестокие морозы, голод и безнадежность... Наша семья была из неприспособленных. Но по сравнению с приятельницей моей, Галей В., мы были удачливыми счастливыми. Галя была дочь профессора Ростовского Университета. За год до войны профессора В. арестовали. Ссылка. Смерть на этапе, где он, немолодой, не смог больше идти. (А ведь может быть, – и пристрелили...). До семьи о его смерти как-то дошло. И с тех пор, в доме воцарилось тяжелое, кровоточащее горе. Кроме того, принадлежали они к людям, которые были совершенно неприспособлены для жизни в условиях советского „выживания“. Голодали они тяжко. И молча. Помню их дом. Голый, холодный, продано все, что только можно было продать, до последней нитки. Все голо. Голый стол. Голые полки. Голая нужда.

У них встретилась я с последним куском хлеба: как-то случилось мне к ним зайти, когда они, как-раз, „сидели за стол“... Были стаканы с горячей желтоватой водой, которая играла роль чая. А на маленькой тарелке посредине стола лежал кусочек черного как земля хлеба, порезанного микроскопическими ломтиками. Меня пригласили к столу. Я села, хлебнула „чай“, избегая взять хоть крошку от этого горького куса. А хозяйка, предлагала его радушно, жестом, впитанным за всю жизнь, жестом, полученным от предков. Заметив мою „тактику“, она, опустив на руки голову, заплакала: „Это так горько, обидно, что вы не хотите разделить с нами...“

Этот кусок хлеба вставал часто из глубины памяти... Он говорил, говорил слова особенные, в похвалу народу

нашему. И когда „на том свете“ будут разбираться, кому – куда?, может быть, русскому человеку зачтут: делился. Куском хлеба. Последним.

БУБЕНЧИК

Можно возвращаться в давно забытое?

Можно. Спускаться в прошлое, по лестнице „временного эскалатора“. Но можно и иначе: стоять на месте, и прошлое течет тебе навстречу, как река. Течет вспять. Места, события, годы, неузнаваемое бывшее и узнаваемое небывшее... Нет ничего, что совсем прошло. Все – е с т ь. Зависит от воли это видеть: можно увидеть даже форму булыжника на мостовой, или цвет одежды. Кроме того: прошедшего нет. Существует одно непрестанное настоящее, в котором мы пребываем. Иногда это открывается догадывающемуся, ошеломленному сознанию. Непостижимый спектакль неподвижного движения и движущейся неподвижности времени.

Мир вокруг нас – это мир „живых духов“, непрерывно вступающих с нами в непосредственный контакт. Как же отталкивать их, сущих и живых, как и я... Но совершенно неважно, как об этом думаю я. Важно то, что **нельзя забывать**. Оттого – не могу, если бы даже хотела, расстаться с прошлым, оно живет во мне неискоренимым присутствием, все, с рождения... разрушенная Россия, раздавленные и скомканные судьбы, бесконечно-жестокая жизнь, мечущийся в разрушенном мире человек, бесконечно несчастный.

*

Одна тема: детские смерти. Бессчетная армия маленьких мертвецов. Детские смерти – особые. Потому что это

смерти совсем беззащитных. Самым тяжким обвинением страшному веку будут все убитые дети. Убитые – так или иначе. А способов убить – у „великой эпохи“ очень много было всегда.

*

С е р е ж к а. Недалеко от дома, в котором мы в 1928 году жили, было подворье, густо заселенное. В одном из флигелей жила молодая работница, Ганя, к которой неожиданно пришел, из беспризорников, маленький ее брат. Мальчику было лет 8 или 9, звали его Сережка. Это был странный ребенок: тихий, молчаливый, с грустным лицом, необщительный и замкнутый. Он не играл с другими детьми, и даже не смотрел на игры, но постоянно сидел, глубоко задумавшись. Только в редких случаях заговаривал он с детьми, это случалось, когда они мучали какое-нибудь животное, котенка или щенка. Тогда он говорил коротко: „Отпусти!“ Целыми днями, Сережка сосредоточенно о чем-то думал, глядя в пустоту перед собой, так, что для нас, детей, она делалась словно осязаемой – нас пугало это невидимое присутствие, мы Сережку обходили, и оставляли его с его таинственным „соседством“.

А через два месяца после своего прихода, Сережка застрелился. Все соседи сбежались; двери дома были открыты, вошла вместе с другими и я. Есть дома такие старые, что они будто опускаются в землю, как в собственную могилу. Таким был этот флигель, Стены и доски пола неровные, от времени и сырости. Небольшие окна пропускали мало света. Мертвенно-затхлый, застоялый-воздух. Все в этой комнате было старое, потемневшее. Темный комод украшали выцветшие бумажные розы, коробки от конфет, чьи-то выцветшие фотографии.

А на железной низкой кровати лежал Сережка. Лицо его совсем не изменилось, только глаза были уже не опущены, но закрыты. Будто он и еще сосредоточенней,

чем всегда, думал... Рядом, на полу, лежал револьвер – большой, допотопный, черный.

А на тумбочке возле кровати лист бумаги. На нем, четко, детским почерком: „Я не хочу жить. Сергей.“

Очевидно, показала жизнь этому ребенку, в его девять лет, что-то особо безнадежное и страшное...

Сережку не хоронили, его просто увезли.

*

О происшествиях у нас не писали. Но о них сообщала народная молва, и они мгновенно растекались по всему городу.

В 34-м году одним из происшествий было: мать двух маленьких детей бросилась под поезд, оставив записку: „Пусть моих детей кормит Сталин.“

Кормил ли он их? И, если они выжили, не была ли их жизнь х у ж е смерти?

*

Лиза красавица-казачка. Но – впалые щеки, запавшие глубоко глаза. Она говорит: „Посмотрите, что на нас...“ Поднимает кофту. Это было – рядом? Но рядом имеет „плоть“, все же. Это были нитки, рвань, неопишуемые лохмотья... Сквозь них видно было тело. Это была – не женская грудь, а что-то темное, иссохшее. Казалось – это та же сухая, потрескавшаяся земля, которая перестала родить.

„Лиза, есть у тебя дети?“ – Казачка заплакала.

„Дети? Так не живут у нас дети... Вот здесь, в саду, всех троих похоронила...“

— Лиза, сколько тебе лет?

— Лет? Двадцать шесть.

*

Ада была не моя подруга, но подруга моей подруги. По Университету. Она явно не получила интеллигентского

воспитания, жила в среде, язык которой изысканностью не отличался. Помню, как мимо нас – мы смотрели в окно – прошла похоронная процессия. А через некоторое время – еще одна. Ада сказала, задумчиво: „Обратно покойника несут...”

Она путала: Альгамбру и амальгаму. Но это неважно.

Имела она какую-то таинственную и печальную судьбу, о которой мы мало знали. Прожила „смещенную“ жизнь, сиротой в чужой семье. Мы не спрашивали ни о чем, и ничему не удивлялись. Ведь мы – „дети страшных лет России“. Только раз – приоткрылось. У меня были книги – аттические сказки, собранные великим знатоком греческого искусства, проф. З. В изысканном, роскошном издании. Ада сказала: „Это – мой отец... А у меня нет никакой памяти о нем.“ Я молча отдала книгу Аде. Эта книга называлась „Соловьиные песни“. Солнечная Итака, похищенный царский сын. Вместо того, чтобы убить мальчика, сжалившиеся пираты высадили его на необитаемый остров. На острове жили только птицы, мальчик вырос среди них, – н и ж е страстей. Позже он попал к богам, – в ы ш е страстей. И сейчас помню заключительную фразу: „Я жил ниже страстей, и я жил выше страстей. Но боги дали нам человеческую долю – будем же покорны богам...”

*

Бубенчик не был царским сыном. Он был ребенком Ады. Младенцы рождаются даже и в войну, когда мир так неприветливо встречает их: одними лишениями. И младенцы не могут жить одной любовью. Им надо молоко. Им надо тепло. И многое другое. Ничего из всего этого, нужного, не было. Город был насквозь продут ледяными ветрами зимы, войны, жестокой нужды. Бубенчик – было прозвище. Потому что он никогда не плакал, но, вопреки своей судьбе – улыбался. И нам слышался, в его улыбках будущий его смех. Мы прочили ему – стать музыкантом. Стать – поэтом. Стать большим, добрым человеком.

„Первая железная ночь“, у Гамсуна. Первая зима войны – у нас... Как жили мы все? Сейчас трудно себе представить. Но – жили, если подобное можно назвать жизнью. В домах было мало чем теплей, чем на дворе. Они были как пещеры ледникового периода. Работа же – если и была, на некоторых фабриках, давала едва-едва на один-два дня полуголодной жизни.

Этот тихий, с задумчивыми ярко-синими глазами, ребенок. Казалось, наблюдал он что-то, видимое только ему. Или, может быть, по стенам комнаты проносились Сны, как у Андерсена?

Плыли облака, светили звезды, расцветали цветы? Шли корабли, уходящие с Итаки? Пели птицы? Но стены были сырые и заиндевелившие от холода, вероятно, даже снам на них было холодно...

В жизни Бубенчика не было добрых пиратов. И смеяться ему тоже не пришлось. Он заболел, от холода и лишений. Он просто растаял, заснул. Наверно, с облегчением.

Хоронили мы Бубенчика в марте. Плакало, с нами, светлое, высокое мартовское небо, скупым дождем. И сосульки, последней холодной плотью. Может быть, там, куда ушел Бубенчик, был он встречен своим ученым дедом, и рассказывает он внуку сказки про соловьиные песни и солнечную Итаку? И про человеческую долю...

О Ч Е Р Е Д Ь

Русская осень – нетороплива, ясна и задумчива. И природа не меняет своих привычек даже и в годы войны. Шла осень 41-го года. Кристально-прозрачные дни словно собрали в себе всю умиротворенность земли и неба.

А большой южный город жил тяжелые, голодные дни. И видел тяжелые сны. Но „жизнь шла своим чередом“.

Чтобы жить – надо есть. А есть было нечего.

Наша семья относилась к типу никчемных интеллигентов. Мы никогда, ничего не „доставали“. Что касается меня лично, то я, по типу, человек-улитка. Но пришлось вылезти из „улиткиного дома“, и превратиться в льва. Рыщущего в пустыне, в поисках еды.

Кроме того, была я очень застенчива, и сам вид у меня был, как в румынской поговорке: „Am visat, câ am visat“. То-есть: „Мне приснилось, что мне снится сон“. Я и ходила – в глубокой задумчивости, по большей части – скандируя про себя стихи. Шаги были уверенней, под такой „марш“. Например, шла и думала, „ритмически“: „Встала из мрака младая, с перстами пурпурными, Эос...“ и т. д. Или, из японских поэтических антологий VI-го века, которые были у меня тогда „в моде“.

„Мечтать о встрече – это безнадежно,

С тобою не увидеться нам вновь.

Лишь в снах...

Но сны – непрочней яшмы нежной,

А явь, увь! еще непрочней снов.“

Хождения по городу, в поисках еды, были дорогами первооткрывателей. Вы проходили мимо заброшенного двора. И, – полчаса позже, могли, ломая руки, смотреть – как давали там крупу. Или – мармелад... Но, что толку. Это была уже – осада Азова... Нужно было иметь нюх Шерлока Холмса (да и он бы не помог), – чтобы угадывать – где будут что-нибудь давать. Это случалось неожиданно, как падение метеора. Мертвая улица, закрытые ворота. И вдруг – движение. Первые пионеры Клондайка делают счастливые заявки. За ними, бегом и галопом, старатели второй очереди. А дальше – лавина, по большей части, неудачников. Вы слышали уже четырехзначные, безнадежно-астрономические номера. Иногда приходилось переживать „психологический шок“. Например, совершенно ошеломляюще, в магазине: бочки со сгущенным молоком! Но в о что брать? Даже драки за ним не

было, люди глубоко-подавленные, тихо уходили, как с похорон.

Как-то я принесла домой даже килограмм мяса! Я чувствовала себя чем-то вроде охотника на мамонтов! Но мясо – немедленно исчезло. Съели.

*

Очередь – категория социальная, а, кроме того, психологическая. Это манифестация диссонансов человеческого общения. Оно – всегда, но в очереди особенно явно. Доходит до разногласий ожесточеннейших.

Как-то я шла, в совершенно „бесперспективной местности“, недалеко даже и от дома. Во дворе группы домов-новостроек, на „нольной линии“, через ничем непримечательное окошечко второго этажа, выходящее на лестничную площадку, давали сливочное масло... Но уже совершенно „зрелая“ очередь была сколь безнадежной, столь же и устрашающей. В „голове“ – клубящиеся „пороги“, о которые можно было только разбиться, и оказаться вынесенным из них – в виде трупа... А в „хвосте“ – уныло и покорно стояли интеллигенты, которые имели четырехзначные номера. Эта деталь показывает, насколько утопично-фантастична вообще надежда.

Мощно оттирали назад законных претендентов, даже в непосредственной близости от заветного окошечка. Но зато, штопором вворачивались незаконные, узурпаторы. По теории Дарвина – выживают приспособленные. Оттого, все они дорывались до масляного окошка, и уходили – с маслом. Особенно же выделялся среди них рослый детина, который брал, но не уходил. Брал снова и снова. Время от времени он сообщал, хриплым голосом, что он партизан. И для устрашения – дергался. Чтобы наглядно показать, что он невменяемый, на все способен, и взятки с него гладки. Такой „партизан“ был всегда, во всех очередях. Таких боялись, с ними не связывались. Лучше уж пусть наестся-напьется крови, когда-то да отвалится... Детина был огромный, толстомордый,

рыжий, в полушубке и меховой шапке, еще не по сезону.

Увидев все это, я хотела уже понуро уйти. Но... перед глазами, как прекрасное видение, встало: тарелка пшенной каши, а сверху – кусочек нежно тающего масла... Видение не исчезало... И мама так любила масло...

*

Я проиграла все битвы в жизни. Но была о д н а – которую я выиграла. Я стояла перед бездной безнадежности. Но с великой жадой успеха! Я видела, что только большая Сила могла бы навести порядок. И внезапно, неслышно повернулось какое-то „колесико“, во мне, приводя в движение совершенно скрытый механизм, ведающий активностью и жадой завоеваний. Или – в меня вселился мистер Джекилл... Я начала „действовать“. Во-первых, – пересчет и „живая очередь“! Сделано! Отсеялась сразу половина, оставшаяся же половина – воспрянула духом. Это сразу придало мне авторитет. Я, с удовлетворением, увидела: как приятно повелевать! Слегка опьяняет. Меня слушались, я разрешала конфликты, т. е. – вышвыривала самозванцев. Масса подчинялась мне, как полководцу. Свершилась метаморфоза. Из жалкого „хвостового“ интеллигента, который простаивает четыре часа, и идет прочь, с пустыми руками, синий от холода, я превратилась – в полководца! Я гарцовала, на невидимом коне, вдоль моей длинной, но стройной очереди. Порядок был – как на военных поселениях Аракчеева. Особенно воодушевляла благодарная и активная поддержка массы. Во мне признали главнокомандующего, которого давно жаждали; мне были благодарно преданы. Эта преданность питалась н а д е ж д о й. (Может быть, тогда зародилась у меня идея „доброй диктатуры“? Потому что, это – мой идеал...).

Но было сделано только четверть дела, был упорядочен только хвост Дракона. Голова же – бурлила и бесчинствовала по-прежнему. „Подъехав“ к Голове, я увидела, что без схватки не обойтись! И что надо атаковать

эту высоту. И, „спешившись“, я ринулась туда. Ступенек десять вели на площадку второго этажа, род балкона, на который выходило вожделенное окошечко. Мне стало очень страшно. Но – назад дороги не было. И – „на героя были устремлены глаза сотен...“ Моя спонтанно созданная армия помогла мне ввинтиться в кашу, в водоворот, пороги, Ниагару.

*

Все кругом замолкли, и кипение головы драконьего туловища приостановилось. Это был – Поединок. Я чувствовала – **я, или он**. Другого пути не было. И у меня уже не было пути к отступлению.

Я оказалась рядом с Детиной. Он яростно оскалил зубы, и взрычал: „Ну, ты, куда...“ Но я видела – уже не его. А – Дракона, которому надо было отрубить голову! Были у меня сверхъестественные силы? Или, может быть, я на время сошла с ума, а у безумных, как известно, силы удваиваются... Моим голосом, что-то сказало, во мне: „А, ну, уходи!“

— Да ты знаешь, что я тебе...

— Иди! Слышишь?

Что-то в моем лице его смутило, потому что он подался назад. А для меня было поздно что-либо менять... Копья у меня не было. Меча – тоже. Были – только руки. Одним из „узаконенных“ правил очереди было – сорвать шапку. Вторженец – бежал с поля битвы, вслед за шапкой. Шапка-то, как и голова, – одна... И я яростно схватила шапку на его голове но, не рассчитав своих новых, удесятеренных сил, прихватила изрядно и рыжих волос; лицо верзилы перекосилось, и он яростно прорычал: „Да ты – што?..“ – и дернулся ко мне. Но я, ощутив шапку-скальп в руке, ощутила одновременно и чувство победы. Я высоко подняла „скальп“ над головой, размахнулась, и бросила его далеко за пределы арены боя.

Но этим не кончилось. Я – шла на „Партизана“. Что я хотела с ним сделать – не знаю. Наверно, – убить. И он это почувствовал, что-то в моем лице его испугало.

Я: „Женщины! Все вместе! Хватайте его, помогите мне! Мы его – через перила! А масло отнять!“ Десятки рук потянулись помочь.

— Да ты што... — опять просипела морда.

И внезапно – произошло Чудо. Партизан – сник. Расстаял. Уменьшился. Спал, как спадает кобра. Будто из него вышел воздух. Он осел, и начал пятиться, к решетке, ограждающей площадку, перелез-перетек через нее, повис на руках, и – рухнул вниз...

Так кончает Зло...

*

Другие узурпаторы, видя поворот событий, предпочли стушеваться, и занять свои законные места в очереди. Под моим руководством, дело пошло, как на параде. Мы сделали охранительный кордон, человеческие руки соединились в одну, спасительную, живую цепь. Очередь шла теперь цепочкой, по-одному, как в мавзолее Ленина. Справа – всходили, слева – спускались.

В стихийных событиях, как и в истории, действует, однажды пробужденная, логика инерции... Очередь шла быстро, стройно, как на военном параде. Все сияли, и каждый говорил: „Спасибо, барышня!“ С моим съехавшим беретом, распутившейся косой (бывшая „Гретхен“...), внезапно одичавшим лицом, я выглядела, очевидно, как фурия. Но очереди я нравилась такой, как я была! Все улыбались мне, повторяя: „Спасибо, барышня!“

Я стояла „во главе государства“; но хотела честно дожждаться, когда подойдет мой законный номер 467. Но женщины стали подталкивать меня к окошечку, говоря: „Да что вы, барышня! Берите, берите, ведь если бы не вы, – никто бы не взял!“ И, к продавщице: „Дайте, два пакета!“

Я была еще в трансе. Спустилась со ступенек. С полу-распущенными волосами, в расстегнутом пальто, я прижимала к груди два пакета масла. Вокруг – дружелюбные, улыбающиеся лица.

Я вышла из квадрата новостроек.

Я дрожала. Как заяц. Или – как осиновый лист. Встретить я сейчас Верзилу, – он дунул бы, и я бы упала.

*

На другой день. Я шла по улице, где накануне было Бородино. Тихо, безлюдно. Осенний воздух напоен мягкой грустью.

По привычке, повторяла про себя, в ритм шагов: „Муза, поведай о том многоопытном муже, который...“ И потом, когда Гомер иссяк:

„Груз мой только гранаты,
Серафим же крылатый
У меня на корме...“

– Здравствуйте! – Поднимаю глаза. Незнакомая женщина, сияет улыбкой.

– Да очередь, очередь... Вчера , за маслом... Никогда бы не взяли, если бы – не вы! Дай Бог вам здоровья! Ну до чего же энергичная барышня!

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ КАКТУС

Я иду по дороге, на исходе пасмурно-свинцового дня. Так же безрадостны и мои мысли: „Остается только быть Робинзоном по профессии... Бросать в море бутылки, не прибывающие ни к каким берегам. Каждый гибнет в одиночку. Человек – одиноко странствующая „звезда“, и не принадлежит ни к какому созвездию...“

Но до чего же серый день... Я загадываю: „Если, чудом, хоть немного прояснится, – то это 'к добру'...“. И вдруг, внезапно, разрываются облака, вдали, над краем леса, и в просвете – чистое, яркое небо. И закат начинает окрашивать – сначала края разрыва, а потом и дальше. Краски смешиваются и меняются, из нежно-пастельных превращаются в пурпур, который снова меняется, делается красно-алым. Цвета изобилие, его целый малиновый разлив. Он пронизывает и воздух, ложится отблеском у самых ног.

Такое обилие красок – редкость для декабря.

Есть ли чудеса на свете? Есть. Даже – когда в них не веришь. Будь по мне, – писала бы „ч ю д о“, как в Демидовском Хронографе, „О чюдесех св. Стефана Сурожского“. Одна знакомая маленькая девочка – пишет „чювство“, считая, что так нежнее и душевней. Я с нею согласна.

*

Живи Татьяна в Германии, никаких „зимы блистательных ковров“ ей бы не увидеть. Немцы, едва только завидят первые, порхающие снежинки, немедленно, ратью, высыпают на улицу, с громадными железными лопатами, и, объединенные одной, коллективной идеей, как и во всем, начинают соскребать снег с асфальта, с грохотом и лязгом, напоминающими продвижение танковой дивизии. Робко осевший было, тонко, как папиросная бумага, снежок, поначалу удивленный таким сопротивлением, смиряется, и обращается в грязную жижу.

Зато, о Рождестве все кричит уже чуть ли не с августа месяца, когда магазины, наперегонки начинают соблазнять медовыми пряниками, красными сапогами св. Николая, и, разумеется, поздравительными открытками. Главное занятие немцев – поздравлять друг друга, неважно с чем. Заново красят золотом крендели на булочных, ангелов на аптеках. Глядя на ухоженные немецкие дома, вспоминаешь дома наши, – по большей части инвалиды,

неремонтированные, ободранные. И, все же, здешние – напоминают постройки термитов, в них живут не чувствами, а инстинктами. Весь уклад здешней жизни – дрессировка, доведенная в вековых усилиях до блеска. В наших жалких домах, неожиданно-непонятно, часто обитали живые души. Здесь же нет душ, ни живых, ни мертвых.

Но что у немцев хорошо, – это башни, и добросовестность, с которой отбивают на них часы. Каждые четверть часа. И этим – смиряется и дрессируется даже неуловимое – время, емкость которого открывает ночная тишина.

*

Еще один год канул в Лету, снова близится Рождество. Я – никто, нигде, и низачем. Непостижимо-странно. что, несмотря на все это, я как-то участвую еще в жизни. Мое внимание привлек, в супермаркте, цветок: листья – вроде кактуса, увенчанные бутонами, без шипов, изящного и нежного строения. Назывался он – рождественский кактус. Я купила его. Несколько дней он простоял без изменения, но потом бутоны как-будто слегка набухли. Я вспомнила, что кактусы живут очень долго, и подумала, что этот меня переживет. Ну, и пусть!

*

Когда приходишь домой, в декабре, хочется, чтобы в комнате было тепло. А у меня холодно. Развожу огонь. Бормоток пламени, сольно-теноровое пение чайника, – вот и „уют“.

В сумраке все видишь „не в фокусе“. И расстояние, и время. Чайник поет, поет... И вот, кажется – к пению этому примешивается музыка, очень тихая, но упорно-слышимая. Из „Щелкунчика“. Внезапно мне ясно: это мелькнуло „целое“ воспоминание. Рождество дома... А в нем – была и эта музыка. Под нее, раздвигая портьеру, появлялся маленький, добрый гном, раздающий подарки детям. Мама приучала меня – приглашать всегда с а м ы х б е д н ы х.

Мама излучала доброту. Ее неутомимые руки и доброе сердце т в о р и л и радость. Она думала о всех, забывая только о себе. Да, для мамы, всю ее жизнь, добро было видом творчества. Творчество – из всех Голубых Цветков – самый редчайший, и из всех Синих Птиц самая пугливая... Это распространяется – на всякое творчество... Каким скромным, молчаливым и тайным – было всегда „творчество“ мамы...

*

Чайник поет тоненько. Короткие зимние сумерки прошли, я не заметила. И на дворе – темно... Впрочем, – не темно; сегодня полнолуние, и луна – прямо против широкого моего окна. В комнате совсем светло. Особенно ярко освещен лунной полосой стол. На нем – что-то новое... И вдруг, я его увидела! – Кактус... Казалось, что он слегка вздрагивал, расправил свои веточки-руки на встречу лунному лучу. Маленькие бутоны, на концах веточек, превратились в цветы. Но – какие цветы! Каждый был белоснежным чудом. Одна из другой, выходят несколько розеток, увенчанных сверху золотой коронкой и малиновым султанчиком. Белоснежное чудо. Цветы эти – как балерины Дега. Нет, как лебеди из „Лебединого озера“. Это таинственный танец цветения. И в „Лебедином озере“, тоже есть сцена, когда балерины стоят долго, неподвижно, застыв...

*

Одиночество, в чужом мире... Но, когда, по всем меркам, следует, что жизнь – не удалась, остается еще одна, и немаловажная мерка: какой эта жизнь могла бы быть. И здесь заложен, возможно, особый план реальности, о котором мы знаем очень мало. Мира, в котором „...н е с б ы в ш и х с я снов вереницы, и цветенья н е п р о ж и т ы х дней...“

Ведь безнадежность – обратная сторона надежды. Ве-

рят ли в Алые Паруса только мечтатели? И вполне ли бесплодна такая вера? Но, ведь, трезвость, часто, еще более бесплодна! Иногда – труднее купить шнурки, чем воздушный замок.

Рядом, параллельно с повседневностью, непрерывное смешение Реального и Нереального. Оно приоткрывается нам в снах. Бесплотная „плоть“ снов... Во мне живет глубокая убежденность: неосязаемость снов, и их бесплотность – часть реальности, совершенно осязаемой реальности.

*

Сны бывают и расхожие, „разменные“, как медные деньги. Для таких кто-то составляет сонники... Одна знакомая, счастливая обладательница такого сонника, принимает многочисленные телефоны, от друзей, жаждущих раскрытия тайны их снов. Вот пример прямолинейного, однозначного, не терпящего противоречий сна: даме приснилась... сырая говядина! Сонник, конечно, объяснил; там все есть, по алфавиту. Как в энциклопедическом словаре.

Бывают сны очень простые, но трогательные. Моей знакомой, простой и чистейшей душе, в крайней бедности живущей в голодной Румынии, приснился сон: Погреб. Полно картошки. А наверху – Иисус Христос.

Ведь это – почти притча...

*

Но вообще – мир снов необъятен, возможно, шире и больше мира реальности. Уходя в сон, поднимаешься над землей, и с высоты этого полета, видишь очень далеко. Когда-то, читала в сказке: на облаке, под куполом неба, стоит золотая прялка. На ней – пучек золотой кудели. Конец тонкой, блестящей, сверкающей нити, брошен на землю. Избранник может поймать конец, и ткать из нити узоры, каких нет на земле.

А в снах – не нужно даже и ткать.

В сон можно уходить по-разному. Как по-разному можно было путешествовать на Луну, у Ростана. Можно, по золотому мостику взойти на хрустальный корабль. Да мало ли еще как... Но всегда надо сбросить „кожу змеиную“. Снять вообще все „реальное“, и остаться в том, в чем мы одеты в снах. А во что мы там одеты? Неясно как-то, этого – не заметила. Но всегда – легко и удобно. Сны – это воспоминания, превосходящие воспоминания реальной жизни. Что сравнится с тобой, дарованный нам тайный мир!

*

Чайник неожиданно после долгого молчания пропел тоненько, будто вспомнил что-то. И через этот тонкий, высокий звук, ушла я в сон. Как уходили дети у Гофмана в сказку, через рукав шубы.

*

В жизни каждого из нас встречаются случайности, которые дают нам ощущение прыжка в рай. И тоска по этому провиденному Раю, промелькнувшему в душе только мгновение, остается вечной тоской по его ясностям и обрадованиям. И само объяснение реальности – на дорогах этого рая. В жизни – дороги могут запутать шаги. Но не могут обмануть души.

*

Мне снится часто один и тот же сон. Я стою на мосту, и вглядываюсь в воду. Как в „Петербургских ночах“, которые очень любила, они были как символ всех жизненных встреч-разлук, когда всегда остаешься – о д и н на мосту... Но в моем сне – не свет белых ночей. Да и река – иная. Вода ее темная и мертвая, тяжелая и без блеска. И такая странная тишина. **Все** странно. И этот мост, как

будто – в Никуда. И кажется, что и берега нет, а только завеса тяжелого, черного тумана. Может быть, эта река – Лета?

Я не люблю этот сон.

*

А сейчас – мне снова снится река. Но как все и н а ч е! Светлый, ясный день. Река. Упругая, веселая вода завивается от прикосновения руки маленькими воронками. Я плыву по быстрому течению, в узкой, выдолбленной лодке, – у казаков такие называются каяками. Я плыву домой. Ощущение радости в груди. Я глубоко вдыхаю воздух, свободный теперь воздух, я это знаю, чувствую каждой фиброй своего существа. Но самое чудесное – это живое, ликующее течение, которое меня несет вперед. И ветер, свежий, и сильный, и чистый. Моя душа не вмещает радости...

Я знаю, я угадываю берега, – знакомые из целой цепи прожитых жизней. Это – Дон. И я знаю – меня ждет берег, мой единственный д о м.

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

Новая книга!!!

Ю р и й М и р о л ю б о в

Сказ о Святославе хоробре, князе Киевском книга I

Цена книги: в странах Западной Европы – НМ 59,-
в С Ш А и других заокеанских странах
30,- американских долларов.

Заказы с приложенными чеками или почтовыми
переводами посылать:

Frau J. Miroluboff
Heinrichsallee 35, 5100 Aachen,
West Germany

Г. Варягин

Итоги гумилевского года

Минувший год с полным правом мог бы называться Годом Гумилева. Это был год двух юбилеев выдающегося русского поэта XX века, последнего певца последней Империи. 14 апреля исполнилось сто лет со дня рождения, 25 августа – 65 лет со дня расстрела Николая Гумилева убийцами Царской Семьи – за участие в монархическом заговоре. Не только поэт, но и отважный воин-доброволец, один из немногих российских литераторов на полях сражений в Великой войне 1914 года, – после большевистского переворота Н. Гумилев оказался более достойным имени русского офицера, чем многие **кадровые** военные **бывшей** Императорской армии, изменившие своему Государю. В русской памяти имя Николая Гумилева останется символом верности и чести – тех бессмертных ценностей, которые придают высший смысл и его творчеству, его поэзии.

Приходит на память другой значительный юбилей, пятидесятилетней давности, который стал водоразделом между русской зарубежной культурой и советской „культурной революцией“: пушкинский юбилей 1936 года. Он стал острым идейным размежеванием между верными палдинами „старой“ – то есть **вечной**, подлинной русской культуры – и советскими исследователями, подчас высокого академического класса, но все же вынужденно выполнявшими „социальный заказ“. Произошло столкно-

вание двух культурных миров (в последних глубинах – Культуры и анти-культуры), двух отношений к наследию величайшего русского гения. В смысле добротности, и даже роскоши, советские издания Пушкина 30-х годов вполне могли соперничать с зарубежными, а чем-то и превосходить их (ведь все архивы Поэта остались на родине). Но что касается интерпретаций, толкований, осмысления духа пушкинских творений – советская „школа“ усердно приспособливала их для нужд „социалистического строительства“, с откровенностью цинической и подчас обезоруживающей (так, например, вышла целая монография в издательстве Академии Наук – под названием: „Пушкин и коммунизм“). Тогда как эмигрантская критика и наука – ибо в то время можно было говорить с полным основанием не только о „русской литературе в изгнании“, но и о русской Науке за пределами не существовавшей уже России! – обогащенная безмерно опытом пережитого, избавившаяся во многом от плоского позитивизма и социальной демагогии, наметила новые пути и подходы, новые темы в понимании Пушкина, исключительно плодотворные, захватывающе увлекательные, глубоко актуальные – не в смысле поверхностной газетной злободневности. То был могучий всплеск истинно русской культуры – на чужбине – увы, один из последних... Сколько прошло юбилейных собраний и встреч – во всех без исключения центрах российского рассеяния! Устроителей и участников их воодушевляло чувство острой, почти личной любви к Пушкину (не одна М. Цветаева могла воскликнуть: „Мой Пушкин“), который переживался тогда всеми изгнанниками, как живой символ России и русской культуры. И дело не ограничилось юбилейным воодушевлением: появилась обширная литература – бесчисленное множество газетных и журнальных статей во всех зарубежных русских периодических изданиях, брошюры, сборники, книги, серьезные научные труды. Сейчас почему-то эта пушкиноведческая литература „вышла из моды“. Даже замечательные статьи С. Л. Франка (собранные в отдельном томе) лишь

изредка снисходительно упоминаются новыми эмигрантскими академическими авторитетами – бывшими советскими литературоведами...

С одной стороны – независимые и подлинно свободные (при всем их бедственном положении) русские изгнанники, корнями своими уходившие в „серебряный век“, но и органически связанные с Европой, следуя заветам Достоевского (в его пушкинской Речи), воскрешали **дух Пушкина**, как основу грядущего восстановления отечественной государственности и культуры. С другой – имело место самое настоящее **угашение Духа**, начавшееся сразу же после 1917 года, убившее – отсутствием воздуха – А. Блока (на что он жаловался в **своей** предсмертной пушкинской речи), и – прямо, чекистскими пулями – Н. Гумилева. Это сказалось, и сказывается до сих пор, на том, **как** отмечаются юбилеи Пушкина в СССР. Объявив Поэта „национальной святыней“, фактически его задавили „бронзы многопудьем“, утопили в „мраморной слизи“ официальных славословий, вынув живую душу из его бесмертных творений.

Как же прошел нынешний юбилей – Н. Гумилева? Сознания значительности этого юбилея у нынешней эмигрантской публики, пожалуй, и не было вовсе. Насколько нам известно, даже и собраний специальных, посвященных памяти Поэта, не состоялось в русской (или русскоязычной) среде – скорой на устроение политических митингов определенной ориентации. В рамках **международного** Симпозиума в Париже **иностранцы** прочли несколько „блестящих“ (по отзыву одной русской газеты) докладов о Гумилеве – которого чествовали академически наряду с другими юбилярами – поэтами начала века. В Риме было сказано Слово о Гумилеве в апрельский юбилей – преимущественно для итальянской аудитории. Несколько статей, опубликованных с опозданием в газетах...

Скажут: но ведь Гумилев – не Пушкин. Да, это так. Пушкин – единственен и неповторим. Как единственен и неповторим Николай Гумилев. И если „родоначальник

новой русской литературы и современного русского литературного языка“ А. С. Пушкин в историко-литературной иерархии занимает место уникальное, и вполне заслуженно, – в ряду высших ценностей нашей культуры, нашей поэзии есть почетное и заслуженное место и для Н. С. Гумилева.

Более того. Поэт Николай Гумилев, жертва кровавой революционной бесовщины, десятилетиями „не существовавший“ у себя на родине, для **русской эмиграции** имеет значение едва ли не большее, чем Пушкин. Во всяком случае, ничуть не меньшее. Об этом свидетельствует сделанное русскими эмигрантами для спасения и сохранения памяти о Гумилеве – в то время как в Советском Союзе о нем запрещено было даже упоминать публично (когда стыдливо именовали его всего лишь „мужем Анны Ахматовой“!). В трудные послевоенные годы, в условиях – несравнимых с нынешними эмигрантской нищеты и обездоленности – энтузиасты издают в разрушенной и побежденной Германии на оберточной бумаге четыре скромных томика стихов Гумилева: драгоценный памятник не только Поэту, но и его самоотверженным почитателям. Затем – монументальное уже издание, трудами покойного Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, при участии выдающихся славистов русского происхождения: четыре обширных тома, без которых не может обойтись ни один нынешний исследователь Гумилева. Мемуарные свидетельства – до сих пор не собранные, к сожалению, в одном томе, в чем есть большая потребность. Публикации новонайденных произведений. Все это зримо дает почувствовать, **что** такое Н. Гумилев для **старой** русской эмиграции.

Но неужели – только для старого поколения эмигрантов? Ведь и в советской России – где произведений Гумилева не было не только в библиотеках, но и в букинистических магазинах, и где стихи его переписывались из тетрадки в тетрадку и заучивались наизусть – он неизменно почитался и ценился прежде всего в тех оппозиционных кругах молодежи, из которой, казалось бы, и состоит лучшая часть **новейшей** эмиграции. Отчего же

такая холодность, граничащая с равнодушием, незаинтересованностью? „Мне показалось, что о Гумилеве говорилось недостаточно, – делится своими впечатлениями с Парижского симпозиума А. Гинзбург, и тут же стыдливо оговаривается: – но, может быть, я и неправ“ («Русская мысль», 18.7.86). Помимо академического суесловия – несколько откликов в газетах, тогда как „престижные“ в эмиграции толстые журналы даже и не вспомнили о юбилее русского поэта! Лишь ИМКА-Пресс – самое культурное русское зарубежное издательство – издало том стихотворений (с очень бледным, правда, предисловием) и ценное собрание „Неизданного и несобранного“ Николая Гумилева (собранное и изданное **английскими** поклонниками Поэта). Жалкие „итоги“ юбилейного года. Стоит ли о них говорить в особой статье?

Но все же дело в том, что в этот юбилейный год Гумилева произошло нечто неожиданное. По определению одних в СССР (странным образом, подхваченному и некоторыми эмигрантами) – „возвращение“ Гумилева, по терминологии других, юридически и фактически более точной, – „реабилитация“ Поэта (в том специфическом значении этого термина, какой он имеет в Советском Союзе „после XX съезда“, то есть – **посмертная** реабилитация). 65 лет спустя, через шесть с половиной десятилетий – сколько же это поколений прошло? – после памятного и сегодня расстрела Поэта. После нескольких десятков лет упорного замалчивания, сознательного исключения одного из самых ярких и талантливых русских поэтов из национальной культуры...

В юбилейной статье о Н. Гумилеве в аргентинской «Нашей стране» автор, из новейших русских эмигрантов, писал: „Давно уже ввели в советский календарь В. Брюсова и „разрешили“ Вяч. Иванова, совершили канонизацию А. Блока, „простили“ Анну Ахматову и уступили натиску неистовых ревнителей О. Мандельштама. Но продолжает оставаться под фактическим запретом ученик первых двух поэтов, равносильный соперник рано сложившегося автора „Двенадцати“, сподвижник и мэтр двух

последних выдающихся представителей русской поэзии XX века. Причину этого мне в свое время, в Мордовских лагерях, разъяснил московский чекист-„интеллектуал“, специально приезжавший для бесед с интеллектуалами-„антисоветчиками“. Я спросил его, когда же будут издавать в СССР Н. Гумилева (тогда только что вышел том стихотворений О. Мандельштама). Он ответил коротко: „Никогда. В нашей литературе нет места монархистам“, («Наша страна», 17.5.86).

Не столь уж много воды утекло с того времени. Что же случилось? Неужели и в самом деле – как утверждают в некоторых эмигрантских (да и западных) изданиях – „монархисты“ стали вдруг дороги пришедшим к власти в Кремле „русским националистам“, с их неистребимым имперским инстинктом? Но если увеличилось в самое последнее время число русских (не псевдонимных) фамилий в верхних этажах власти – что ни о каком „русском национализме“ не свидетельствует, разумеется; если и пробивается тонкой струйкой русская тема в литературе и искусстве в последние годы и можно говорить о пробуждении национально-религиозного сознания в среде интеллигенции (**части** русской интеллигенции) – в запоздалой реабилитации Гумилева видится нам всего лишь очередная попытка советской власти **использовать** его имя в целях укрепления **своей** идеологии, **своей** политики, весьма далекой от национальных русских интересов. Как „используется“ режимом десятилетиями Русская Православная Церковь. Как **использован** был Пушкин в юбилей 1936 года, в **извращенном** виде приспособленный для целей формирования „советского человека“. В этом смысле официальная „реабилитация“ Н. Гумилева представляется явлением двусмысленным и опасным для памяти Поэта.

Правда, может быть и иной подход. Цитированный уже автор «Нашей страны», сетуя в юбилейной статье на то, что Гумилев – „единственный русский поэт, до сих пор 'не реабилитированный' советской властью“, далее писал: „Для эмигрантского сознания, возможно, это факт отрад-

ный и утешительный. Но подумаем о русских людях, живущих на родине, о молодом поколении, которое бредит величием императорской России, которое жаждет высокого идеализма и религиозного горения. Ведь это для них, прежде всего – яркая, зажигающая, вдохновляющая поэзия Н. Гумилева, но они-то и лишены ее...”

Что же, получают русские молодые люди, наконец-то, доступ к Н. Гумилеву?

На недавнем писательском съезде академик Д. С. Лихачев подчеркнул в своем выступлении: „Я хочу обратить ваше внимание на то, что у Гумилева нет ни одной строчки антисоветской“. Подобные аттестации, как видно, и поныне требуются для успеха „реабилитации“ **поэта**, убитого 65 лет назад по обвинению в самом для советчиков страшном преступлении – инакомыслии. Теперь предстоит поработать советским „научным работникам“ и критикам, чтобы „очистить“ Гумилева от малейших подозрений в нелояльности – „подготовить“ Поэта для „правильного“ восприятия советским читателем. Но здесь-то и произойдет то, что – говоря словами самого Поэта, „было не раз“: „схватка глухая и упорная“ между официально уполномоченными гасителями Духа, которые всячески будут „приспосабливать“ Гумилева к очередному зигзагу партийной линии, – и Словом Поэта, которое (хотим верить!) пробьется к читателю сквозь весь этот чад официозной псевдо-культуры. Дай-то Бог!

Именно в связи с этим мы и хотим посмотреть, под каким „соусом“ был подан Н. Гумилев в юбилейных советских публикациях, **как** он был представлен тем читателям, большинство из коих впервые услышало его имя, прочло его стихи. И – сравнить официальную советскую реакцию с тем, как отзывались на это событие наши эмигрантские „делатели общественного мнения“.

С советской стороны недобрым словом помянули пресловутых „западных социологов“, которыми „Гумилев интерпретируется как убежденный борец против большевизма“, которые „объясняют рост 'второй популярности' (!) Гумилева не как поэта, а как человека, 'безвинно пос-

традавшего' (обратите внимание на эти „иронические“ кавычки – Г. В.) от советской власти“. Эмигрантская прогрессивная пресса с наигранным презрением отметила, где появились публикации стихов Гумилева – „с опозданием на 63 года“: „в двух наиболее одиозных (!) московских еженедельниках – газете «Литературная Россия» и журнале «Огонек»“. Отметим для тех, кто не знает, что журнал «Огонек» издается полуторамиллионным тиражем, так что напечатанные здесь стихи Н. Гумилева (в юбилейном „ленинском“ номере!) сразу же стали известны практически всему, читающему по-русски, населению СССР. А среди этих стихов – были и знаменитые „Капитаны“. Напомним, что публикация в „одиозной“ «Правде» стихотворения Е. Евтушенко „Бабий Яр“ в свое время никак не помешала широкой известности этой гражданской декларации...

Любопытна версия, излагаемая московским корреспондентом одной западной газеты. Он именует Гумилева „тонким поэтом, который мечтал о недоступных африканских пейзажах“, и продолжает: „Расстрелянный в 1921 году за участие в 'контрреволюционном заговоре', недавно он был 'реабилитирован': в апреле месяце в «Огоньке» появились некоторые его стихотворения. В последнем же номере «Вопросов литературы» было сделано гораздо большее: его наименовали 'великим русским поэтом' и его произведения были предложены для знакомства широкой публике“. Из сказанного западный корреспондент делает свой вывод: „Этот случай заслуживает особого внимания. Гумилев – элитарный поэт, его поэзия выражает внутренний мир, далекий от среднего понимания. Это значит, что его юбилей и наименование его великим поэтом, говорит что-то прежде всего интеллектуальной элите. И это – знак того, что власть стремится привлечь к себе также и наиболее элитарные группы советской интеллигенции“.

Последнее соображение не лишено некоторых оснований, только следует учитывать, что в „элитарных группах советской интеллигенции“ существуют два течения, отк-

ровенно враждебные одно другому: пресловутая „Русская Партия“, которая, по всей вероятности и настояла на необходимости „реабилитации“ Гумилева, и либерально-западническая интеллигенция, которая постарается (как это всегда бывало) на этом приобрести **для себя** изрядный капитал. Представителем этой последней выступает Е. Евтушенко, который и на сей раз поспешил быть в числе первых – в «Литературной газете» (14.5), вот уж поистине **одиозном** органе откровенного антирусского направления; поспешил обрушиться на тех, кто, дескать, уже „косметирует“ Гумилева „под оперный образ с привкусом 'Гей, славяне'!“. (Непонятно, зачем понадобилось кривить душою Р. Н. Редлиху, который выдал комплимент в «Посеве» (№8, 1986), этой будто бы превосходно написанной „двоемысленной“ статье).

Для Е. Евтушенко и юбилей Гумилева, и „реабилитация“ Поэта стали лишь поводом для обычной безудержной само-рекламы. Прежде всего, он спешит предупредить читателей – „я к безоговорочным поклонникам Гумилева не принадлежу“, – заявление для юбилейной статьи, по меньшей мере, неуместное. Со снисходительностью мэтра (мимоходом роняющего: „даже у Пушкина есть плохие строки“, „у Ахматовой меньше плохих стихов, чем у Гумилева“) творит Евтушенко будто бы объективный суд над Поэтом, образ коего строит по своему жалкому подобию. Он, видите ли, „не разлюбил стихи Гумилева“, но это „не мешает“ ему „**не идеализировать**(!) его, видеть в ряде его стихов театральщину, африканскую хаггардовщину, наивно-мелодраматическое суперменство“. Что же, таким недостойным путем, посмертным **унижением** Поэта „подготавливается издание его стихов“ в большой серии «Библиотеки поэта», – как пишет «Посев».

Но наряду с этой внешне наигранно-снисходительной (на деле же ревнивой и завистливой) позицией у Евтушенко есть и другой момент, более гнусный: попытка подогнать Поэта под советские идеологические стандарты. „Если Гумилев был убежденный контрреволюцио-

нер, то почему же у него нет ни одного контрреволюционного стихотворения?“ – здесь, надо понимать, Евтушенко **иронизирует**. Но это – **подлая ирония**. Евтушенко хочется и здесь поиграть в нон-конформизм, продемонстрировать свое будто бы интеллектуальное превосходство над теми, кто утверждает подобную чепуху. Какой там „контрреволюционер“, что за глупости! „Я... думаю, – читаем в его „двоемысленной“ статье, – что в Гумилеве, как и во многих интеллигентах его круга, происходила мучительная, душераздирающая борьба, толкавшая его из одной стороны в другую“. Это – кокетливая авто-проекция себя самого на Поэта, вдвойне лживая и неосновательная. Евтушенко дает понять читателю, что в нем самом происходит эта „душераздирающая борьба“ – дескать, как у Гумилева и интеллигентов его круга. Но никакой мучительной борьбы у стандартного советского писателя, лишь **играющего** в оппозицию, никогда не было и в помине: слишком он легковесен и беспринципен, и как человек, и как стихослагатель. С другой стороны, никакой „борьбы, толкавшей его из одной стороны в другую“ не было в помине у Н. Гумилева – человека исключительно цельного и единомысленного, глубокого и принципиального, чем Поэт и отличался от „многих интеллигентов его круга“.

Хочется процитировать здесь строки одной статьи, посвященной Поэту, и помещенной в юбилейные дни в национально-русской эмигрантской прессе: „Н. Гумилев вообще 'выпадает' из русской **интеллигенции**. Ему совершенно чужды родовые признаки этого двусмысленного 'ордена' (определение Г. Федотова): вечная игра в оппозицию, словесное революционерство – то бишь демагогия, позитивизм, антинационализм и отступничество не только от Церкви, но и от религии вообще. Созвучны его миропереживанию слова Розанова: „в России 'быть в оппозиции' – значит любить и уважать Государя, быть 'бунтовщиком' в России – значит пойти и отстоять обеду“.

Вот еще один пассаж в поистине „двоемысленной“

„реабилитации“ Н. Гумилева – здесь у Е. Евтушенко чувствуется тон военного прокурора: „нет никаких свидетельств того, что Гумилев был замешан в **боевых** контрреволюционных действиях“. Ну, а если бы такие свидетельства – **были**? Если бы боевой офицер Н. Гумилев – оставаясь при этом автором прекрасных сборников „Колчан“, „Костер“, „Огненный столп“, этих сокровищ русской лирики – **был бы** „замешан“ в „действиях“? Тогда, очевидно, нужно было бы ожидать по меньшей мере 150-летнего юбилея для его возможной реабилитации, для возвращения ему законного места на русском Парнасе?

Но верхом интеллектуальной и человеческой низости Евтушенко нужно считать следующую его фразу: „Не известно ни одно монархическое высказывание Гумилева, и вообще монархизм в его кругу считался дурным тоном“.

Напомним еще раз, что Н. С. Гумилев был расстрелян по приговору Петроградского суда; он обвинялся в участии в заговоре монархической Петроградской боевой организации, возглавлявшейся сенатором В. Н. Таганцевым. Согласно Евтушенке, никаким монархистом Гумилев вообще не был... Что же, имела место „судебная ошибка“?

В одной недавней советской публикации приводятся слова Константина Симонова – сталинского лауреата, всемогущего чиновника от литературы, который и после „оттепели“ 1956 года продолжал успешно делать свою карьеру: „Некоторые литераторы предлагали чуть ли не реабилитировать Гумилева через органы советской юстиции, признать его, задним числом, невиновным в том, за что его расстреляли в двадцать первом году. Я лично этой позиции не понимаю и не разделяю. Гумилев участвовал в одном из контрреволюционных заговоров в Петрограде – это факт установленный...“

Если бы Е. Евтушенко, подобно неведомым нам „некоторым литераторам“, потребовал юридической реабилитации Н. Гумилева – это одно, такая позиция могла бы даже вызвать к нему уважение. Но в своей статье в «Литературной газете» он всего лишь голословно опро-

вергает, что Поэт был монархистом по своим убеждениям – и тем самым **морально дискредитирует** Н. Гумилева, прекрасно зная, что в СССР никто не сможет защитить честь расстрелянного чекистами Поэта. Ибо вопрос о **монархизме** Н. Гумилева – это вопрос о его **чести**.

В этом смысле более объективен – и более честен интеллектуально, автор другой обширной статьи о „Поэте Николае Гумилеве“ Владимир Карпов (избранный недавно Первым секретарем Союза советских писателей) («Огонек», сентябрь 1986, № 36).

В. Карпов анализирует Поэта, что называется, с „классовых“ позиций – как и полагается по его новой высокой должности: „Гумилев был представителем своего класса, разделял идеи и взгляды того общества, к которому принадлежал, поэтому вполне естественно, что и в его стихах отразились монархические взгляды...“

Что ж, порой подобные четкие оценки со стороны человека противоположной идейной ориентации говорят нам больше, чем двусмысленные инсинуации хамелеона, не имеющего собственного мнения (или привыкшего всегда таить его), и свою бесхребетность приписывающего всем другим. Оставляя в стороне словесную аранжировку (которую опытный читатель в СССР пропустит мимо ушей), из этого легко понять, **что** хотел сказать автор: монархические взгляды Н. Гумилева – **вполне естественны**. И далее он еще раз повторяет – о „несомненно монархических убеждениях Гумилева“. Нечто, прямо противоположное инсинуациям Е. Евтушенко.

Правда, здесь же В. Карпов подчеркивает: „Он (Гумилев) считал себя поэтом, жил литературой, весь был в литературных замыслах, спорах, увлечениях“. Все верно. Но дело в том, что одно другому – не мешало! Это лишь советская партийная идеология самых своих преданных функционеров от литературы заставляет „наступать на горло собственной песне“. С монархическими убеждениями – не так.

Вспомним Пушкина, гордо ответившего на низкие обвинения в его адрес:

Нет, я не льстец, когда Царю
Хвалу свободную слагаю...

Не случайно свидетельствовал Гоголь в „Выбранных местах из переписки с друзьями“: „Высшее значение Монарха прозрели у нас поэты, а не законоведцы“.

Н. Гумилев был монархистом, оставаясь Поэтом, и прекрасным Поэтом! И так как **несомненно**, его „монархические убеждения“ были глубоки и органичны они естественно „отразились“ и в его творчестве. А помимо убеждений были еще и „нормальные монархические чувства (В. Розанов), **противоположностью** коих является – „неспособность к любви, привязанности, доверию, обожанию“ (тот же Розанов). Вспомните восторг Николая Ростова при виде Императора – у Л. Толстого в „Войне и мире“, или переживания, описанные в бунинской „Жизни Арсеньева“ в связи с похоронами Великого Князя Николая Николаевича (фрагмент, выпускавшийся в первых советских публикациях романа Бунина, после его „реабилитации“).

Но на том основании, что Гумилев – монархист, – искать у него „контрреволюционные стихи“ и „антисоветские высказывания“ – глупо и непорядочно со стороны тех, кто и себя относит к литературному цеху. Монархизм – не идеология, не политическая программа (в России никогда не было монархической **партии**, как таковой): это – особое мировоззрение, тип миропереживания, такой подход к жизни, который находит свое наиболее законченное выражение в самом **стиле жизни**, в рыцарском и действенном служении идеалу, персонифицированному в личности Государя. Такое миропереживание у поэта, писателя естественно отражается и в его творчестве. Таким монархистом был зрелый Пушкин; таков был монархизм Тютчева и Достоевского; о таком монархизме Н. Гумилева мы можем и должны говорить без ложного „стыда“ за Поэта, который никогда не скрывал своих мыслей, не двоился, был прям и честен. Его стихотворение „Воин Агамемнона“ заканчивается словами:

Тягостен, тягостен этот позор –
Жить, потерявши Царя.

При всем том нельзя не признать частичную правоту Евтушенки, когда он пишет об отношении к монархизму, как „дурному тону“ в тех „кругах“ (литературных), с которыми тесно соприкасался Н. Гумилев. Действительно, все почти современники Поэта, которые оставили о нем свои воспоминания, как-то неохотно, сквозь зубы говорят о его монархизме, как бы „прощая“ ему этот странный каприз. В. Ходасевич, рассказывая подробно о последней своей встрече с Гумилевым, перед самым арестом, ограничивается фразой: „Мне почему-то запомнился только его рассказ о пребывании в царскосельском лазарете, о Государыне Александре Федоровне и Великих Княжнах“. Содержание этого рассказа мы так никогда и не узнаем. Н. Оцуп весьма своеобразно „оправдывает“ монархизм Гумилева: дескать, это вовсе не было „мракобесием“ „Союза Русского Народа“ – „он любил в самодержавии идею монархии дантовской (?!), всемирной...“ Наконец, о „заговоре явно несерьезном“ пишет Вл. Вейдле (вторя С. Маковскому). „Несерьезный“ – Таганцевский заговор, по которому было расстреляно 62 человека!

Этот последний вопрос обширно трактует – впервые в советской литературе В. Карпов. Он оговаривается, что „не знает подробностей дела, не будучи знаком с материалами следствия“ – но кто может похвалиться знакомством с архивами КГБ?

Правда, в свое время в осиповском «Вече», то есть в Самиздате был опубликован интереснейший материал о следствии, об отношении к Гумилеву его следователя, оказавшегося поклонником его поэзии... (Никто не вспомнил об этой публикации в юбилейном году – потому еще, видимо, что и сам Вл. Осипов перестал интересоваться русскую эмиграцию). Нынешнее официальное отношение к Н. Гумилеву в Советском Союзе – в появившихся некоторых статьях и материалах – заставляет вспомнить об этом интеллигентном следователе из первых чекистов...

Вернемся к статье В. Карпова, который благоразумно „не берется судить о степени виновности Гумилева“, но старается показать, что все было законно – „в те годы,

когда... были и открытые суды“, что о заговоре Таганцева... было подробное сообщение в газете“. (Если не ошибаемся, он цитирует из напечатанного в «Петроградской правде» списка расстрелянных участников заговора). О тогдашних „судах“ с беспощадной откровенностью написано в „Архипелаге ГУЛАГ“, и остается лишь пожалеть, что А. И. Солженицын не счел необходимым упомянуть о суде над монархистами, в числе которых был и поэт Н. Гумилев.

В. Карпов выдвигает свою гипотезу об обстоятельствах и степени участия Гумилева в заговоре – гипотезу правдоподобную, но и как бы ищущую оправдания для Поэта: дескать, как офицер, он не мог отказаться, когда ему предложили, когда его пригласили, когда его попросили... Возможно, так оно и было: Гумилев не был инициатором, организатором заговора, а лишь одним из его участников. Но, преуменьшая, „ослабляя“ степень **сознательности** участия Поэта в монархическом заговоре, советский автор (интересно, отдает он себе в этом отчет, или просто не может поступить иначе?) тем самым бросает тень на репутацию Гумилева...

И все же В. Карпов и здесь выгодно отличается от Е. Евтушенко, который в таком лихом комсомольском стиле повествует: „Одна из белогвардейских легенд (!) гласит, что Гумилев перед расстрелом якобы пел „Боже, Царя храни...“ Если так оно было, то Гумилев мог сделать это скорее из духа противоречия, чем по убежденности...“ Видимо, не имея собственных прочных убеждений, за которые можно пойти на смерть, трудно – да и унижительно для самого себя – допустить, что они могли быть у другого, истинного Поэта...

Объективно же, из того, как излагает свои соображения В. Карпов, зловещая тень ложится скорее на суд, творивший кровавую расправу, а не на Гумилева. „Активно содействовал в составлении прокламаций контрреволюционного содержания“ – это из Обвинительного заключения. У Карпова: „Насколько мне известно, он эту прокламацию не написал... Дальше в обвинении сказано 'обещал

связать'... Но в газете ведь не сказано, что он это обещание выполнил". Ситуация, можно сказать, классическая для советской юстиции: намерение, обещание, словесная формула – приравниваются к совершенному преступлению! И приговор за это – смертная казнь!

К сожалению, В. Карпов в своих „мотивах реабилитации“ не удержался от самого, видимо, убедительного для советской психологии аргумента – но и самого для нее убийственного. „Самое убедительное, на мой взгляд, доказательство вероятной лояльности Гумилева в том, что у него нет антисоветских стихотворений. Ни одного!“ – пишет он, повторяя то, что мы слышали уже и от академика Лихачева, и от Евтушенки.

Но по этой логике следует признать справедливым осуждение О. Мандельштама за его „антисоветское“, против Сталина написанное стихотворение; законным надо будет признать, что уже в наши дни сгноили в лагерях и сумесшедшем доме поэта Валентина Соколова-Зека – за его „антисоветские стихи“!

„Антисоветских стихов“ в смысле политических деклараций Н. Гумилев, действительно, никогда не писал. Он вообще принципиально не касался „политики“ в своем творчестве – она лежала за пределами его поэтики, у него вообще отсутствуют „социальные мотивы“ в традиционном смысле этой затасканной формулы. Самый монархизм Гумилева – если все же считать его „политикой“ – выражался не в „лобовых“ программных заявлениях-в-рифму, а в самом строе политического миропереживания. А его миропереживание, весь его внутренний мир, бесконечно глубокий и многообразно-богатый, по своей сути был отрицанием той **идеологизированной пошлости**, какой с самого начала была собственно „советская“ поэзия. В таком смысле, как бы его не „реабилитировали“ в Советском Союзе, Н. Гумилев, можно сказать с гордостью, всегда останется **АНТИ-СОВЕТСКИМ** Поэтом. Как анти-советской, по глубочайшей своей эстетической сути, является всякая истинная Поэзия.

Как же оценивают **поэзию**, творчество Н. Гумилева новейшие советские авторы в первых статьях после реабилитации? Для сравнения напомним, что за двадцать лет до официальной реабилитации, в 1964 году, „Краткая Литературная Энциклопедия“ поместила небольшую заметку о Поэте, подписанную А. Д. Синявским (Абрам Терц). В ней Гумилев был представлен следующим образом: „...призывает 'оздоровить' современную цивилизацию, ориентируясь на человека 'без предрассудков' – жестокого и храброго воина. Выраженная в некоторых его стихах мечта о 'подвиге' и 'геройстве' носила реакционный характер“. Здолго до того, как Абрам Терц подверг поношению Пушкина и Гоголя – то же самое проделал он и с Н. Гумилевым, пользуясь типично советским словарем и приемами. Заключение в презрительные кавычки слова Гумилева о **подвиге** – видите ли – имеют „реакционный характер“, тогда как те же самые слова у его учеников, „ранних“ советских поэтов (типа Э. Багрицкого) – по словам А. Д. Синявского, проходят „под знаменем революционной романтики и боевого мужества“...

Но вот, публикатор подборки стихов Н. Гумилева в „одиозном“ «Огоньке» (апрель 1986, № 17) – ограничившийся самыми элементарными биографическими данными в небольшой вступительной заметке, сумел все же выразить свое неподдельное восхищение личностью Поэта в словах: „Н. Гумилев добровольцем пошел на фронт. Его храбрость и презрение к смерти были легендарны. Редкие для прапорщика награды – два солдатских 'Георгия' – служат лучшим подтверждением его боевых подвигов“.

Эта крохотная заметка немедленно получила „ответ“ партийного функционера от литературы на VIII съезде писателей СССР: „Тон – предельно апологетический, ни слова об идейных позициях поэта, о его месте в общественно-политической жизни эпохи. При всем уважении к тому лучшему, что остается жить в поэзии Гумилева, справедливо было бы все-таки не давать столь одностороннего освещения этой сложной, отнюдь не

лишенной противоречий фигуре“ («Вопросы литературы», 1986, № 9, стр. 45).

Видимо, ответом на эту „партийную критику“ и стала упоминавшаяся выше большая статья В. Карпова в том же «Огоньке» – видимые недостатки которой, можно объяснить необходимостью успокоить взволновавшиеся партийные верхи. Даже язвительная Юлия Вишневская в бюллетене Исследовательского отдела Радио «Свобода» (157/86) отметила ее „высокий интеллектуальный уровень“. Мы бы сказали, что основные достоинства статьи В. Карпова все же в том, как он рассматривает **личность** Н. Гумилева, но не в оценке гумилевской поэзии...

Действительно, он пишет в самом начале своей статьи: „Он (Гумилев) был щедро одарен природой, обладал могучим и оригинальным талантом, но, к сожалению, осуществить в полной мере свой талант ему не довелось. Он издал несколько сборников стихов... они свидетельствовали о процессе формирования поэта и были своеобразными подступами к тому взлету, который обещали его возможности“.

С точки зрения историко-литературной, суждение более чем странное. Это все равно, как если бы сожалеть о том, что „не осуществили в полной мере свой талант“ Лермонтов и Пушкин, погибшие столь рано. Н. Гумилев, ушедший из жизни в 35 лет (немногим „моложе“ Пушкина!), занимает вполне определенное место в русской поэзии, он оставил после себя исключительно богатое литературное наследие – и судить о нем надо по сделанному, а не по тому, что он **мог** сделать **еще**. Его поэтические сборники, буквально каждый, ярко оригинальны; да, они свидетельствуют о **эволюции мастерства** Поэта, но считать их всего лишь „подступами“ к будто бы несостоявшемуся „взлету“ – неисторично, нелогично, странно.

Странность эта, однако, может быть легко объяснена. Как нам кажется, В. Карпов тем самым выражает боль и сожаление о преждевременной – можно было бы сказать, **трагически-нелепой** – гибели действительно „могучего и оригинального таланта“, безжалостно уничтоженного как

раз **на взлете...** С таким подходом нельзя не согласиться, – если видеть в нем гражданскую позицию современного русского литератора („понюхавшего“ в свое время лагерей).

Правда, невольно напрашивается одно соображение, попутное. **Ученикам** Гумилева в этом отношении, можно сказать, „повезло“: многие из них дожили до самой глубокой старости. Одни, оставшиеся на родине – такие, как Н. Тихонов, В. Рождественский (к ним можно добавить С. Городецкого – не ученика, но прямо сподвижника Поэта по акмеизму) сделали даже значительную карьеру по литературно-административной линии. Но – перестали существовать, как поэты, хотя и публиковали регулярно свою продукцию. Их судьбу можно было бы назвать трагической, если бы не сами они добровольно выбрали путь компромиссов и соглашательства: путь измены Поэзии. Другие, оказавшиеся за рубежом – такие, как И. Одоевцева, Г. Иванов – пережили много лишений и материальных бедствий. Последнего принято хвалить сейчас, и даже «Континент» опубликовал статью, в которой утверждается, будто Г. Иванов был – „монархист до мозга костей“ («Континент» № 49, стр. 334). Но Г. Иванов – изменил Поэту, своему Учителю – по зависти ли, или по мелочности натуры. В своих воспоминаниях он максимально **искажил** образ Н. Гумилева, посмертно унизил его. Ему хотелось непременно убедить читателя, будто „по-настоящему“ Гумилева интересовала только и исключительно поэзия. „В Африке ему было жарко и скучно, на войне мучительно мерзко, в пользу заговора, из-за которого он погиб, он верил очень мало“. Поистине, мерзкая и скучная ложь, которая легко опровергается прежде всего самими стихами Поэта.

И вспоминаются прекрасные слова Н. Гумилева – о „несравненном праве **самому** выбирать свою смерть“: „Поэт – всегда господин жизни, творящий из нее, как из драгоценного материала, свой образ и подобие. Если она оказывается страшной, мучительной или печальной, – значит, таковой он ее захотел“. Смерть Н. Гумилева и

страшна, но и по-своему прекрасна. Она достойно венчает его жизненный путь.

Возвращаясь к суждениям В. Карпова о поэзии Н. Гумилева, нужно учитывать, что он не историк русской литературы начала века, и пишет для массового читателя, которому и адресован еженедельник «Огонек». Но проблема не в том, что „Герой Советского Союза, писатель В. В. Карпов“ (как он представлен Редакцией) пишет недостаточно профессионально о лирике. Беда в том, что советские **профессионалы**, университетские профессора с научными степенями, сплошь и рядом, пишут ничуть не лучше, даже и в специальных исследованиях, предназначенных для квалифицированной „узкой“ аудитории! Более того, автор статьи в «Огоньке» – „бывший советский офицер“ – в наиболее рискованных моментах высказывается гораздо определеннее и смелее, чем постоянно лавирующие и хамелеонствующие литературоведы. Недостатки его статьи – прямое отражение жалкого состояния „советской историко-литературной науки“: общая серость, бесцветность стиля, полное отсутствие мысли, какая-то удручающая, инфантильная беспомощность, неумение и неспособность найти точное и живое слово для характеристики поэта, определения его индивидуальности – ибо самому надо быть личностью, чтобы сказать что-то дельное о гениях прошлого. Нельзя не почувствовать сожаления, и даже зависти в словах В. Карпова, описывающего „литературную жизнь той (!) эпохи“: „разнообразие мнений и суждений, существовавших **в то время**“.

Но, увы, сам он покорно следует установившимся трафаретам стиля, общепринятой схеме. И вот, выстраивается совершенно произвольная, **ложная** литературная иерархия. В. Брюсов – в сущности, никогда и не подвергавшийся особой опале в советское время (ведь он исхитрился записаться в партию большевиков сразу же после революции 1917 года!) – оказывается самым надежным авторитетом для сложной эпохи начала XX века: отсюда и обилие ссылок на него. А. Блок, – которого все настоя-

чивее делают „Пушкиным советской эпохи“, – авторитет неменьший; поэтому его (очень пристрастное, крайне субъективное) мнение о Гумилеве и акмеизме подается как объективная истина. Даже Вяч. Иванов „реабилитированный“ прежде Гумилева, используется, как заслуживающий безусловного доверия критик нашего Поэта. А ведь на деле все было неизмеримо сложнее, многограннее, разнообразнее. **Символисты** В. Брюсов, Вяч. Иванов, А. Блок – хотя молодой Н. Гумилев и прошел у них период ученичества – естественно, находились в историко-литературной оппозиции к акмеизму, пришедшему на смену **их** поэтическому направлению. (К чему можно было бы добавить сложность и **личных** взаимоотношений). То, что говорится об акмеизме в статье В. Карпова, просто не заслуживает внимания. Дежурная формула о „близости к реальной жизни“ у позднего Гумилева, который будто бы „отходит от им ж здесь автору **хотелось**, конечно, сказать очень многое. Но на узаконенном литературоведческом жаргоне, увы, многого не скажешь...

А что же Е. Евтушенко, претендующий на знание поэзии XX века? Увы, и этот доморощенный советский „эстет“ не побрезговал использовать авторитет А. Блока, чтобы принизить акмеиста Н. Гумилева, к которому он явно не испытывает симпатии. Но кажется даже странным, что и для него – несомненного почитателя О. Мандельштама – акмеизм, давно ставший предметом серьезного изучения, все еще закрыт для понимания. Неужели так далеко зашел его оппортунизм, что он не рискует выделяться суждениями пусть и не оригинальными, но „еще не признанными“? Нельзя же допустить, что Евтушенке неизвестно это определение акмеизма: „тоска по мировой культуре“. А в послереволюционном акмеистическом манифесте О. Мандельштам утверждал с полным правом: „Акмеизм не только литературное, но и общественное явление в русской истории. С ним вместе в русской поэзии возродилась нравственная сила“. Замеча-

Не бываю тебя въ живыхъ,
Со снѣгу не встать...
Двадцать восемь штнковыхъ,
Огнестрѣльныхъ плтв.
Горькую обновушку
Други шила я
Любитъ, любитъ кровушку
Русская Земля.

Анна Ахматова.

1921. Августъ.
Петербургъ.

тельно верное определение! И судьба трех самых выдающихся представителей акмеизма в русской поэзии – Н. Гумилева, самого О. Мандельштама и А. Ахматовой – лучшее свидетельство нравственной силы в поэзии! Какой и в помине нет у советских псевдо-поэтов.

И, наконец, еще одним авторитетом злоупотребляет Евушенко; он приводит мнение Б. Эйхенбаума (которое никак не может быть обязательным для всех): „Русь пока не дается Гумилеву, 'чужое небо' было ему свойственнее“. Похоже, что это и его, Евушенки, мнение, которое он хочет навязать читателям. Но это – низкая ложь! Если так много говорят сегодня о „России Блока“, с гораздо большим основанием и правом, можем и должны мы говорить о **России Николая Гумилева**. Вот уж действительно, в ней нет „туманностей“ блоковского символизма.

Н. Гумилев – глубоко русский поэт по самому типу своего миропереживания, даже и в самых экзотических стихах. О нем можно сказать словами Достоевского: „русский скиталец с мировой тоской“; ни у кого из русских поэтов нет **такого**, специфически **русского переживания** чужих культур и цивилизаций. Вот прекрасная формула его характерно-русского миропереживания: „Славянское ощущение равенства всех людей и византийское сознание иерархичности при мысли о Боге“.

Тема России появляется уже у раннего Гумилева – когда в корреспонденциях из Парижа он вспоминает „былину о Вольге – самое величественное произведение русского духа“, когда восхищается Н. Рерихом, „глубоко национальным русским художником“, когда ищет корни русского христианства, углубляясь в византийское наследие. **Чувство** России становилось у Гумилева все более зрелым и могучим; оно продиктовало ему эти замечательные строки:

Золотое сердце России

Мерно бьется в груди моей.

Важно и то, в какой перспективе воспринимает Поэт Россию – свою земную родину:

Я – угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле.
Я возревновал о славе Отчей
Как на небесах, и на земле.

Эти строки (далеко не единственные по своему духовному наполнению) открывают еще одну грань души и творчества Н. Гумилева. (Излишне говорить, что ни в советских, ни в эмигрантских юбилейных статьях не было сказано об этом ни слова). **После Лермонтова и Тютчева Н. Гумилев – самый религиозный русский поэт.** И не просто абстрактно религиозный, на манер некоторых его современников и нынешних стихоплетов. Вслушайтесь:

Верной твердынею Православья
Врезан Исаакий в вышине...

У Гумилева, особенно в последних стихах, нет лишних слов. Каждое – весомо, значимо, бездонно глубоко. Это, в конце концов, и составляет требование акмеизма, который – по определению Поэта – есть „мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь“.

То, чего нам так не хватает ныне. Как на родине, так и в эмиграции. Быть может, благодарная память о Н. Гумилеве заставит нас пробудиться, разбудит в нас дремлющую нравственную силу, мощно напомнит о Родине, Вере, Верности.

Поправка

В статье Г. Варягина „Итоги гумилевского года“ на странице 187, по вине типографии, пропущено несколько слов. На этой странице с 17-й строки сверху, после слова „который“, следует читать: «будто бы „отходит от им же придуманного акмеизма“, ничего не раскрывает в его поэзии – хотя и» – и дальше как в тексте.

„Уважаемый господин Красовский!

С большим интересом и сочувствием я прочел многие Ваши материалы, ибо целиком поддерживаю идеи Л. Бородина (№ 15). „Год чуда и печали“ я считаю вообще очень хорошей литературой. И поэтому не сомневаюсь в уместности таких материалов как В. Вулич (№ 21), Ф. Светова (№ 20), Вербова (№ 21) и других.

Однако есть, на мой субъективный взгляд, и перегибы. „Ограбление“ (№ 19) Сергеева – один из них. Дело даже не в том, что „Мастер Гамбс и Маргарита“ Май Каганской – очень хорошая, тонкая книга. И она, безусловно принадлежит русской культуре. А в той внутренней лжи, которая стоит за вполне правдиво выстроенными фактами.

Не смею докучать Вам анализом, но кратко сообщу, что считаю врагами России не тех, кто к ней безразличен, а тех, кто ей вредит!

И еще я вижу разницу между „патриотизмом“, который есть любовь к Родине, любовь к своему народу и „национализм“, который – суть ненависть к другим.

Знаете, я уехал из Москвы монархистом. До сих пор гербы на занавесках, одежде. Там это было формой внутреннего протеста против режима. Здесь же пришло и понимание невозможности реставрации, и внутренний протест против неравенства по-происхождению, по крови. Очень начал ценить свободу и право выбора.

Ненависть – удел слабых. Русские очень сильны и для момента, и исторически. Снисхождение не ослабит Национального правового государства... Бороться же следует с предателями **собственного** поля; с Максимовыми и Иловайскими и иже. Им нет пощады! Если же чужаки принимают идею Служения России – пусть их...,

В.Т., Париж.

„Глубокоуважаемый Олег Антонович!

...Редактируемый Вами «Вече» очень созвучен тому состоянию ума, к которому (не сразу) пришла я. Хорошо понимаю, что взяться за нелегкую задачу „оправдания“ нашей России и ее вневременной сути – значило для Вас подвергнуть себя жестоким нападкам и всевозможным скорбям. Ведь в Россию нынче принято плевать, за это, к тому же, хорошо платят. Правда, бездарность поношений России, написанных русскими буквами, мстит уже сама за себя. Тягостное чувство оставляет вся эта серятина, вроде «Форума», «Страна и мы», «Трибуна» (уже, наверное, „покойная“) и пр., ополчившаяся на нас.

Однако, как ни злобствуй, а все самые большие современные писатели – русские. Их метафизический дар – талант – данный им Господом, и вызывает наибольшую злобу у недалеких бездарей, которым было сказано: „се оставляет дом ваш пуст“. Вот и лают эти злобные моськи-плюралисты на богатство наше. Но они не знают, что мы – непобедимы: ведь и малая горстка русских, заведомо творящих волю Господа нашего Иисуса Христа может изменить (и изменяет!) русло истории. Все это зверье беснуется, но скоро придет его час. Нам же необходимо противостоять ему и непременно выстоять в этой нечеловеческой схватке.

Мне не безызвестно, что и многие русские в последнее время поддаются искушению и причиняют вред Вашему «Вече». Постарайтесь все же преодолевать все трудности, и да будет Бог в помощь Вам.“

Л. П., Хельсинки.

„Глубокоуважаемый Олег Антонович!

...Теория норманистов проникла в нашу „историческую науку“ неспроста. Надо было принизить все душевные качества народа, доказать его никчемность. Но немецкие академики Российской Академии Наук просчитались. Первый Нок-Аут они получили от Пушкина, а за ним последовали блестящие писатели, композиторы, ученые XIX века. Огрызались и доказывали глупо: Пушкин – негр, Лермонтов – шотландец и т. п. Но в горле застряла кость и замолчали, когда русская культура и русская наука начали опережать прочие и талантами своими и множеством имен. В переживаемое нами время, враг России и русского народа торжествует. Кульминационной точкой его успехов была сталинщина, а теперь, прикрываясь культом Ленина, он старается не допустить русского возрождения. Однако ленинский маскировочный плащ в глазах русского человека выцвел и обратился в рвань. Седьмой десяток лет жизни по „ленинским заветам“ оттолкнул народ от социализма навсегда, а от кровавого коммунизма и подавно.

Исконная вражда западного мира к нам разрушит нашу страну окончательно, а с нею и русский народ, если умолкнет наше русское правдивое слово. Им, т. е. словом можно победить и такое „пустяковое“ зло, как лживая теория норманистов, теория губящая у неискушенных людей доверие к собственным силам. В Ваших руках

сильное оружие – слово правды. И да зазвучит оно и на нашей, плененной врагами, родине...”

В. Ю., Нью-Йорк.

„Здравствуйте господин Красовский!

Я имею членство в Обществе охранения русских культурных ценностей и там получил два номера «Веча». Прочитал все.

В № 13 Вы напечатали очерк биографии Ленина. Такой Ленин был. Но. Авторы нашли источник ненависти всех Ульяновых к России в их запутанном национальном происхождении. Для Вас эта тема не нова и Вы, конечно, понимаете, что истина в другом. Вы должны были сделать редакторскую сноску.

Ни слова, что был казнен царем Александр Ульянов. Юноша редкой души. 18 лет, покался перед царем, и убит. Отсюда и стали все Ульяновы думать, что такое Романовы и Россия. Каждый пришел к своему, а Ленин с Крупской добивались своей цели по-своему. Произошла война Ульяновых с Романовыми, у Ленина она разлилась на всю Россию...

В № 13 есть статья: Сталин – не антисемит. Да, Сталин был шире. Антисемитизм только мелкая черта этой личности. Подборка в статье верная, педантичная и опять недоговор. За месяц до его смерти была, ведь, кампания через евреев-врачей. Мне было тогда 14 лет, я помню как массы негодовали за своих вождей. Случилось непредвиденное. То ли Сталина отравили, то ли, сам околел. Тогда сказали сверху: ошибка. От евреев отступились, а, ведь, готовил Сталин что-то крупное против всех евреев, т. е. показал себя как обыкновенный антисемит в этот период своей жизни. Редактор должен сказать автору о

таким недочете, или сделать свою пометку при печати.

Мне 46. Меня оттуда вытолкнули. Показывали донос на меня. Мне дали копию для устрашения. Директрисса сказала: „От вашего поведения на собрании будет зависеть...“ Я не стал каяться, ушел с этого профсобрания хитрых, злых собак. Меня уволили по специальной статье. Все друзья (все русские) от меня разбежались. 10 сентября 76 года я уехал с матерью в Израиль.

Уже 6 лет живу во Франции. Ремонтирую квартиры, иногда читаю доклады в русском клубе, иногда пишу статьи. Но мои статьи не печатают, потому что у меня конформизма меньше, чем по неписанной норме. Я окончил исторический факультет университета.

Я работал в Псковском музее. В Пскове я думал, что русский народ испортили большевики. Что золото русской души спасено эмигрантами. Здесь я видел разных русских через ремонты и иначе. Здесь я понял, что революция была неизбежна, а Святой Руси никогда не было.

Видна техника и тенденция «Веча». Через специальную подборку авторов создается картина: Какая была чудесная страна и как было все хорошо у нас, русских. Ваш журнал дезинформирует русских людей и значит губит русский народ. Потому, что общее несчастье – русские неспособны говорить правду. Как и евреи. Это значит, что впереди будут скандалы и скрежет зубов.“

Г. Г., Париж.

„Глубокоуважаемый Олег Антонович!

...Что же касается Вашего журнала, то мне бы хотелось сказать Вам одно: при всем моем уважении к нему и Вам, меня коробит то, что Вы сотворили себе кумир. Хватит

нам непререкаемых авторитетов и обильных слюновыделений и складывания рук при упоминании „любимого имени“... И коль скоро Вы взяли свое название от «Вече», издававшегося Осиповым в России, то почему Вы отвергли и подход этого журнала ко всякого рода авторитетам, непримиримость и бескомпромиссность его?

Выходит, в условиях России люди не боялись говорить, что и как они думают, а здесь в „свободном“ мире каждый боится сказать правду, обволакивая ее экивоками и эзоповским языком. А кто Солженицын? Не слишком ли судьба всегда, даже в России, была к нему благосклонна? Не слишком ли охраняла его?

Нет, я ничего не могу предъявить ему. Эти мысли возникли у меня, когда я недавно стала читать его выступления здесь, на Западе, а потом, чтобы утешиться, пыталась перечитать его „Архипелаг ГУЛАГ“, о котором, как и все в России, сходила с ума. Там, но не здесь... Слишком забывающим о себе, слишком мстительным за себя встал передо мной этот человек. В России я прочла „ГУЛАГ“ за одну, отпущенную мне ночь. Здесь я его прочитать не смогла, как не могу читать гадостные воспоминания Л. Копелева, мерзость Синявского, злобу Амальрика.“

Р. О., Иерусалим.

„Дорогой Олег Антонович!

Ваш № 22-ой так насыщен страшной правдой, что думаю, не только я испытал, читая его, большое напряжение духовных сил.

Остается только вспомнить: „Мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам плачевные песни, и вы не рыдали“ (Матф. 11-17). Те, кто должен был бы ужаснуться тем, что сказано в Вашем 22-м выпуске, проч-

тут, зевнут и не шевельнут пальцем. Вот это меня ужасает. Таков наш мир.

Н. Ч., Буенос Айрес

НАШИ ВЕСТИ

Издание Союза Чинов Русского Корпуса
Журнал основан полковником А. И. Рогожиным

Редактор Н. Н. Протопопов
Казначей А. А. Пустовойтенко

Журнал выходит ежеквартально
Подписка на 1 год 12 ам. долларов

Подписку направлять по адресу:

NASHI VESTI,
P. O. Box 5741,
Presidio of Monterey, CA 93940, USA

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

ALMANAC "VECHE"

P. O. Box 68

Flushing St.

N. Y. 11379

Tel. (718) 651-5662

Просьба оформлять, а также продлевать подписку на „Вече” для США и Канады через Генеральное Представительство, по указанному выше адресу.

В Генеральном Представительстве можно заказывать отдельные номера „Вече”

На складе Генерального Представительства имеется книга

„Художник и Россия”

По вопросам розничной продажи „Вече” в США и Канаде просим обращаться в Генеральное Представительство

«ВЕЧЕ»

Независимый русский альманах

В Европе

цена отдельного номера

15 нм

подписка на 4 номера

50 нм

В Америке и др. заокеанских странах

цена отдельного номера

9 ам. долл.

подписка на 4 номера

30 ам. долл.

Пересылка простой почтой в Европе и воздушной
почтой за океан включена в стоимость подписки

Цена отдельного экз. „Вече“ №№ 1, 2 и 3 в Европе —
24 нм, в США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Цена сдвоенного № 7—8 „Вече“ — в Европе 24 нм, в
США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Желаю оформить подписку
на 4 номера альманаха „Вече“, начиная с №

Фамилия, имя

Адрес

.....

.....

Оплату произвожу
приложенным чеком

почтовым переводом

Заполненный талон, чек или почтовый перевод
просим направлять:

RUSSISCHER NATIONALER
VEREIN (RNV) e. V.
8000 München 2, Theresienstr. 118-120
(West Germany)

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в тройком значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...*
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...*
- 3) в смысле органа политической власти...”*

*Энциклопедический словарь,
т. VIIА С.-Петербург, Типо-
Литография И. А. Ефрона,
1892*

„Вече (от „вещать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

*БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951*

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

*БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971*

**Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ**

**Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.
Theresienstr. 118-120, 8000 München 2**